ISSN 2010-6203

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

# XALQARO MUNOSABATLAR

## Ushbu sonda

- ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ И БЕЗОПАСНОСТИ В ПРОТИВОСТОЯНИИ УГРОЗАМ (НА ПРИМЕРЕ COVID-19): ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИЧЕСКИМ ШАГАМ
- МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА: РАСТУЩИЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
- DEFINING RESEARCHES IN CHANGING ENVIRONMENT



№1-2/2020

INTERNATIONAL RELATIONS

JAHON IQTISODIYOTI VA DIPLOMATIYA
UNIVERSITETI

# XALQARO MUNOSABATLAR

FANLARARO ILMIY-NAZARIY JURNAL

---

# МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

---

# INTERNATIONAL RELATIONS

INTERDISCIPLINARY SCIENTIFIC
AND THEORETICAL JOURNAL

1-2/2020
(№ 79, 80)

BOSH MUHARRIR: A.A. ABDUVAXITOV

TAHRIR HAY'ATI A'ZOLARI:

Sh.M. Abdullayev, E.T. Aripov, A.Sh. Abbasova, R. Alimov,
M.M. Bahadirov, M.T. Baqoev, I. Zvyagelskaya (RF), B.A. Islamov,
G.S. Ismailova, G. Kupli (AQSh), K. Karimov, I.R. Mavlyanov,
I.T. Ne'matov, M.M. Rahmankulov, N. Sirajiddinov, R.F. Farmonov,
I.A. Xamedov, U.A. Xasanov, S.A. Pulatova

**TELEFONLAR: 267-07-41; 268-61-07; FAKS: 267-09-00**
**TAHRIRIYAT MANZILI: 100113, Toshkent,**
**Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.**

**Ushbu sonni tayyorlaganlar:**

Muharrir: L.B. Hodanovich
Original-maket va dizayn: I.A. Semenyuk

*JIDU ruxsatisiz qayta chop etish man qilinadi.*
*Ko'chirib bosilganda «Xalqaro munosabatlar» jurnali ko'rsatilishi shart.*
***Tahrir hay'ati fikri muallif fikridan o'zgacha bo'lishi mumkin.***
*Qo'lyozmalar, suratlar qaytarilmaydi.*

*Перепечатка статей без разрешения УМЭД не допускается.*
*При перепечатке ссылка на журнал «Xalqaro munosabatlar» обязательна.*
***Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикуемых статей.***
*Рукописи, фотографии, рисунки не возвращаются.*

Ushbu nashr 068 raqami bilan qayd etilgan.

*Formati 70x100 1/16. Hajmi 8 b.t. Adadi 300 nusxa. Kelishilgan narxda.*
*JIDUda chop etildi. Toshkent, Mustaqillik shoh ko'chasi, 54.*

*© Xalqaro munosabatlar, 2020.*

# МУНДАРИЖА


**I. МИР В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ**
**Дунё пандемия шароитида**
**World under pandemic**

***И.Р. Мавланов.*** Обеспечение национальных интересов и безопасности в противостоянии угрозам (на примере COVID-19): от теории к практическим шагам ..... 5

***I.R. Bekov.*** How parliaments work during a pandemic ..... 16

**II. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ**
**Халқаро ва минтақавий иқтисодиёт муаммолари**
**Problems of International and Regional Economy**

***Г.К. Султанова.*** Макроэкономическая политика и конкурентоспособность экономики: опыт Сингапура ..... 22

***A.K. Abdullaev.*** The improvement of transport system leads to economic growth: a myth or a reality? ..... 39

***Г.М. Бақоева.*** Ўзбекистон фонд бозорида IPO (акциянинг бирламчи жойлаштирилуви) амалиётини қўллашда хориж тажрибаси ва деривативлардан фойдаланиш имкониятлари ..... 48

**III. ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА**
**Халқаро ҳуқуқ муаммолари**
**Problems of International Law**

***Ш.Н. Рузиназаров, Л.И. Ачилова.*** Новый этап развития Гражданского кодекса Республики Узбекистан в условиях цифровой реальности ..... 58

**IV. ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ И ПРАКТИКИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**
**Халқаро тадқиқотлар назарияси, методологияси ва амалиёти муаммолари**
**Problems of Theory, Methodology and Practice of International Studies**

***Ш.Ш. Таджиев***. Международная политика: растущие вызовы и новые перспективы ..... 66

***U.A. Khasanov.*** Defining researches in changing environment ..... 81

**V. AD MEMORIAM**

Памяти Устоза (1922-2019 гг.) ..... 93

**VI. ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ**
**Ёш тадқиқотчи минбари**
**Young Researcher's Rostrum**

***Z.T. Gaibnazarova***. Improving the national education system using international experience of investing in human capital ..... 97

**VII. НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ**
**Илмий шарҳлар**
**Scientific reviews**

***Н.Я. Муминова***. Системный анализ международных отношений в современном научном дискурсе ..... 110

**VIII. ДАЙДЖЕСТ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
**Хорижий адабиётларнинг қисқача шарҳи**
**Digest of foreign literature**

***Н. Рахматуллаева***. COVID-19: мир после кризиса ..... 128

**IX. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ УМЭД** ..... 133
**Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг илмий ҳаёти**
**Scientific life of the University of world economy and diplomacy**

**X. МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ** ..... 141
**Методик кабинет**

■ Дунё пандемия шароитида ■
■ World under pandemic ■

И.Р. Мавланов

# Обеспечение национальных интересов и безопасности в противостоянии угрозам (на примере COVID-19): от теории к практическим шагам

Вопросы обеспечения национальных интересов и безопасности в целях противостояния угрозам постоянно находятся в центре внимания внешней политики и дипломатии Узбекистана и лично Президента Узбекистана Ш.М.Мирзиёева. О важности предотвращения и обеспечения государственной безопасности и защиты интересов Узбекистана от внешних и внутренних угроз конкретно сказано в «Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Узбекистана в 2017-2021 годах», п.V «Приоритетные направления в сфере обеспечения безопасности», где подчеркивается необходимость «адекватного противодействие угрозам», а также в Указе Президента Республики Узбекистан от 14 марта 2018 г. «О мерах по совершенствованию системы государственной безопасности Республики Узбекистан». Выступая на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 23 сентября 2020 г., Ш.Мирзиёев, имея ввиду последствия пандемии коронавируса, особо подчеркнул «уязвимость всего человечества перед подобными глобальными угрозами» [1].

Пандемия коронавируса COVID-19 оказала огромнейшее негативное влияние на развитие практически всех стран мира и их взаимосвязей. Опубликованы десятки тысяч научных исследований о степени этого влияния с различных позиций.

*Мавланов И.Р., доктор экономических наук, профессор УМЭД.*

**I. Какие мы извлекли уроки из наших наблюдений и научных исследований?**

1. COVID-19 подтвердил наши десятилетние изыскания в области ползучего и трансформационного характера угроз, о которых мы неоднократно заявляли в статьях и книгах, а также докладывали на международных и республиканских конференциях. Многие из того перечня угроз, к сожалению, подтвердились [2], в частности, удар по пожилым людям, деградация учреждений социальной сферы, в том числе медицины, и др.

**Пандемия коронавируса COVID-19 оказала огромнейшее негативное влияние на развитие практически всех стран мира и их взаимосвязей. Опубликованы десятки тысяч научных исследований о степени этого влияния с различных позиций.**

2. COVID-19 выявил неэффективность, неподготовленность и непрочность всей системы национальной безопасности во многих странах мира, в том числе по предотвращению внутренних и внешних угроз невоенного характера. Используя медицинскую терминологию, иммунная система многих государств оказалась слабой, не выдержав угрозы COVID-19.

3. Во многих государствах проявилась недооценка возникновения, проникновения, влияния и последствия угроз невоенного характера, оказывающих негативное и дестабилизирующее влияние на все стороны жизни, экономическую, социальную, научно-техническую и другие сферы безопасности.

4. Судя по публикациям, государственные органы, обеспечивающие национальную безопасность от угроз, показали следующие свои слабые стороны:

a) слабое взаимодействие государственных органов (министерств и ведомств) с академическими (научными, исследовательскими) институтами или их полное взаимное недоверие или отсутствие;

b) взаимное недоверие между странами к информации об угрозах;

c) отсутствие готовности стран взаимодействовать между собой по оценке угроз, отсутствие действенных налаженных механизмов во взаимодействии против общих угроз;

d) практическая неготовность многих органов к возникшей ситуации: неспособность дать оценку степени угроз, отсутствие кадров, исследовательских центров и т.д.;

e) экономическая, финансовая, психологическая неподготовленность и др.

**II. К каким выводам мы пришли?**

1. Большинство угроз невоенного характера носят скрытый, ползучий и трансформационный характер, действуют на протяжении длительного времени. Их необходимо выявлять заблаговременно средствами наблюдения и отслеживания не только в собственной стране, но и за рубежом, поэтому задача выявления угроз в целях надежного обеспечения национальной безопасности в каждой стране должна возлагаться на всю систему государственной власти, ее институтов и аппарата.

2. Трансформационные угрозы имеют непредсказуемую неопределенность; если это так, то должны проводится фундаментальные и прикладные исследования объективной реальности академическим сообществом.

3. Дестабилизирующим вызовом явился и недостаточный учет в моделях социально-экономического развития ряда государств современных глобальных транформационных процессов в области трансграничных потоков людских ресурсов и международной торговли, особенно в условиях пандемии.

4. Один из вызовов состоял в несостоятельности государств оценить свое новое местоположение в международных отношениях в условиях пандемии и выработать адекватные методы доверительного взаимодействия с другими государствами. Это породило новые угрозы недоверия. Основная причина кроется в том, что такие государства не придают внимания фундаментальным теоретическим работам в области трансформационных процессов, происходящих в международных отношениях, а также угрозам невоенного характера.

**COVID-19 подтвердил неэффективность, неподготовленность и непрочность всей системы национальной безопасности во многих странах мира в предотвращении внутренних и внешних угроз не военного характера.**

5. Вызов безопасности был связан и с недооценкой или игнорированием некоторыми государствами огромных преимуществ современных достижений в области информационно-коммуникационных технологий, оказывающих колоссальное влияние на снижение угроз пандемии, а соответственно и положительное влияние на экономическое развитие. Государства, которые эффективно использовали эти достижения, смогли значительно снизить серьезные удары пандемии.

6. Автомизация (автономная или замкнутая работа) многих государств не решила проблемы борьбы с современными угрозами пандемии. Странам необходимо действовать скоординировано.

Все это подтвердили и слова Президента Узбекистана Ш.М.Мирзиеева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, где он особо подчер-

кнул: «Мы все глубоко осознали необходимость консолидации усилий правительств, парламентов и гражданского общества, укрепления принципов общей ответственности, тесной координации в развитии международного партнерства, повышения статуса и потенциала Всемирной организации здравоохранения и расширения ее полномочий».

### III. Что содержат научные теории в области обеспечения национальных интересов и безопасности?

Понятия «национальный интерес» и «экономическая безопасность» используются в теоретических работах в области международных отношений и содержатся в большинстве концепций национальной безопасности, основных направлениях внешней и внутренней политики государств. Применение этих понятий в науке и на практике на протяжении нескольких десятилетий продолжает оставаться предметом дискуссий представителей различных теоретических школ в мире и Узбекистане.

**Большинство угроз невоенного характера имеют скрытый, ползучий и трансформационный характер на протяжении длительного времени. Их необходимо выявлять заблаговременно средствами наблюдения и отслеживания не только у себя в стране, но и за рубежом.**

Важный вклад в развитие понятий «национальный интерес» и «национальная безопасность» внесли представители *реализма* и *неореализма*, у которых они являются ключевой категорией. Так, Барри Бузан рассматривает проблемы национальной безопасности в терминах проблем глобальной безопасности, где каждый человек, государство и система играют свою роль и где экономические факторы могут быть такими же важными, как политические и военные [3]. По мнению Питера Хока, «идея национального интереса, рассматриваемая во внешней политике, ... продолжает оставаться очень влиятельной в академических и правительственных кругах» [4].

Несмотря на то, что идеи школы *реализма* высказаны еще в трудах Фукидида, Макиавелли, Гоббса, а позже в работах Джорджа Кеннана, Ганса Моргентау и других, что достаточно всесторонне рассмотрено в отечественной, русскоязычной и западной литературе, остановимся на некоторых из них, связанных с вопросами национальных интересов и безопасности.

Классический реализм во внешней политике направлен на защиту государством своих национальных интересов в международных отношениях [5]. Так, Г.Моргентау, увязав понятие «национальный интерес» с дипломатией, в предложенных им девяти правилах дипломатии утверждает: «Внешнеполитические цели должны формулироваться

сквозь призму национального интереса и быть поддержаны адекватной властью» [6].

Лучшим способом реализации внешней политики по защите национальных интересов многие считают дипломатию.

**Понятия «национальный интерес» и «экономическая безопас-ность» входят сегодня в теоретические работы в области международных отношений и содержатся в большинстве концепций национальной безопасности, основных направлениях внешней и внутренней политики государств.**

Отмечая важность таких средств дипломатии, как «убеждение, компромиссы и давление», Г.Моргентау подчеркивает, что «государства должны быть готовы идти на компромиссы по любым вопросам, за исключением жизненно важных» [7].

Микаел Шихан (университет Суонси) отмечает, что «дипломатия ... рассматривалась как основной инструмент, при помощи которого государства защищали себя от угроз ... других государств» [8].

К жизненно важным интересам государства П.Хок относит интересы собственного народа, добавляя, что «фундаментальная цель внешней политики должна гарантировать целостность государственной территории, ее политических институтов и ее культуры» [9]. Это подтверждает П.А.Цыганков, по его мнению, национальная безопасность призвана «обеспечить гарантии неуязвимости основных, жизненно важных интересов – национального суверенитета, территориальной целостности государства-нации, защиты его населения» [10].

Г.Моргентау делит национальные интересы на постоянные и преходящие. Постоянные интересы являются основополагающими и включают защиту территории, населения, государственных институтов от внешней опасности, развитие внешней торговли, обеспечение роста инвестиций, защиту частного капитала за границей, взаимоотношения с союзниками, выбор внешнего курса. К преходящим он относит интересы выживания нации и государства, безопасность и благосостояние общества, периферийные и локальные интересы [11].

По мнению же Кей Сеан, «целью государства является развитие экономической мощи и защита уязвимых мест с целью продвижения национальных интересов» [12]. Такой же позиции придерживается М.Шихан, отмечая, что для реалистов «центральной целью государства является защита граждан от внутренних и внешних угроз», ... «правительство должно уделять особое внимание безопасности в таких сферах, как здравоохранение, производство продовольствия в сельском хозяйстве, сокращение безработицы, строительство транспортных коммуникаций и др.» [13].

В рамках парадигмы реализма появились новые теоретические подходы, такие как *неореализм, структурный реализм.*

*Неореалисты* признают, что возросла важность экономического взаимодействия между государствами, и обращают внимание на экономическую мощь в качестве национального интереса, подчеркивая тем самым, что не все в мире зависит от военной силы [14]. Государства могут достичь мощи, акцентируя внимание на развитии экономики. Важное место в вопросах безопасности неореалисты отводят международной политической экономике [15] и являются сторонниками того, чтобы экономическая безопасность включала проблемы ресурсов, финансов и рынка в целях поддержания приемлемого уровня благосостояния и государственной мощи [16]. Кроме того, неореалисты признают «важность экономических акторов в лице многонациональных компаний (МНК) в международной системе», хотя этот вопрос считают не настолько важным в вопросах политической власти [17].

Представители *структурного реализма,* с одной стороны, рассматривают государство, его могущество и безопасность как центральную концепцию классического реализма, признавая важность экономических акторов [18]. С другой – считают, что решающие отношения между странами в мировой системе находятся на глобальном уровне, а не на уровне акторов, т.е. надо исходить из целостности мира, из существования глобальной системы [19]. Выдвигая эту точку зрения, один из основателей теории структурного реализма К.Уолтс обращается к экономической теории рынка, на базе которой предлагает государствам выживать в условиях анархии в системе международных отношений двумя путями: а) расширить свои возможности за счет развития экономики или вооружения или др.; б) вступить в союз с другими государствами и улучшить свое структурное положение в системе международных отношений [20].

Не все *либералисты* находят понимание, а некоторые подвергают сомнению правомерность использования такого понятия, как «национальный интерес», поэтому и интересы государств сторонники либерализма видят по-другому. Представитель российской либеральной школы В.М.Кулагин [21] «скептичен по отношению к стратегиям, отдающим приоритет обеспечению «национальных интересов» перед защитой «общих» ценностей» [22], при этом он замечает, что после окончания «холодной войны» понятие «общие интересы» устоялось. В.М.Кулагин прогнозирует дальнейшее обострение региональных конфликтов за доступ к природным ресурсам и сохранение традиционного «реалполитического» мышления, рассматривающего войну как «допустимый» элемент защиты национальных интересов [23].

С. Кей выделяет в этом плане работу и позицию Сейем Брауна [24], который утверждает, что «значению понятия «интерес» следовало бы эволюционировать от «национального» до «мирового» уровня и оно должно уже включать в свой смысл: выживание человеческого рода; сокращение количества убийств; создание условий для здорового пропитания всем людям; защиту прав граждан; сохранение основной естественной экологии планеты и окружающей среды; и повышение ответственности» [25].

**С прагматической позиции, в современных условиях глобализации и постпандемийного периода задача обеспечить национальные интересы и гаранти-ровать безопасность своей стране приобретает все большую важность в дипломатии.**

Сторонники *плюрализма* наравне с государствами называют и других акторов, особенно экономического характера, и важность экономических интересов. Международные неправительственные организации и транснациональные корпорации (МНК) рассматриваются ими как важные игроки на мировой арене [26].

*Структуралисты* основное внимание сосредотачивают не столько на том, кто является главным актором, сколько на его структурных элементах, таких как богатство, население, состояние торговли и др. [27], и утверждают, что в своих интересах государства должны исходить из достижения положительных (или высоких) показателей этих составляющих элементов.

Таким образом, относительно средств безопасности неореалисты придерживаются традиционной позиции: основой мирного сосуществования, международного порядка и безопасности является баланс сил в рамках мультиполярного мира. Позиция неолибералов сводится к тому, что безопасность достижима только путем объединения усилий демократических государств [28].

Рассмотренные теории не всегда позволяют осмыслить и понять экономическое неравенство в развитии стран мира. Попытки осмысления таких вопросов в международных исследованиях предпринимают представители школы *неомарксизма,* где И.Валлерстайном в одной из известных работ выдвинута мир-системная теория [29]. Из ее положений следует, что основным национальным интересом капиталистической мир-экономики будет оставаться непрерывное накопление капитала. Сильные государства в процессе накопления капитала будут навязывать свою волю более слабым государствам, следовательно, одни страны в вопросах экономической безопасности будут защищать и продвигать свой капитал, другие – защищаться от угроз такого капитала и стремиться к самостоятельному развитию.

Представитель неомарксизма А.Франк экономическую развитость и отсталость стран считает следствием неравноправных межгосударственных отношений, так как в интересах центра (ведущих развитых государств) заложен подход отчуждения от периферии прибавочного продукта, что ведет к «развитию отсталости» [30].

**IV. От теории к практическим шагам**

В современных условиях глобализации и пост-пандемийного периода задача обеспечить национальные интересы и гарантировать безопасность своей стране приобретает все большую важность в дипломатии. В связи с этим актуальным и своевременным является прагматическая инициатива Президента Узбекистана Ш.Мирзиёева на 75-й сессии ГА ООН, где он предложил «разработать под эгидой Организации Объединенных Наций Международный кодекс о добровольных обязательствах государств в период пандемии», причем «в этом документе должны быть отражены обязательства каждого государства перед своими гражданами и международными партнерами».

Как известно в Программе развития ООН (ПРООН) безопасность поставлена в качестве третьей «опоры» развития сотрудничества в глобализированном мире в связи с тем, что конфликты «являются источником систематических нарушений прав человека и препятствием на пути прогресса в достижении Целей тысячелетия» [31]. Поэтому Президент Узбекистана Ш.Мирзиеев на 75-й сессии ГА ООН призвал «поддержать инициативу Узбекистана о принятии Конвенции ООН о правах молодежи», а также предложил «принять специальную резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций о повышении роли парламентов в достижении Целей устойчивого развития и обеспечении прав человека».

**Национальная безопасность государств должна рассматриваться не только как защищенность национальных интересов, но и готовность институтов государственной власти заблаговременно создавать механизмы противостояния угрозам.**

Анализируя данные о голоде за последние несколько столетий, П.Хок отмечал, что «концепция безопасности человека должна учитывать широкий круг угроз для жизни человека, среди которых нищета, без сомнения, является наиболее важной» [32]. И именно в этом вопросе Ш.Мирзиёев на 75-й сессии ГА ООН предложил «определить проблемы ликвидации нищеты и борьбы с бедностью в качестве одной из основных тем предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, а также провести Глобальный саммит, посвященный данным вопросам». На примере многострадального Афганистана, который

десятилетиями страдает от различных угроз, Ш.Мирзиёев на 75-й сессии ГА ООН высказал «целесообразность создать при Организации Объединенных Наций постоянно действующий комитет, который будет прислушиваться к мнению и чаяниям этого многострадального народа».

**Выявление угроз национальной безопасности на любой стадии и разработка мер их предупреждения и ликвидации должна стать важнейшей задачей каждого органа государственной власти.**

*Какие бы рекомендации по борьбе с угрозами невоенного характера можно еще предложить?* На современном этапе борьбы с пандемией существуют внутренние и внешние угрозы национальной безопасности государства, недопущение или преодоление которых должно стать важнейшим элементом стратегии национальной безопасности многих государств, в том числе Узбекистана.

В числе мер по противостоянию угрозам выделим следующие:

формирование внутренней и внешней политики и их осуществление должна постоянно и систематически оцениваться с позиции влияния внешних и внутренних угроз;

национальная безопасность государств должна рассматриваться не только как защищенность национальных интересов, но и готовность институтов государственной власти заблаговременно создавать механизмы противостояния угрозам;

среди системных мер в области выявления возможных угроз и их оценки необходимы диагностика угроз и определение их влияния на различные сферы, оценка степени (глубины и т.д.) проникновения угроз, оценка последствий угроз (экономических, социальных, психологических, на здоровье и др.), оценка времени восстановления после угроз, оценка возможности повторяемости возникновения угроз;

нужна системная ревизия всех отраслей (министерств) по готовности к оценке, выявления и диагностике угроз;

важна постоянная проработка программных мер (экономических, финансовых, технических и др.) по противостоянию угрозам, их создание (если нет) или совершенствование;

следует вести системную подготовку или переподготовку кадров (научных, административных и др.) в области выявления угроз;

при необходимости можно создавать дополнительные постоянно действующие институты и органы для отслеживания и выявления угроз;

важно ввести в практику систематическое информирование министерств и ведомств или специальных органов о возникновении тех или иных угроз национальной безопасности;

в законодательные и нормативно-правовые документы следует ввести положения, предусматривающие меры в отношении государственных и частных органов и лиц о скрытии (затушевывание) угроз.

Таким образом, наши исследования подтвердили существование внешних угроз безопасности государств, недопущение или преодоление которых должно стать важнейшей задачей государств. Выявление угроз национальной безопасности на любой стадии и разработка мер их предупреждения и ликвидации должна стать важнейшей задачей каждого органа государственной власти. Возникновение новых вызовов и угроз государствам требуют выработки новых подходов к их устранению и классификации с целью обеспечить национальные интересы и безопасность.

## Литература

1. Выступление Президента Узбекистана Шавката Мирзиёева на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. 23 сентября 2020г. https://mfa.uz/ru/press/news/2020/09/24708/

2. *Мавланов И.* Экономическая дипломатия. В 2-х т. – Ташкент: УМЭД, ПРООН, 2007. Т. 1; *Мавланов И.* Экономическая дипломатия. – М.: «Аспект Пресс», 2016; *Mavlanov I.* Threats Assessment of Terrorism and Security Measures: The Case of Uzbekistan // Central Asia and Regional Security / P.L. Dash, Anita Sengupta and Murat M. Bakhadirov (eds.). Maulana Abul Kalam Azad Institute of Asian Studies. – Kolkata (India): KW Publishers, 2014. – P. 173-186; *Мавланов И.Р.* Экономическая дипломатия в условиях глобального финансового кризиса: вызовы и задачи // Международные отношения. – Ташкент, 2009. – № 2. – С. 15-24; *Mavlanov I.* Threats to Regional Security in Central Asia: Focus on Uzbekistan // AAKROSH, Asian Journal on Terrorism and Internal Conflicts. – New Delhi, 2007. – Vol.10. – № 36. – P. 52-69.

3. *Buzan B.* People, States, and Fear. 2nd edn. – Boulder: Lynne Rienner, 1991. – P. 368.

4. *Hough P.* Understanding Global Security. – London and New York: Routledge, 2007. – P. 3.

5. *Sheehan M.* International Security: An Analytical Survey. – Boulder and London: Lynne Rienner, 2005. – P. 5-11.

6. *Morgenthau H.J.* Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. Brief edn. / K.W. Thompson (revised). – New York: McGraw-Hill, 1993. – P. 382.

7. Ibid. – P. 363, 383.

8. *Sheehan M.* Cit. op. – P. 6.

9. *Hough P.* Cit. op. – P. 3.

10. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. – М.: Гардарики, 2006. – С. 320-321.

11. *Morgenthau H.J.* Cit. op. – P. 275-318.

12. *Kay S.* Global Security in the Twenty-first Century: The Quest for Power and the Search for Peace. – Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2006. – P. 46.

13. *Sheehan M.* Cit. op. – P. 11.

14. *Donnelly J.* Realism // Theories of International Relations / S. Burchill...et al. 3rd edn. – New York: Palgrave Macmillan, 2005. – P. 29-54.
15. *Hough P.* Cit. op. – P. 3.
16. *Buzan B.* Cit. op. – P.19-20.
17. *Nicholson M.* International Relation: A Concise Introduction. 2nd edn. – New York: Palgrave Macmillan, 2002. – P.96-97.
18. Ibid. – P. 97-98.
19. *Sheehan M.* Cit. op. – P. 16-18.
20. *Kay S.* Cit. op. – P. 16-50; Категории политической науки / А.Ю.Мельвиль, Т.А.Алексеева и др. – С.599-601.
21. *Кулагин В.М.* Международная безопасность. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – С. 49.
22. *Фененко А.* Либеральная версия международной безопасности // Международные процессы. – Москва,_2007. – Т. 5. – №1(13). http://www.intertrends.ru/thirteen/018.htm
23. Там же.
24. *Brown S.* World Interests and the Changing Dimensions of Security // World Security: Challenges for a New Century. 3rd edn. / M. Klare and Y. Chandrani (eds.). – New York: St. Martin's Press, 1998. – P. 11-14.
25. *Kay S.* Op.cit. – P. 59;
26. *Nicholson M.* Cit. op. – P. 98-100; Hough P. Op.cit. – P. 4-5.
27. *Nicholson M.* Cit. op. – P.100-103.
28. *Цыганков П.А.* Указ. соч. – С. 139.
29. *Wallerstein I.* World-Systems Analysis. An Introduction. – Durham and London: Duke University Press, 2004.
30. Категории политической науки. – С. 611-613.
31. Доклад о развитии человека 2005. Программа развития ООН (ПРООН). – М.: Изд-во «Весь Мир», 2005. – С. 3.
32. *Hough P.* Cit. op. – P. 84.

**I.R. Bekov**

# How parliaments work during a pandemic

It is no secret that the threat of coronavirus has already reached the world, with the exception of a few countries, and is one of the main problems on the agenda. Whether it is an epidemic or a pandemic, it is only natural that the parliament should continue to function, especially if it is within its jurisdiction. Well, the question naturally arises as to how parliaments work in such a situation.

Parliaments around the world have been forced to change their procedures in response to the new situation caused by the Covid-19 pandemic. They changed the procedures and forms of voting, plenary sessions, committee meetings, and parliamentary oversight. Almost all parliaments around the world have moved to a limited system.

The Inter-Parliamentary Union (IPU) Innovation Center, an international organization that unites most of the world's parliaments, has been compiling data on how the world's parliaments work during the coronavirus crisis [1]. According to him, there are three different practices of organizing parliamentary sessions around the world.

Under the first practice, parliaments continued to hold sessions in person with some restrictions. That is, the number of general meetings and committee meetings was reduced. The number of parliamentarians and staff in the building has been reduced. Some have been transferred to remote work. Parliamentary venues have been relocated, and large halls have been used to provide more effective social distance.

**Parliaments around the world have been forced to change their procedures in response to the new situation caused by the Covid-19 pandemic.**

*Bekov I.R., Associate Professor, Tashkent State Law University.*

For example, the Swedish and Estonian parliaments asked their staff to stay at home only if they felt unwell or had symptoms.

In the second practice, parliaments continued to hold virtual sessions using remote working methods. Many parliaments have taken advantage of remote working. However, this raises a number of issues, including the need to establish a legal framework for remote operation, security and authentication.

In many countries, including German, Lithuanian, and Norwegian parliaments, video conferencing has been introduced instead of face-to-face meetings.

The French and Dutch parliaments encouraged only the most important staff to come to work, and transferred the rest to remote work [2].

The British Parliament went into «hybrid» mode on April 22 this year. In other words, the fate of the country is being decided by politicians without leaving home. This means that some members of parliament work through the Zoom platform, while others visit Westminster Palace. In the lower house, 50 deputies (out of 650) are allowed to sit in one place at a time, while the rest of the deputies communicate via video. The Zoom platform allows only 120 participants to communicate, so not everyone has the right to speak. [3].

**Under the first practice, parliaments continued to hold sessions in person with some restrictions.**
**In the second practice, parliaments continued to hold virtual sessions using remote working methods.**
**In the third practice, parliaments did not convene. This was due to the fact that the parliaments declared a parliamentary holiday.**

In the third practice, parliaments did not convene. This was due to the fact that the parliaments declared a parliamentary holiday. The lower house of the Canadian Parliament has considered extending the term of office for five weeks (from early March to April 20) after inter-chamber deliberations. However, on March 23, the chamber reconvened to introduce economic emergency measures and then closed again.

The New Zealand Parliament amended its bylaws to allow a special committee to convene instead of all members of the House.

It should be noted that some parliaments are amending laws and procedures (regulations, rules) to ensure remote operation. In Spain and Brazil, in particular, the chambers have amended their rules to allow for virtual sessions. Other parliaments, including Estonia, Israel, and the United Kingdom, have relaxed existing rules to allow committees to meet virtually.

Below, we would like to highlight the experience of Uzbekistan on this issue.

It is known that on March 16, 2020, a quarantine was declared in our country with the detection of the first patient with coronavirus. It should be noted that the work in the chambers of the Oliy Majlis has not stopped, on the contrary, the work continues. From this day on, the parliamentary style of work is gaining new significance due to the situation. If we look at this in concrete examples, we should emphasize the following aspects.

First, on March 17, 2020, deputies of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis went to their constituencies to study the current situation in the field of medicine, to provide assistance to local primary health care facilities, and to provide comprehensive support to doctors [5].

**From this day on, the parliamentary style of work is gaining new significance due to the situation.**

Secondly, on March 20, 2020, at the initiative of the President, the Legislative Chamber held its first unconventional meeting with the participation of deputies and permanent senators, members of the Government headed by the Deputy Prime Minister and officials. It included a video conference on March 19 on mitigating the impact of the coronavirus pandemic on living standards and sectors of the economy. The parties also discussed the content of the tasks set forth in the Decree "On Priority Measures to Mitigate the Negative Impact of the Coronavirus Pandemic and the Global Crisis on Economic Sectors" [6]. The factions of political parties in the Legislative Chamber and the committees of the Oliy Majlis chambers set additional tasks in accordance with the Decree.

Third, an internal electronic system has been set up in parliament to facilitate the electronic exchange of all documents. Today, the main activities of the parliament and deputies continue electronically. Discussions of draft laws, control over the implementation of laws by the executive branch, reception and processing of citizens' appeals are also carried out electronically [7].

Fourth, for the safety and health of members of parliament, the use of videoconferencing has been used in the practice of holding sessions and meetings of parliamentary chambers, depending on the situation. On March 24, 2020, the third plenary session of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan [8] and on March 27, 2020, the next working meeting of the Council of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan [9] were held for the first time by videoconference.

In particular, in the case of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis, since the announcement of quarantine measures, all faction meet-

ings and committee meetings have been held by videoconference. In addition, members of the government and representatives of the subjects of the right of legislative initiative were provided with the opportunity to participate in the plenary sessions of the chamber by videoconference remotely.

To determine the procedure for holding meetings of the Legislative Chamber by means of video conferences and creating a regulatory framework, was adopted the temporary Regulation "On holding meetings of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan by means of video conferences during the fight against the spread of coronavirus (COVID-19) in the Republic of Uzbekistan". [10]

Fifth, based on the constitutional powers of parliament and the current situation, in a short time, the Law of the Republic of Uzbekistan "On Amendments and Addenda to the Criminal Code, Criminal Procedure Code and the Code of Administrative Responsibility of the Republic of Uzbekistan" [11] was adopted to strengthen liability for violation of quarantine rules.

Sixth, party factions in the lower house of parliament are making various proposals to the government depending on the situation. For example, members of the SDP «Adolat» faction in their election program have given great importance to reforming the health care system and raising the status of doctors, as well as to the high status of doctors in our country, to provide decent services to the population. They proposed to the government to create equal conditions for workers in the sector at the national, regional, city and district levels, and to increase the salaries of all employees in the sector [12].

Seventh, the leaders of the chambers of the Oliy Majlis [13] made speeches on their social media pages, in which they appealed to our people to show solidarity in the days of trial and to fully comply with discipline during the quarantine period.

**In particular, in the case of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis, since the announcement of quarantine measures, all faction meetings and committee meetings have been held by videoconference.**

Based on the recommendations of the Inter-Parliamentary Union and the international experience of world parliaments, the following conclusions and proposals can be made:

1. Complete the introduction of the «Electronic Parliament» system as soon as possible in order to improve the organization of the work of all structures of the Oliy Majlis on the basis of information technology;

2. Strengthening the legal framework governing the activities of the chambers of the Oliy Majlis, based on the activities and experience of the

pandemic, the legislation that determines the constitutional and legal framework, the procedure for remote operation of the parliament and its structures;

**Complete the introduction of the «Electronic Parliament» system as soon as possible in order to improve the organization of the work of all structures of the Oliy Majlis on the basis of information technology;**

3. Minimize the number of meetings, sessions and meetings in the parliament in the context of a pandemic, and make extensive use of videoconferencing. This will also significantly reduce the financial costs of these activities;

4. It is necessary to introduce such a practice in the chambers of the Oliy Majlis, according to which:

- Videoconferencing should be used only for the consideration of bills related to the elimination of COVID-19 coronavirus, national security and defense, economic well-being and the rights of citizens. Naturally, in a pandemic, it is not possible to review and discuss bills in the same way as before;
- The heads of the chambers of the Oliy Majlis, committees, factions of political parties and 3/1 of the deputies may take the initiative to convene a session of the chamber;
- Deputies of the Legislative Chamber and members of the Senate vote on this or that issue by saying the number of the bill and their name. In this case, the videoconferencing system is recorded on special media.

In general, the effective organization of parliamentary activities in the context of a pandemic is an important guarantee of its legislative, oversight and analytical functions. After all, in the words of the President, the people's representatives should become the main initiators and executors of the drastic and effective reforms being carried out in our country. This task requires the activities of the parliament to be adapted to any conditions.

## Literature

1. How to run a parliament during a pandemic: Q and A. *https://www.ipu.org/news/news-in-brief/2020-04/how-run-parliament-during-pandemic-q-and*

2. Coronavirus: How are parliaments worldwide working during the pandemic? *https://commonslibrary.parliament.uk/parliament-and-elections/coronavirus-how-are-parliaments-worldwide-working-during-the-pandemic/*

3. Virtual House of Commons: End of week one. *https://www.parliament.uk/business/news/2020/april1/virtual-house-of-commons-end-of-week-one/*

4. D. Turaev. How the world parliaments and the parliament of Uzbekistan work today? [Д.Тўраев. Бугун дунё парламентлари қандай ишлаяпти? Ўзбекистон парламентичи?] *http://uza.uz/oz/society/bugun-dunye-parlamentlari-anday-ishlayapti-zbekiston-parlame-10-04-2020*

5. Deputies focus the main attention on the support of doctors. [Депутатлар асосий эътиборни шифокорларни қўллаб-қувватлашга қаратади] *http://parliament.gov.uz/uz/events/other/30459/*

6. Инсонпарварлик моҳияти билан йўғрилган тарихий ҳужжат [Historical document permeated with the essence of humanism.] *http://parliament.gov.uz/uz/events/chamber/30473/*

7. The legislative chamber of the Oliy Majlis also introduced a quarantine procedure. [Олий Мажлис Қонунчилик палатасида ҳам карантин тартиби жорий этилди] *https://kun.uz/uz/news/2020/03/17/oliy-majlis-qonunchilik-palatasida-ham-karantin-tartibi-joriy-etildi*

8. Information on the Third Plenary Session of the Senate of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan. [Ўзбекистон Республикаси Олий Мажлиси Сенатининг учинчи ялпи мажлиси тўғрисида ахборот]. *http://senat.uz/uz/lists/view/1262*

9. How was the Lower chamber Council meeting held? [Қуйи палата Кенгаши йиғилиши қандай ўтказилди?] *http://parliament.gov.uz/uz/events/other/30511/*

10. Is it legal to hold a Parliamentary meeting via videoconference? [Парламент мажлисини видеоконференцалоқа режимида ўтказиш қонунийми?] *http://parliament.gov.uz/uz/events/chamber/30739/*

11. Responsibility for violations of quarantine rules is imposed. [Карантин қоидаларини бузганлик учун жавобгарлик кучайтирилмоқда.] *http://parliament.gov.uz/uz/events/chamber/30483/*

12. Does the monthly salary of medical staff increase? [Тиббиёт ходимларининг ойлиги ошириладими?] *http://parliament.gov.uz/uz/events/other/30455/*

13. T. Norboeva. Bugungi qadriyatlarimizga xos bolgan birdamlik har qachongidan kora koproq muhim. [Т. Норбоева. Бугунги қадриятларимизга хос бўлган бирдамлик ҳар қачонгидан кўра кўпроқ муҳим.] *http://uza.uz/oz/society/tanzila-norboeva-bugun-adriyatlarimizga-khos-b-lgan-birdamli-02-04-2020;*

14. N.Ismoilov. A healthy environment in society is a product of politics. [Н.Исмоилов. Жамиятдаги соғлом муҳит – сиёсат ҳосиласи.] *http://xs.uz/uzkr/post/zhamiyatdagi-soglom-muhit-siyosat-hosilasi*

**Г.К. Султанова**

# Макроэкономическая политика и конкурентоспособность экономики: опыт Сингапура

Одним их приоритетных направлений развития и либерализации экономики, определенных в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 годах, является дальнейшее укрепление макроэкономической стабильности и сохранение высоких темпов роста экономики. В качестве важных задач достижения данной цели обозначены дальнейшее совершенствование денежно-кредитной политики путем применения инструментов в соответствии с передовым международным опытом и продолжение курса на снижение налогового бремени и упрощение системы налогообложения [1]. Для совершенствования монетарной и фискальной политики в Узбекистане с целью повышения конкурентоспособности экономики важным является изучение опыта развитых стран, занимающих ведущие позиции в Глобальном индексе конкурентоспособности по индикатору «Макроэкономическая стабильность».

## Взаимосвязь макроэкономической политики и конкурентоспособности экономики

По мнению основоположника современной концепции конкурентоспособности экономики М. Портера, «процветание наций определяется производительностью экономики, которая измеряется стоимостью товаров и услуг, произведенных на единицу человеческих, капитальных и природных ресурсов» [2]. Уровень конкурентоспособности экономики определяется ее производительностью, которая в свою очередь «зависит как от эффективности производства, так и от стоимости производи-

*Султанова Г.К., к.э.н., ст. преподаватель кафедры «Международная экономика» УМЭД.*

мых товаров и услуг, измеряемой ценами, которые они приобретают на свободных рынках» [3]. Нации могут увеличить свое благосостояние путем роста производительности экономики, поэтому важной задачей в любой стране является создание благоприятных условий для роста продуктивности ее предприятий и работников.

На уровень конкурентоспособности экономики влияет большое количество факторов, которые подразделяются Портером на макроэконо-мические и микроэкономические детерминанты. Портер подчеркивает, что "макроэкономические факторы оказывают косвенное влияние на продуктивность фирм в экономике. Они являются необходимыми, но не достаточными для обеспечения более высокой производительности" [4].

В научной литературе исследованию макроэкономических детерми--нантов конкурентоспособности отводится особое место. При этом отмечается, что "макроэкономические условия устанавливают контекст, который создает возможности для конкурентоспособности на национальном, региональном и кластерном уровнях, и создает основу для конкуренто-способности на уровне фирмы" [5]. Макроэкономические детерминанты включают такие факторы, как институты, экономическая политика, физическая инфраструктура и географические условия.

В рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) различают два столпа макроэкономической конкурентоспособности: макроэкономическую политику и социальную инфраструктуру и политические институты (рис. 1).

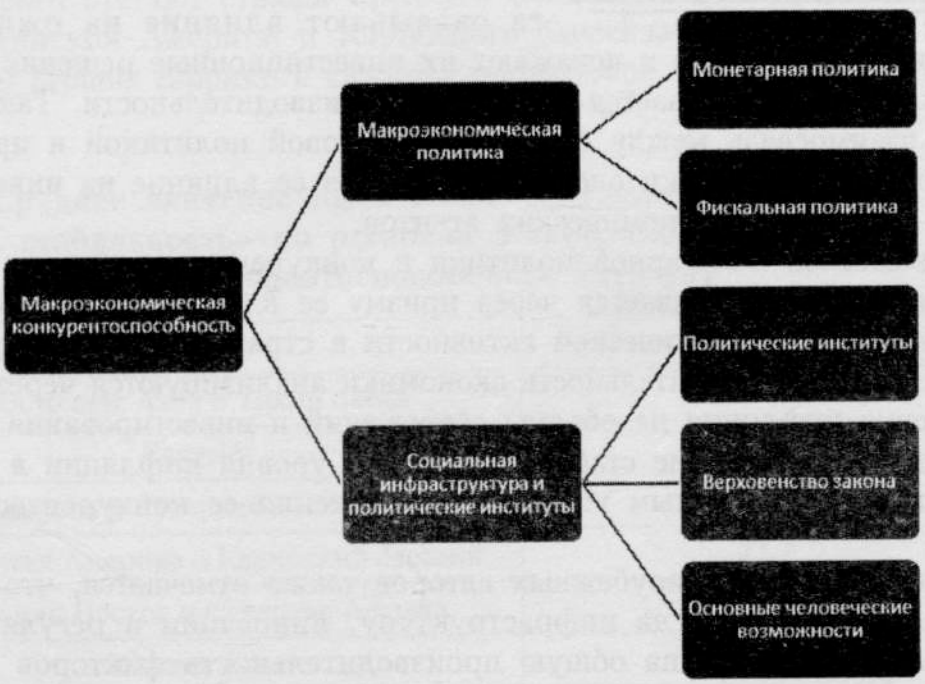



**Рис. 1. Факторы макроэкономической конкурентоспособности [6].**

Повышение конкурентоспособности экономики на макроуровне во многом зависит от эффективности проводимой правительствами стран денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик и их взаимосвязью с другими направлениями экономической политики. В частности, результаты фискальной политики в краткосрочном периоде оцениваются через ее влияние на уровень экономической активности. Для анализа влияния фискальной политики на уровень производительности экономики в долгосрочном периоде используются такие показатели, как абсолютный размер государства и соотношение между доходами и расходами государственного бюджета. При этом исследователями большое внимание уделяется вопросу влияния различных систем налогообложения в странах на благосостояние наций (уровень налогового бремени, структура расходов государственного бюджета, система налогового администрирования).

**Повышение конкурентоспособности экономики на макроуровне во многом зависит от эффективности проводимой правительствами стран денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политик и их взаимосвязью с другими направлениями экономической политики.**

Другим важным фактором, оказывающим косвенное влияние на уровень производительности предприятий в экономике, является устойчивость доходов государственного бюджета. Сохраняющийся дефицит государственного бюджета и повышение величины внешнего долга оказывают влияние на ожидания экономических агентов и искажают их инвестиционные решения, что в конечном итоге сказывается на уровне производительности. Таким образом, взаимосвязь между бюджетно-налоговой политикой и производительностью экономики опосредуется через ее влияние на инвестиционную активность экономических агентов.

Взаимосвязь монетарной политики и конкурентоспособности экономики также рассматривается через призму ее влияния на краткосрочные колебания экономической активности в странах. Ее долгосрочные эффекты на производительность экономики анализируются через влияние уровня инфляции на объемы сбережений и инвестирования. Соответственно, поддержание стабильно низкого уровня инфляции в экономике становится важным условием обеспечения ее конкурентоспособности.

В исследованиях зарубежных авторов также отмечается, что "государственные расходы на инфраструктуру, инновации и регулятивная деятельность влияют на общую производительность факторов производства; налоги влияют на инвестиции в физический и человеческий капитал; бюджетный дефицит, также как денежно-кредитная политика,

влияет на процентные ставки и инфляцию, - все это ключевые факторы, определяющие инвестиционные решения фирм и физических лиц" [7]. Таким образом, совершенствование фискальной и монетарной политики в странах должно в конечном итоге приводить к росту продуктивных инвестиций в экономику, способствующих повышению ее производительности.

В Глобальном индексе конкурентоспособности показатели макроэкономической стабильности, такие как уровень инфляции и динамика внешнего долга, учитываются в компоненте «Создание благоприятных условий». Страны с уровнем инфляции между 0,5% и 4% получают оценку в 100 баллов по показателю «уровень инфляции». Для стран, у которых уровень инфляции находится вне этого диапазона, баллы линейно уменьшаются по мере увеличения разницы между фактическим и оптимальным значением уровня инфляции. Показатель «динамика госдолга» оценивает изменение в уровне госдолга, взвешенного по кредитному рейтингу страны, и уровень внешнего долга по отношению к ВВП страны.

В рейтинге глобальной конкурентоспособности 2019 по индикатору (столпу) «Макроэкономическая стабильность» опережающие позиции занимают страны Европы и Северной Америки, затем следуют государства Восточной Азии. По среднему значению данного индикатора от них намного отстают страны Среднего Востока и Южной Азии, Евразии, Латинской Америки и Карибского бассейна, и последние места занимают страны Африки к югу от Сахары (табл. 1).

*Таблица 1*

**Среднее значение индикатора «Макроэкономическая стабильность» по регионам в глобальном индексе конкурентоспособности 2019 [8]**

| Регион | Среднее значение (0-100) |
|---|---|
| Восточная Азия и Тихий океан | 89,6 |
| Евразия | 74,9 |
| Европа и Северная Америка | 92,6 |
| Латинская Америка и Карибский бассейн | 73,7 |
| Средний Восток и Северная Африка | 75,3 |
| Южная Азия | 74,7 |
| Африка к югу от Сахары | 69,4 |

В страновом разрезе ведущие позиции в рейтинге глобальной конкурентоспособности 2019 занимают Сингапур (1-е место), США (2-е место), Гонконг (3-е место), Нидерланды (4-е место), Швейцария (5-е место), Япония (6-е место), Германия (7-е место), Швеция (8-е место), Великобритания (9-е место), Дания (10-е место).

*Таблица 2*

**Показатели индикатора «Макроэкономическая стабильность» стран Восточной Азии в Глобальном рейтинге конкурентоспособности 2019 [9]**

| Страна | Индикатор «Макроэкономическая стабильность» (0-100) | Уровень инфляции, % | Динамика гос. долга (0-100) |
|---|---|---|---|
| Сингапур | 99,7 | 0,5% (100) | 99,5 |
| Гонконг | 100 | 1,9% (100) | 100 |
| Япония | 94,9 | 0,7% (100) | 89,8 |
| Тайвань | 100 | 1,3% (100) | 100 |
| Республика Корея | 100 | 1,7% (100) | 100 |

В странах Восточной Азии, демонстрирующих высокие значения индикатора «Макроэкономическая стабильность», наименьший уровень инфляции наблюдается в Сингапуре (0,5%), наибольший – в Гонконге (1,9%), а значение показателя «динамика госдолга» близко к 100 во всех странах, кроме Японии. В частности, Гонконг, Тайвань и Республика Корея делят первое место в рейтинге по данному индикатору среди 141 экономик, Сингапур занимает 38 место, Япония – 42 место (табл. 2).

**Результаты большого количества исследований показали, что чрезмерные государственные расходы, приводящие к хроническому дефициту госбюджета и увеличению госдолга, являются существенным фактором, сдерживающим экономический динамизм.**

Среди отдельных стран СНГ лидирующую позицию занимает Россия, уровень инфляции в которой составляет 3,3%, а показатель динамики внешнего долга – 80 баллов. Среди стран Центральной Азии, представленных в рейтинге, Казахстан находится на 60-м месте, Кыргызстан – на 74-м месте, а Таджикистан – на 98-м месте среди 141 стран (табл. 3).

*Таблица 3*

**Показатели индикатора «Макроэкономическая стабильность» отдельных стран СНГ в Глобальном рейтинге конкурентоспособности 2019 [10]**

| Страна | Индикатор «Макроэкономическая стабильность» (0-100) | Уровень инфляции, % | Динамика гос. долга (0-100) |
|---|---|---|---|
| Казахстан | 86 | 6,7 | 80 |
| Кыргызстан | 75 | 2,4 | 50 |
| Таджикистан | 72 | 5,6 | 49,2 |
| Россия | 90 | 3,3 | 80 |
| Грузия* | 74 | 4,3 | 49,7 |

Эффективность налогово-бюджетной политики и уровень налогового бремени стран оценивается международным рейтингом Heritage Foundation «Индекс экономической свободы». Одна из четырех категорий, их которых состоит Индекс экономической свободы, оценивает размер государства. В рамках данной категории учитываются такие компоненты, как уровень налогового бремени, государственные расходы и фискальное здоровье. Уровень налогового бремени – показатель, отражающий предельные ставки налогов на доходы физических и юридических лиц и общий уровень налогообложения (включая прямые и косвенные налоги) в процентах от ВВП. Компонент государственных расходов включает величину потребления государственных организаций и трансфертные платежи, выплачиваемые по различным программам.

В методологии индекса подчеркивается, что достаточно сложно определить оптимальный уровень государственных расходов [11]. Их приемлемый уровень для страны будет зависеть от множества географических, экономических и культурных факторов. Однако государст-венные расходы становятся значительным бременем для экономики, когда рост размера и охвата государственного сектора неизбежно приводит к неэффективному распределению ресурсов и потере экономической эффективности. Результаты большого количества исследований показали, что чрезмерные государственные расходы, приводящие к хроническому дефициту госбюджета и увеличению госдолга, являются существенным фактором, сдерживающим экономический динамизм.

Компонент «Фискальное здоровье» учитывает среднее значение дефицита госбюджета в процентах от ВВП за последние три года и величину госдолга в процентах от ВВП. Слабое и неэффективное управление государственными финансами приводит к росту дефицита госбюджета и долгового бремени. Конечным результатом такой политики является макроэкономическая нестабильность и неопределенность, стагнация экономики.

В Индексе экономической свободы 2019 среднее значение индивидуального подоходного налога по 180 странам составило 28,5%, а среднее значение корпоративного налога – 24%. Среднее значение налогового бремени в процентах от ВВП было равно 22,2%, а средний уровень госрасходов от ВВП – 33,2%. Средний уровень валового госдолга для обследуемых стран составил 56,2% ВВП [12].

*Таблица 4*

**Показатели категории «Размер государства» стран Восточной Азии в индексе экономической свободы 2019 [13]**

| Страна | Налоговое бремя | Госрасходы | Фискальное здоровье |
|---|---|---|---|
| Сингапур | 93,1 | 90,3 | 100 |
| Гонконг | 90,4 | 90,7 | 80,0 |
| Япония | 68,2 | 55,0 | 55,7 |
| Тайвань | 75,0 | 90,6 | 91,6 |
| Республика Корея | 64,2 | 68,6 | 96,8 |

В регионе Восточная Азия высокие баллы по категории «Размер государства» присущи Сингапуру, Гонконгу и Тайваню (табл. 4). В частности, в Сингапуре ставка индивидуального подоходного налога составляет 22%, а корпоративного налога – 17%. Уровень налогового бремени в экономике – 13,7% от ВВП, а средняя величина госрасходов – 17,6% ВВП. Профицит госбюджета достиг 4,3% ВВП, а величина госдолга – 110,9% ВВП. Как видно, значения перечисленных показателей, кроме величины госдолга, намного ниже их средних значений по 180 обследуемым экономикам.

*Таблица 5*

**Показатели категории «Размер государства» отдельных стран СНГ в индексе экономической свободы 2019 [14]**

| Страна | Налоговое бремя | Госрасходы | Фискальное здоровье |
|---|---|---|---|
| Армения | 84,7 | 79,0 | 53,0 |
| Азербайджан | 87,5 | 59,5 | 89,4 |
| Россия | 89,4 | 62,3 | 86,6 |
| Белоруссия | 89,4 | 41,3 | 85,4 |
| Казахстан | 93,4 | 83,7 | 41,0 |
| Кыргызстан | 94,1 | 54,2 | 78,4 |
| Молдова | 85,4 | 59,1 | 92,0 |
| Таджикистан | 91,8 | 64,6 | 60,3 |
| Туркменистан | 95,9 | 92,0 | 92,3 |
| Узбекистан | 91,3 | 67,4 | 98,7 |

Страны СНГ также показывают неплохие результаты в категории «Размер государства» Индекса экономической свободы 2019. Так, по баллам, присвоенным по таким показателям, как величина налогового бремени и госрасходов по отношению к ВВП, среди изучаемых стран лидирует Туркменистан, а по категории «Фискальное здоровье» наиболее высокую оценку получил Узбекистан (табл. 5).

*Таблица 6*

**Показатели категории «Размер государства» стран Центральной Азии в индексе экономической свободы 2019 [15]**

| Страна | Налоговое бремя (% от общего внутреннего дохода) | Госрасходы (% от ВВП) | Дефицит госбюджета (% от ВВП) | Госдолг (% от ВВП) |
|---|---|---|---|---|
| Казахстан | 12,8 | 23,3 | 6,0 | 21,2 |
| Кыргызстан | 19,7 | 39,1 | 3,0 | 59,1 |
| Таджикистан | 20,6 | 34,3 | 4,7 | 47,8 |
| Туркменистан | 15,6 | 16,4 | 2,0 | 28,8 |
| Узбекистан | 18,2 | 33,0 | 0,3 | 24,5 |

Среди стран Центральной Азии наименьшая величина налогового бремени наблюдается в Казахстане (12,8%), отношение госрасходов к ВВП страны наименьшее у Туркменистана (16,4%), наименьший дефицит госбюджета у Узбекистана (0,3%), а наименьшая величина госдолга – у Казахстана (21,2%) (табл. 6).

Для определения роли монетарной и фискальной политики в повышении международной конкурентоспособности экономики полезно изучить положительный опыт стран, занимающих передовые позиции в рейтинге Глобальной конкурентоспособности ВЭФ.

Монетарная политика в странах Восточной Азии основана на различных режимах, включающих валютный совет в Гонконге и политику инфляционного таргетирования в Южной Корее, Таиланде и Филиппинах. Монетарная политика Сингапура выделяется как отдельная уникальная система. Начиная с 1981 года, монетарная политика Сингапура направлена на управление валютным курсом с целью обеспечения стабильности цен как основы устойчивого экономического роста. Валютный курс, являясь промежуточным таргетом монетарной политики, регулируется с помощью прямых интервенций на валютных рынках для достижения стабильного уровня цен в экономике, что и является конечной целью политики в среднесрочном периоде. Выбор валютного курса в качестве промежуточной цели борьбы с инфляцией объясняется тем, что Сингапур является малой открытой экономикой, имеющей очень высокий показатель внешнеторговой квоты (326% ВВП в 2018 г.), поэтому валютный курс оказывает намного большее влияние на уровень инфляции, чем процентная ставка.

Валютный курс влияет на общий уровень цен в экономике через изменение цен на импортные товары. Так, изменения номинального валютного курса влекут за собой изменение внутренних цен импортируемых товаров и услуг, выраженных в национальной валюте. Например, удорожание сингапурского доллара приводит к снижению цен импортных товаров и услуг, выраженных в национальной валюте, и сокращению уровня ИПЦ в экономике.

Для оценки изменения уровня цен в экономике Денежно-кредитное управление Сингапура (Monetary Authority of Singapore, MAS) использует ИПЦ и уровень базовой инфляции. Хотя MAS не имеет целевого показателя инфляции, считается, что среднее значение базовой инфляции не должно превышать 2%, что близко к ее историческому среднему значению, и соответствует состоянию стабильности цен в экономике. MAS также прослеживает динамику зарплаты и ренты, импортных и экспортных цен, оценивает инфляционные ожидания для определения будущей динамики цен.

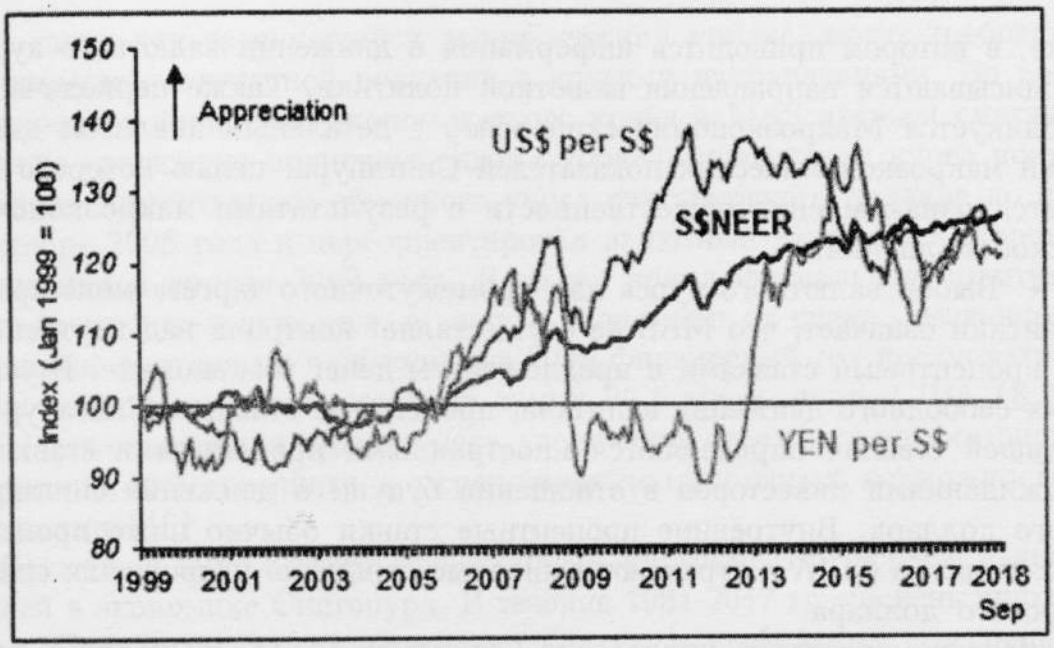



**Рис. 1. Динамика номинального эффективного валютного курса сингапурского доллара, валютного курса сингапурского доллара в долларах США и японской йене в 1999-2018 гг. [16]**

Характерные черты валютной системы Сингапура [17]:

• Сингапурский доллар корректируется по отношению к корзине валют его основных торговых партнеров, вес иностранной валюты в корзине зависит от доли страны во внешнеторговом обороте Сингапура. В качестве регулируемого валютного курса используется номинальный эффективный валютный курс, который отражает высокую степень диверсификации географии внешней торговли Сингапура. Он показывает более стабильную динамику по сравнению с курсом сингапурского доллара в долларах США и японской йене (рис. 1).

• В Сингапуре действует режим управляемого плавания. Номинальный эффективный валютный курс может колебаться в рамках установленного диапазона, который объявляется раз в полгода (в апреле и октябре). Установленный диапазон обеспечивает механизм сглаживания краткосрочных флуктуаций на валютных рынках и гибкость в управлении валютным курсом. Колебания валютного курса внутри установленного диапазона зависят от текущего и ожидаемого в будущем уровня цен в экономике.

• Политика валютного курса периодически пересматривается для оценки ее соответствия фундаментальным принципам функционирования экономики. Каждые полгода публикуется отчет о монетарной поли-

тике, в котором приводится информация о движении валютного курса и описываются направления валютной политики. Также периодически публикуется Макроэкономический обзор с детальным анализом динамики макроэкономических показателей Сингапура, целью которого является ознакомление общественности с результатами макроэкономической политики.

• Выбор валютного курса как промежуточного таргета монетарной политики означает, что MAS не осуществляет контроль над внутренними процентными ставками и предложением денег в экономике. В условиях свободного движения капитала, процентные ставки в Сингапуре в большей степени определяются иностранными процентными ставками и ожиданиями инвесторов в отношении будущего движения сингапурского доллара. Внутренние процентные ставки обычно ниже процентных ставок в США и отражают рыночные ожидания удорожания сингапурского доллара.

Денежно-кредитное управление Сингапура (MAS) выполняет функции Центрального банка, его основной задачей является проведение макроэкономической политики с целью обеспечения стабильности цен в экономике.

Основными принципами монетарной политики являются [18]:

• Монетарная политика должна быть нацелена на достижение стабильности цен в среднесрочном периоде. Низкий и стабильный уровень инфляции является важным условием эффективной аллокации ресурсов и обеспечивает благоприятную среду для устойчивого экономического роста.

• Монетарная политика должна быть понятной и систематической, процесс ее осуществления должен быть предсказуемым и транспарентным для экономических агентов.

• Монетарная политика должна быть дальновидной и фокусироваться на среднесрочный период. Как известно, существует временной лаг между принятием мер монетарной политики и реакцией на них экономических агентов. По оценке MAS, последствия изменения валютной политики в экономике проявляются только через 4-6 кварталов. MAS, учитывая внешние шоки, оказавшие воздействие на экономику, и отклонения в уровне инфляции, фокусируется на определении траектории движения номинального эффективного валютного курса в рамках установленного диапазона, для того, чтобы приблизить базовую инфляцию к ее историческому среднему значению, составляющему чуть менее 2% в среднесрочной перспективе.

• Монетарная политика должна учитывать эффекты других направлений макроэкономической политики, хотя определенные обстоятель-

ства, такие как затянувшийся экономический кризис, могут требовать координации монетарной политики с другими направлениями. Во время мирового финансово-экономического кризиса MAS дважды смягчил денежно-кредитную политику: снизил уровень повышения курса номинального эффективного обменного курса сингапурского доллара до 0% в октябре 2008 года и переориентировал валютный диапазон в сторону понижения в апреле 2009 года. В то же время фискальная политика сыграла значительную роль в защите экономики от спада, вызванного внешними факторами: в бюджете на 2009 финансовый год предусматривался пакет мер устойчивости на сумму 20,5 млрд. долл. США (8,2% ВВП) для сохранения рабочих мест, увеличения денежного потока фирм, поддержки домохозяйств и укрепления долгосрочных возможностей экономики [19].

Валютный курс служит эффективным инструментом борьбы с инфляцией в экономике Сингапура. В течение 1981-2017 гг. уровень инфляции в Сингапуре был относительно низким и стабильным, ее среднее значение составило 1,7%, что намного ниже среднего уровня базовой инфляции за тот же период в странах «большой семерки» G7 (табл. 7).

*Таблица 7*

**Уровень инфляции в Сингапуре, G7 и мире, % [20]**

| Период | Сингапур | | G7 | | Мир |
|---|---|---|---|---|---|
| | ИПЦ | Базовая инфляция MAS | ИПЦ | Базовая инфляция | ИПЦ |
| **1981-89** | 2,1 | … | 4,8 | 5,3 | 15,5 |
| **1990-99** | 1,9 | 1,8 | 2,7 | 2,9 | 20,0 |
| **2000-09** | 1,5 | 1,7 | 2,0 | 1,6 | 4,2 |
| **2010-17** | 1,9 | 1,6 | 1,4 | 1,4 | 3,5 |
| **1981-2017** | 1,9 | 1,7 | 2,7 | 2,8 | 11,1 |

Проведение монетарной политики, основанной на поддержании эффективного валютного курса, обеспечила стабильность цен в экономике и предсказуемость для экономических агентов. Валютная система также помогла сгладить негативное влияние краткосрочных колебаний валютного курса на реальный сектор экономики. Успешность такой системы связана также с эффективностью фискальной политики, гибко-

стью товарных и факторных рынков, развитостью финансовой системы и устойчивостью корпоративного сектора.

Вместе с тем, MAS не использует обменный курс для поддержания международной конкурентоспособности Сингапура или для достижения положительного сальдо счета текущих операций. Проведение политики дешевого сингапурского доллара для повышения конкурентоспособности экспорта в конечном итоге привело бы к избыточному спросу на факторы производства и повышению заработной платы и цен в экономике. Кроме того, многие экспортные отрасли в Сингапуре являются частью глобальных цепочек создания добавленной стоимости, что означает, что в стоимости экспортных товаров Сингапура высока доля импортных компонентов. Соответственно, постоянное ослабление обменного курса сингапурского доллара будет сопровождаться ростом стоимости импортируемых промежуточных товаров, заработной платы и ренты и, в конечном итоге, уровня цен. Это подрывает выгоду от первоначального номинального снижения обменного курса, поскольку реальный обменный курс укрепляется из-за более высоких внутренних цен. Это также было бы несовместимо с целью MAS по поддержанию инфляции на низком и стабильном уровне.

**Международная конкурентоспособность Сингапура определяется такими факторами как, высокое качество человеческого капитала, развитая инфраструктура, качество институтов, высокая степень связности с ведущими экономиками мира.**

Сингапур специализируется на производстве и экспорте сложных товаров с высокой добавленной стоимостью. Международная конкурентоспособность Сингапура определяется такими факторами как, высокое качество человеческого капитала, развитая инфраструктура, качество институтов, высокая степень связности с ведущими экономиками мира.

Немаловажную роль в поддержании высокой конкурентоспособности экономики Сингапура играет фискальная политика. Сингапур проводит пруденциальную налогово-бюджетную политику, которая дополняет денежно-кредитную политику, направленную на обеспечение устойчивого экономического роста с низкими темпами инфляции. Установленные налоговые правила направлены на обеспечение сбалансированного бюджета в течение срока действия полномочий правительства.

Основными причинами успешности фискальной политики Сингапура являются разумные программы расходов и справедливая налоговая политика. Государственные расходы в основном направлены на обеспечение населения Сингапура базовыми общественными товарами и услугами. Основными статьями государственных расходов являются:

- Образование, обеспечение жильем, здравоохранение и национальная безопасность.
- Создание и поддержание экономической инфраструктуры и услуг мирового уровня.

Налоговая политика Сингапура направлена на повышение конкурентоспособности экономики и привлечение иностранных инвестиций. Основной целью фискальной политики Сингапура является содействие долгосрочному экономическому росту, а не циклическая корректировка или распределение доходов.

Бюджетно-налоговая политика Сингапура проводится в соответствие со следующими принципами [21]:

- Частный сектор является двигателем роста, и роль правительства заключается в обеспечении стабильных и благоприятных условий для процветания частного сектора.
- Налоговая политика должна быть основана на микроэкономических законах и фокусироваться на вопросах предложения, т.е. на создании стимулов для сбережений, инвестиций и развития предпринимательства.
- Возможности циклической корректировки фискальной политики ограничены из-за значительной роли импорта в экономике Сингапура. Вследствие высокой предельной склонности к импорту рост величины государственных расходов не приведет к значительному росту дохода в экономике.

На протяжении многих лет Сингапур имел стабильный профицит госбюджета. Высокий уровень сбережений позволяет ему достичь одного из самых высоких в мире показателей внутренних инвестиций. Высокие внутренние сбережения также обеспечили достаточные объемы валютных резервов Сингапура, что повысило доверие инвесторов и обеспечило защиту от неблагоприятных экономических потрясений.

При проведении фискальной политики Министерство финансов Сингапура фокусируется в основном на среднесрочных и долгосрочных целях, таких как обеспечение устойчивого экономического роста и поддержание конкурентоспособности экономики.

Фискальная политика Сингапура направлена на достижение следующих целей [22]:

✓ Обеспечить финансовую дисциплину.

Правительство в своих действиях всегда опирается на рыночные механизмы. Например, налоговые льготы построены так, что они приносят пользу прибыльным компаниям, а не субсидируют убыточные. В результате вмешательство государства не создает существенных искажений в экономике.

**При проведении фискальной политики Министерство финансов Сингапура фокусируется в основном на среднесрочных и долгосрочных целях, таких как обеспечение устойчивого экономического роста и поддержание конкурентоспособности экономики.**

Сингапур поддерживает величину госрасходов к ВВП на одном из самых низких уровней среди развитых экономик. Здесь не приняты дорогостоящие программы социального обеспечения, не предусмотрены крупные трансфертные платежи в области пенсионного обеспечения, здравоохранения, пособия по безработице или инвалидности.

Каждое министерство получает ограниченный бюджет (block budget) (в % от ВВП) сроком на пять лет. При этом министерства получают автономию при принятии решений относительно статей расходов в пределах установленных лимитов.

✓ Стимулировать экономический рост.

В первые годы индустриализации Сингапура ключевыми мерами по стимулированию экономического роста были быстрое развитие инфраструктуры, предоставление налоговых и других льгот для привлечения иностранных инвестиций и прямое участие правительства в экономике. После обретения независимости в 1965 году Сингапур начал проводить политику привлечения многонациональных корпораций (МНК). МНК предлагались финансовые стимулы в виде налоговых льгот, например, освобождение от уплаты налога на доход сроком до 5 лет. Другие стимулы включали возможность ускоренной амортизации и вычета выплаты процентов по иностранным займам и роялти из налогооблагаемой прибыли.

С развитием экономики Сингапура его финансовые стимулы для привлечения инвестиций становились более изощренными. Тем более, что в 1980-х годах Сингапур столкнулся с конкуренцией других азиатских стран с относительно дешевой рабочей силой в привлечении крупных ТНК, что требовало разработки новых стимулов для превращения Сингапура в крупнейший деловой центр Азии. После экономического спада в 1985-1986 года, правительство Сингапура приняло решение о снижении ставок корпоративного налога и ставки индивидуального подоходного налога. Так, ставка корпоративного налога была снижена с 40% с 1980-х годах до 17% в 2018 г., а ставка индивидуального подоходного налога сократилась с 55% в 1980-х годах до 22% в настоящее время.

✓ Перераспределять доходы с минимальными искажениями.

Вместо того, чтобы проводить активную трансфертную политику для перераспределения дохода правительство Сингапура стремится обеспе-

чить социальную справедливость путем расширения возможностей людей. В стране действуют относительно низкие налоги на труд, что позволяет гражданам сберегать часть дохода и осуществлять инвестиции в экономику. Кроме того, значительное улучшение качества жизни населения Сингапура произошло за счет расширения доступа к образованию и обеспечения его бюджетным жильем. Услуги образования и здравоохранения также субсидируются государством.

✓ Управление резервами в качестве эндаумента.

Государство рассматривает свои резервы, как эндаумент для будущего развития. Его резервный фонд защищен Конституцией от расточительного использования, а доходы от инвестирования распределяются между нынешним и будущими поколениями бенефициаров.

Таким образом, меры бюджетно-налоговой политики Сингапура направлены на достижение устойчивого экономического роста и усиление социальной интеграции. Правительство вложило значительные средства в образование, обеспечение жильем, здравоохранение и социальную инфраструктуру с тем, чтобы расширить возможности своих граждан для увеличения доходов и участия в экономическом росте.

## Литература

1. Указ Президента Республики Узбекистан «О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан» от 7 февраля 2017 года № УП-4947. https://lex.uz/docs/3107042

2. *Porter M., Delgado M., Ketels Ch., Stern S.* Moving to a New Global Competitiveness Index. The Global Competitiveness Report 2008-2009, World Economic Forum. P. 44.

3. *Портер М., Кетелс К., Дельгадо М., Брайден Р.* Конкурентоспособность на распутье: направления развития российской экономики. С. 6.

4. *Porter M., Delgado M., Ketels Ch., Stern S.* Moving to a New Global Competitiveness Index // The Global Competitiveness Report 2008-2009, World Economic Forum. P. 46.

5. *Liu C.* (2017). International Competitiveness and the Fourth Industrial Revolution. Entrepreneurial Business and Economics Review, 5(4), 111-133. P. 119. http://doi.org/10.15678/EBER.2017.050405

6. Porter *M., Delgado M., Ketels Ch., Stern S.* Moving to a New Global Competitiveness Index. The Global Competitiveness Report 2008-2009, World Economic Forum. P. 46.

7. *Vietor R., & Weinzier, M.C.* (2012). Macroeconomic policy and U.S. competitiveness. Harvard Business Review, 90(3). P. 2.

8. *Claus Schwab*, The global Competitiveness Report, 2019, World Economic Forum, p. 13.

9. *Schwab Claus*, The global Competitiveness Report, 2019, World Economic Forum.

10. Указ. раб.

11. *Miller T., Kim A.B., Roberts J.M.* 2019 Index of Economic Freedom, 25th Anniversary Edition, Heritage Foundation, 2019, Washington D.C., USA, p. 459.

12. Там же, с. 17.

13. *Miller T., Kim A.B., Roberts J.M.* 2019 Index of Economic Freedom, 25th Anniversary Edition, Heritage Foundation, 2019. – Washington D.C., USA. P. 18.

14. *Miller T., Kim A.B., Roberts J.M.* 2019 Index of Economic Freedom, 25th Anniversary Edition, Heritage Foundation, 2019. – Washington D.C., USA.

15. *Miller T., Kim A.B., Roberts J.M.* 2019 Index of Economic Freedom, 25th Anniversary Edition, Heritage Foundation, 2019. – Washington D.C., USA.

16. FAQs on Singapore's Monetary Policy Framework. Monetary Authority of Singapore, Economic Policy Group, p. 9.

17. Singapore's Exchange Rate-Based Monetary Policy. Monetary Authority of Singapore. https://www.mas.gov.sg/-/media/MAS/Monetary-Policy-and-Economics/Monetary-Policy/MP-Framework/Singapores-Exchange-Ratebased-Monetary-Policy.pdf

18. FAQs on Singapore's Monetary Policy Framework. Monetary Authority of Singapore, Economic Policy Group, p. 12.

19. FAQs on Singapore's Monetary Policy Framework. Monetary Authority of Singapore, Economic Policy Group, p. 14.

20. FAQs on Singapore's Monetary Policy Framework. Monetary Authority of Singapore, Economic Policy Group, p. 6.

21. https://www.mas.gov.sg/bonds-and-bills/investing-in-singapore-government-securities/Singapores-Economy/Singapores-Fiscal-Policy

22. *Donald Low*, Fiscal management in Singapore
https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/gia-documents/fiscal-management-in-singapore_with-graphics-july.pdf?sfvrsn=1f4b6c0a_2

**Aziz K. Abdullaev**

# The improvement of transport system leads to economic growth: a myth or a reality?

The globalization of the world economy increases the volume of foreign trade operations, and therefore the physical mass of export-import goods. Uzbekistan's location in the heart of Central Asia allows the transport system to participate in ensuring trade and economic ties in all directions, which leads to economic growth. Underlining the crucial role of the development of transport communications in the overall progress of the country, the President of the Republic of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev gave a task to introduce a new system for building and launching infrastructure facilities, as well as accelerate reforms in the transport sector, especially the systems of railways and airways [1].

Many scientists have covered the relations and mutual influence of transport sphere and economic growth quite actively for the last decades. A huge number of articles in the area are dedicated to the effect of investing in transport infrastructure with subsequent economic growth, the interaction between different modes of transport and the use of modern logistics technologies. The trends today demonstrate that economic progress has become less dependent on the resources and more dependent on relations across space.

**The trends today demonstrate that economic progress has become less dependent on the resources and more dependent on relations across space.**

*Aziz K. Abdullaev, Senior Lecturer of International Finance and Investments Department, UWED.*

An efficient transport system with modern infrastructures favors many economic changes, most of them positive. The major impacts of transport on economic factors can be seen in the following figure [11]:




**Figure 1. Influence of transport investment on economic growth**

In turn, Venables A. suggests that transport investments can deliver economic benefits over and above conventionally measured user-benefits. They arise as:

**The cost of transporting passengers and goods is a common indicator, which, by the way, demonstrates the competitiveness of a particular country's transport in the international transport services markets.**

(a) Transport fosters intense economic interaction that raises productivity; this can occur in clusters within narrowly defined areas or more widely by linking areas.

(b) Transport shapes the level and location of private investment, potentially leading to higher levels of economic activity in some areas. Transport induced investments can interact with market failures including price-cost divergences, obstacles to efficient land use, and labour market imperfections [14].

Yu. A. Sherbanin believes that it is advisable to evaluate the impact of transport on economic growth by the following indicators.

1. The cost of transporting cargo and passengers. In other words these are the prices at which the transport industry provides services to consumers. The cost of transporting passengers and goods is a common

indicator, which, by the way, demonstrates the competitiveness of a particular country's transport in the international transport services markets.

2. Labor productivity in transport. We are talking about labor productivity both by mode of transport and by the transport industry as a whole. These estimates allow us to evaluate the effectiveness of transport in the context of the entire national economy, to identify losses and revenues.

3. The contribution of the transport industry in the GDP. In this regard, it is necessary to evaluate the amount of the added value that the transport acquired in a particular country.

4. Logistics costs and their assessment with a view to a share in GDP. In this context, it is advisable to assess the role and significance of transport and storage of goods at the terminals. It is also necessary to keep track of all the logistics costs of the path of the cargo from the sender to the final recipient.

5. Comparison and assessment of the impact of the development of transport infrastructure on economic growth as a whole. Currently, the methodologies for such estimates have not been refined yet. For instance, in many countries, the impact of road quality on product costs has not been evaluated.

6. The level of application of transport capacity [16].

**Theory suggests that there are a number of important mechanisms by which such transport improvements could, in principle, improve economic performance.**

Theory suggests that there are a number of important mechanisms by which such transport improvements could, in principle, improve economic performance. These include:

a. reorganisation or rationalisation of production, distribution and land use;

b. effects on labour market catchment areas and hence on labour costs;

c. increases in output resulting from lower costs of production;

d. stimulation of inward investment;

e. unlocking' inaccessible sites for development; and

f. triggering growth which in turn stimulates further growth [13].

**In one of the sources provided by the scientists dealing with the dependence of economic growth on transport infrastructure, one can see the effect of investing in transport infrastructure and how it can lead to increase in all the production factors and economic growth.**

In one of the sources provided by the scientists dealing with the dependence of economic growth on transport infrastructure, one can see the effect of investing in transport infrastructure and how it can lead to increase in all the production factors and economic growth.

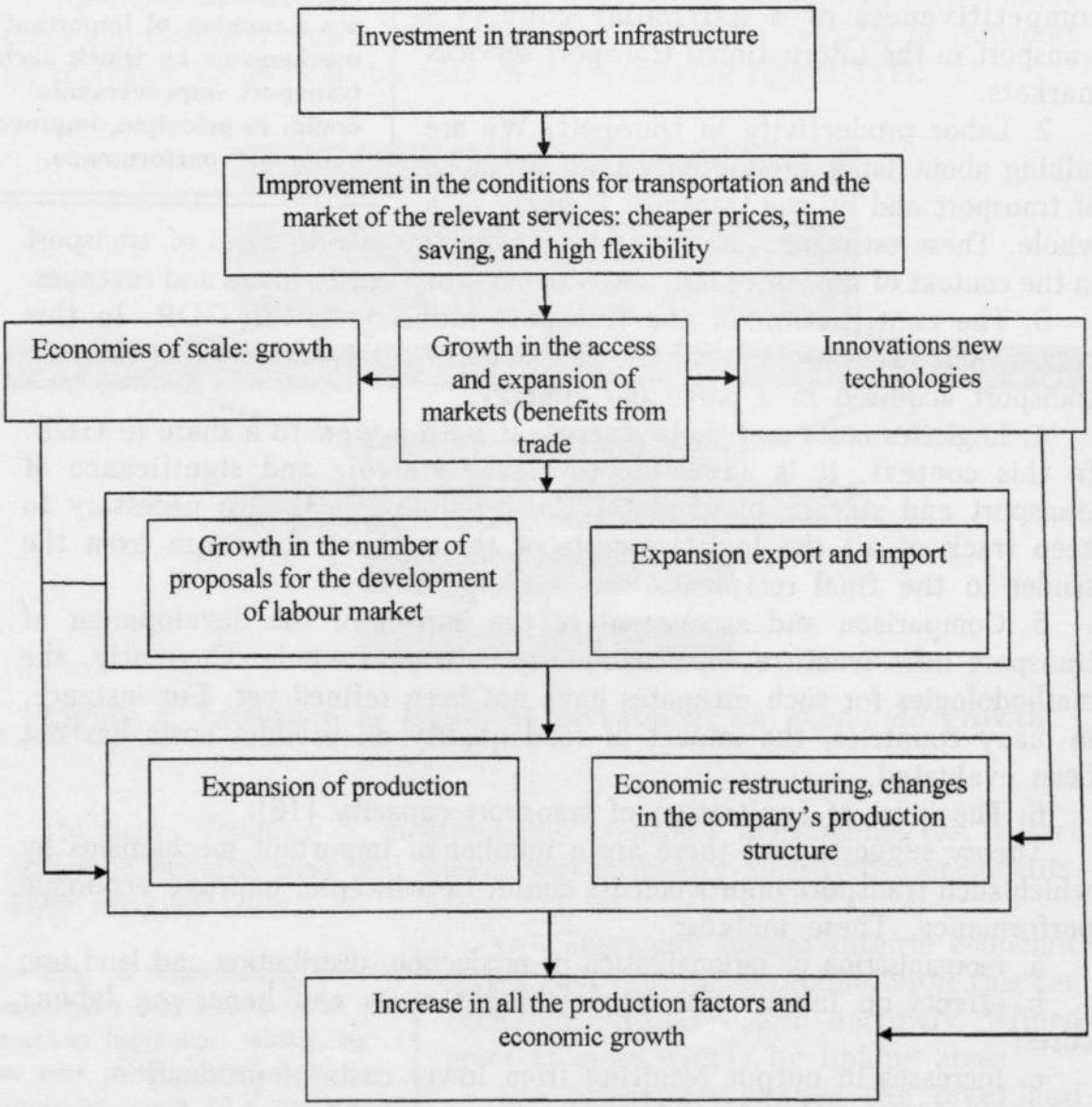



**Figure 2. Impact of investment in transport infrastructure on economic growth [16].**

Transport and related infrastructure have played a pivotal role in economic growth and development during the last century, and many theoretical and empirical studies have recognised it as an important factor in maintaining and promoting economic growth. Transport infrastructure may be the prerequisite for economic development, while transport and the supporting infrastructure network can be an engine in promoting

economic growth. However, the transport infrastructure alone is not sufficient for economic growth [10].

Transport infrastructure is widely believed to contribute to growth, thus the influence of transport infrastructure on economic growth was acknowledged a long time ago in many pieces of research. Obviously, the relation between transport and economic growth has intrigued researchers already for several decades. According to Rostow (1960), the introduction of railways was a factor in growth and development in the United States, France, Germany, Canada and Russia [12]. In the 1970s, Arrow and Kurz (1970) included the theoretical analysis of the effects of transport infrastructure in growth theories [3]. Krugman (1991) argues that transport accessibility affects global development paths and can boost economic growth, but also create a barrier to it [8].

The role of transport and transport infrastructure in the economic growth and competitiveness of a country has been recognised in many studies, but it is still an ongoing topic in scientific circles as some research results have been inconclusive. Generally, it is considered that in the era of globalisation, economic progress of the economy, among other things, depends on the efficiency of passenger and goods transport, while the lack of inadequate transport infrastructure remains an important obstacle [10].

**Transport infrastructure is widely believed to contribute to growth, thus the influence of transport infrastructure on economic growth was acknowledged a long time ago in many pieces of research.**

Transport policy decisions affect the mobility of people and goods and thereby positively influence productivity, GDP growth and employment. On the other hand, economic growth usually generates increasing transport demand. Greater amounts of goods produced will be followed by greater transport distances travelled, enhanced division of labour (e.g. due to globalisation), new production technologies, e.g. just-in-time production, etc., generating increases in environmental pressures. An efficient transport systems and a well equipped transport infrastructure are vital to a strong economy - locally, regionally and nationally - by providing high quality accessibility to jobs, manufacturers, suppliers and customers. Thus, there has been continuing pressure for additional investments to improve the existing transportation network, focusing mainly on road transport, but also on heavy rail, urban public transports, harbours and airports. Economic growth and development affect both the demand and the pattern of transport services. Higher incomes stimulate car ownership, growth of business sales activates the carriage of more freight, technological change allows new methods of communication, adjustments to the composition of

**Transport policy decisions affect the mobility of people and goods and thereby positively influence productivity, GDP growth and employment.**

economic activity, including de-industrialisation, lead to new traffic flows, etc [2].

In recent years, with the rapid economic development of society, it is increasingly more convenient for people to travel. Travel modes tend to be diversified, but the most common ways to travel are by highway and rail transport. Promoting and influencing the growth of the national economy by fully developing the advantages of highway and rail transport while achieving sustainable development between the transport industry and the national economy have been proven to be hot topics in recent research. The relationship between the national economy and transportation seems complex because these two parameters form a dynamic system made up of a variety of factors, and these factors are interdependent and interact with each other when the system is operating [6].

An efficient transport sector is an essential component of global and national economic development. Accessibility of transport determines global development models and can serve as a catalyst or an obstacle to economic growth in selected countries [7].

Transport investments link manufacturing factors into a single network of relationships between suppliers and consumers to create a more efficient division of production, take advantage of geographical advantages and provide opportunities for increased economies of scale. The contribution of transport to economic development includes the following:

1. Network effect: connecting more places together progressively increases the value and efficiency of transport

2. Increased efficiency: reduced costs and time for existing freight passenger transport increases the contribution of transport to economic development

**The relationship between the national economy and transportation seems complex because these two parameters form a dynamic system made up of a variety of factors, and these factors are interdependent and interact with each other when the system is operating.**

3. Reliability - increases temporary efficiency and reduces costs and losses, which contributes to more rapid economic development

4. Market size: access to wider markets is beneficial due to increased economies of scale in production, sales and consumption, thereby enhancing economic growth

5. Productivity: transport improves productivity by accessing a larger and more diverse base of raw materials, such as raw materials, components, energy, labor, and wider markets to expand the range of production [15].

In accordance with one more source, Transport is a necessary ingredient to securing these benefits, in three distinct ways.

i. Economic interactions between firms (and between firms and consumers) are more intense the better the transport system. Firms can reach wider markets, enabling them to expand, gain scale economies and develop specialist skills; markets are more competitive as the natural barrier of distance is reduced and inefficiencies associated with monopoly and monopsony power are eroded.

ii. Transport enables cities to specialise, developing sector specific advantages. Historically this was manifest in cities specialised in textiles, steel or cutlery. While some manufacturing clusters are still important, the phenomenon is now apparent in service sectors, particularly knowledge intensive activities. If better transport or communication enables some of the ancillary activities to be 'outsourced' to another city, it reduces costs and creates space for the high-value activities to further concentrate in the central cluster.

**A significant amount of investments projects planned in, for instance, Central Asian countries, in particular Uzbekistan, as well as anticipatable improvements in border custom procedures, can lead to potential increase in connectivity to external markets by 5% to 11%.**

iii. Transport is necessary to get workers into concentrated and productive centres of activity. This is most apparent in commuting into central business districts, but there is also evidence that firms outside these districts benefit from drawing on a wide catchment area of employees [9].

The economic contribution of transport interventions and transport policy can be assessed from various perspectives. These include:

- effects on aggregate economic welfare (that is, the sum of consumer and producer surplus), which is the focus of cost-benefit analysis, as applied to transport policies or projects;
- micro-economic, for example, enterprise or household-level productivity effects;
- macro-economic, for example, contributions to GDP, investment or employment, and the spatial patterns of economic activity [4].

A significant amount of investments projects planned in, for instance, Central Asian countries, in particular Uzbekistan, as well as anticipatable improvements in border custom procedures, can lead to potential increase in connectivity to external markets by 5% to 11%. It is expected to bring higher trade volumes and, be means of the specialisation and agglomeration of economies, higher productivity [5]. The report on enhancing connectivity and freight in Central Asia, prepared within the International Transport

Forum in 2019 estimates that the potential for growth ranges between 1% and 11%.

Because of the ongoing debate dealing with the relationship between transport system performance and the economy, a simplified approach was applied for the assessment for the Central Asia, including Uzbekistan.

**Production and distribution process can be reorganized and rationalized with the help of improvements in the transport sector. In fact it refers to gains by not only national businesses but also international ones**

It was estimated the trade increase from the connectivity indicator, and the indicator derives directly from the classic gravity model of international trade proposed by Walter in 1954 suggesting that trade is proportional to connectivity. One the other hand the trade growth is assumed to lead to an increase in the GDP per capita, according to the model suggested by Frankel and Romer in 1999.

In conclusion, one might say that the improvement in transport system requires certain amount of investment in the area. Interventions in the area can lead to overall development of economy and its growth and it is believed that the phenomenon can be seen in the following:

1. Production and distribution process can be reorganized and rationalized with the help of improvements in the transport sector. In fact it refers to gains by not only national businesses but also international ones;

2. These improvements can stimulate inward investment by means of providing an attractive business environment;

3. They can also cause reduction of trade costs that may bring more gains of domestic and international trade for the country.

## Bibliography

1. A meeting of President Shavkat Mirziyoyev with the heads of parliament chambers, government members, heads of ministries and departments with an aim to sum up the results of 2019 and determine the tasks for 2020.– URL.: https://uza.uz/ru/politics/shavkat-mirziyeev-vazhny-ne-tsifry-a-rezultat-31-12-2019

2. Analysis of the links between transport and economic growth, Project on Decoupling Transport Impacts and Economic Growth, OECD, 2004

3. Arrow K., Kurz M., Public Investment, the Rate of Return and Optimal Fiscal Policy, 1970. Baltimore. MD: The Johns Hopkins University Press.

4. Contribution of transport to economic development: International literature review with New Zealand perspectives, Ministry of Transport, 2014

5. Enhancing Connectivity and Freight in Central Asia, Case-specific analysis, International Transport Forum, OECD/ITF 2019

6. Jingxin S., et al, Study on the Relationship between Land Transport and Economic Growth in Xinjiang, Sustainability 2018, 10, 135; doi:10.3390/su10010135

7. Krugman P., New Trade Theory, Journal of International Economics, 1979; New Economic Geography, Journal of Political Economy, 1991

8. Krugman, P. Geography and trade, Leuven: Leuven University Press, 1991. doi:10.2307/144207

9. Laird J et. al, Transport investment and economic performance: a framework for project appraisal, Transport Policy, 56, (2017), 1-11.

10. Lenz N., Skender H., Mirkoviж P., The macroeconomic effects of transport infrastructure on economic growth: the case of Central and Eastern E.U. member states, Economic Research-Ekonomska Istra ivanja, 2011, 31:1, 1953-1964, DOI: 10.1080/1331677X.2018.1523740

11. Rodrigue J. P., Notteboom T., The Geography of Transport Systems, fourth edition, New York: Routledge, 2017, ISBN 978-1138669574 – URL.: https://transportgeography.org/?page_id=5260

12. Rostow W. W., The Stages of Economic Growth. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1960, doi:10.1017/cbo9780511625824.011

13. Transport and the economy: full report (SACTRA), 1999

14. Venables A. J. et. al., Transport investment and economic performance: Implications for project appraisal, UK Department for Transport, 2014

15. Реформа железных дорог, Сборник материалов по повышению эффективности сектора железных дорог, Международный банк реконструкции и развития / Всемирный банк1818 H Street NW, 2011

16. Щербанин Ю. А., Транспорт и экономический рост: взаимосвязь и влияние. Евразийская Экономическая Интеграция, (3 (12)), 2011, 065-078.

**Г.М. Бақоева**

# Ўзбекистон фонд бозорида IPO (акциянинг бирламчи жойлаштирилуви) амалиётини қўллашда хориж тажрибаси ва деривативлардан фойдаланиш имкониятлари

**Бугунги кунда Ўзбекистон қимматли қоғозлар бозорининг жорий ҳолатини инобатга олган ҳолда, фундаментал таҳлил усулларини миллий фонд биржа фаолиятига мослаштириш ва бу жараёнда юзага келадиган муаммолар юзасидан илмий тадқиқотлар ишлаб чиқиш зарурати мавжуд.**

Бугунги кунда глобал, минтақавий ва миллий иқтисодиётда молиявий инструментлар бозорини ривожлантиришнинг асосий суръатларини ҳисобга олган ҳолда, Ўзбекистон қимматли қоғозлар бозорига мос келадиган деривативларни амалиётга киритиш масалалари долзарблигича қолади.

Қимматли қоғозлар бозорида савдо амалиётларини олиб боришга талаб доим юқори бўлиши лозим ва қимматли қоғозларнинг қийматини баҳолаш ва бозорда уларга институционал сармоядорларнинг бўлган қизиқишини баҳолашнинг энг кенг тарқалган усулларидан бири фундаментал таҳлил ҳисобланади.

Ушбу усул қимматли қоғознинг кучли ва заиф томонларни аниқлашга асосланган бўлиб, акция ва облигацияларнинг инвестицион жозибадорлигини аниқлаш учун ҳар хил бошқарув даражасида молиявий-иқтисодий фаолиятнинг турли кўрсаткичларини тўлиқ таҳлил қилишни назарда тутади.

*Бақоева Г.М., Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети "Халқаро молия ва инвестициялар" кафедраси катта ўқитувчиси.*

Бугунги кунда Ўзбекистон қимматли қоғозлар бозорининг жорий ҳолатини инобатга олган ҳолда, шуни таъкидлаш лозимки, фундаментал таҳлил усулларини миллий фонд биржа фаолиятига мослаштириш ва бу жараёнда юзага келадиган муаммолар юзасидан тегишли илмий тадқиқотлар ишлаб чиқиш зарурати мавжуд. Ривожланаётган фонд биржаларига молиявий воситаларни жалб этиш учун унда савдо қилаётган корхона ва ташкилотларнинг акциялари билан аҳолини таништириш лозим. Буни амалга оширишда IPO амалиёти, яъни акцияларнинг бирламчи жойлаштирилуви ўз ҳиссасини қўшиши мумкин.

Ушбу амалиёт сармоядорлар учун номаълум бўлган корхоналарнинг акциялари ҳақида маълумот беради ва шу тариқа ўзига жалб этади. Акциялар билан фонд бозорларидан бирида очиқ савдо қилинади, компания акцияларни сотишдан молиявий ресурсларнинг ҳаракатини таъминлайди. Бундан ташқари, IPO амалиёти орқали компаниянинг капитализация даражасини оширишга ва молияий жиҳатдан юқори даражага кўтарилишига хизмат қилади.

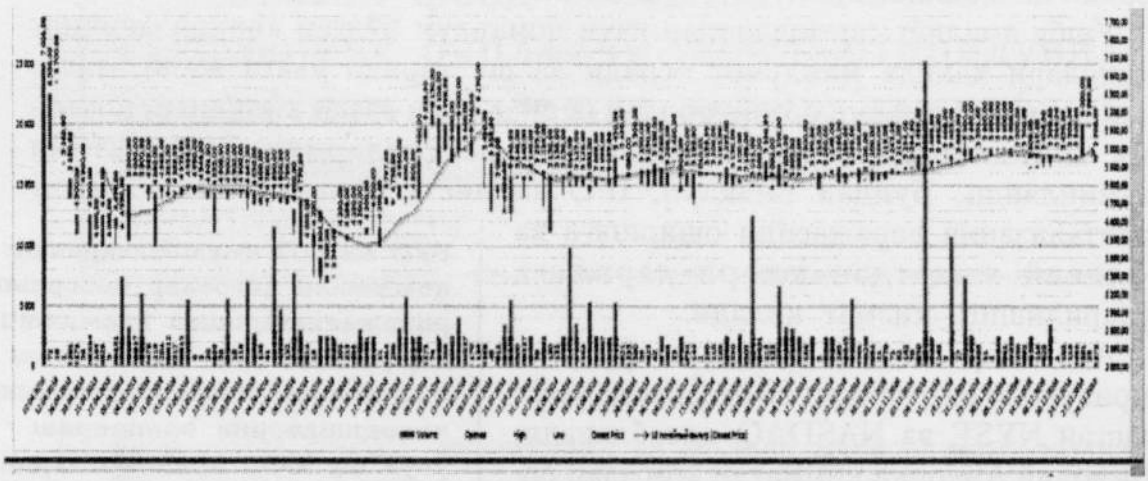
**SPO ва IPO амалиётларининг қимматли қоғозлар бозорини риовжлантиришда аҳамияти юқори. Айниқса, Ўзбекистон шароитида сармоядорларнинг қизиқишларини орттириш учун шу каби амалияётларнинг миқёсини кенгайтириш лозим.**

Акциялар савдоси ҳажмига кўра энг йирик фонд биржалари Нью-Йоркда жойлашган NYSE ва NASDAQ ҳисобланади. Шимолий Америка қимматли қоғозлар бозори амалиётлар сони ва ҳажми бўйича етакчилик қилиб келмоқда. Иккинчи ўринни Осиё фонд бозорлари эгаллаб келмоқда, унда Гонконг, Шанхай, Токио ва Осака шаҳарлари асосий қимматли қоғозлар билан савдо амалга оширувчи марказлари ҳисобланади.

Агар компания ўз акцияларини фонд биржасига чиқаришга қарор қилса, унда андеррайтинг хизматидан фойдаланиш лозим. Андеррайтерлар қимматли қоғозлар бозори иштирокчилари ва потенциал сармоядорлар ўртасида воситачи фирма ҳисобланади. Америка Қўшма Штатларида йирик инвестицион банклар ва брокерлик компаниялари суғурта қилувчи томон сифатида фаолият олиб борадилар. Улар акция ёки облигация учун бирламчи нархни белгилаб оладилар, IPO бўйича харид қилишга тайёр сармоядорларни жалб қиладилар ва эмиссия компаниясидан ўз хизматлари учун маълум миқдорда тўлов (премия) оладилар, премия миқдори, одатда, жойлаштирилув нархининг 7 фоизини ташкил этади.

Андеррайтерлар фақатгина премия ҳисобидан даромад олишмайди. Уларнинг асосий даромади акцияларнинг дастлабки баҳоси ва кейинроқ фонд биржасидаги бозор нархи ўртасидаги фарқидан шаклланади. Анъанавий IPO шартларига кўра андеррайтинг фирмаси IPO амалиётини

ўтказмоқчи бўлган комаииянинг тўлиқ молиявий таҳлилини ўтқазади ва унинг асосида дастлабки таклиф нархини ва ўз акцияларини сотиб олиш бўйича таклифларни белгилайди. Бу улар учун фойдалидир, чунки фонд биржасида савдонинг бошланиши (биринчи соатларда ва кунларда) нарх одатда ўсишни кўрсатади, бу эса биринчи харидор ва суғурта компаниясининг акцияларни сотиш учун яхши пул ишлашига имкон беради.



**Расм 1. Илк бор ўтказилган IPO амалиётининг АЖ "Кварц" акциялари нархига таъсири (10.04.2018 -31.12.2018 йй.)**

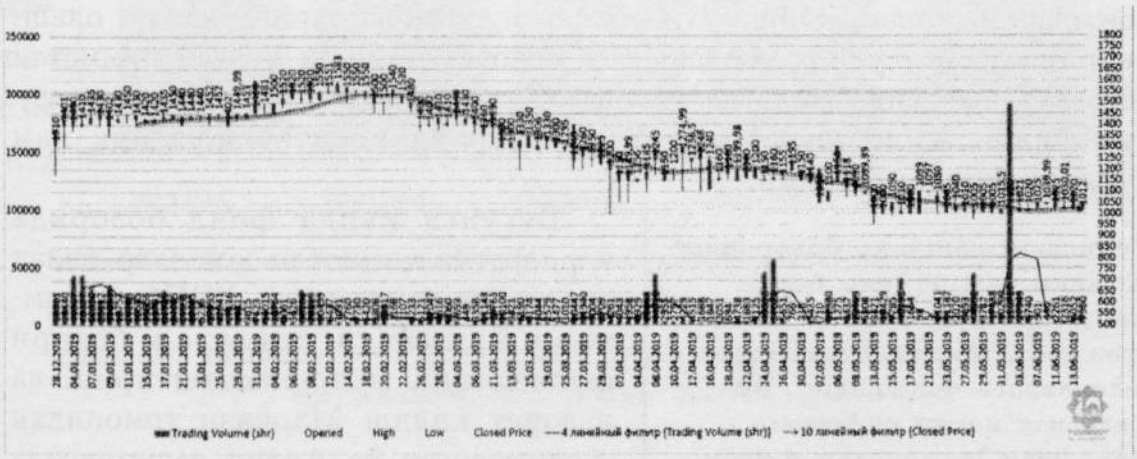
Илк маротаба ўтказилган IPO амалиёти ўзига хос ютуқ ва камчиликларга эга бўлди. Ютуғига АЖ «Кварц» акциялари савдоси ҳақида кенг оммага маълумот берилиши, сармоядорлар 60% гача фойда кўриши, фонд бозори иштирокчиларининг жалб этилишини киритсак, камчилик сифатида акцияларнинг катта қисми сотилмай қолишини, IPO амалиёти ҳақида кенг миқёсда тарғибот ишлари олиб борилмаганини ва ҳуқуқий жиҳатдан тушунтириш ишлари олиб борилмаганини ва Road Show лар қилинмаганлигини таъкидлашимиз мумкин. Аммо умумий ҳисобда IPO амалиёти муваффақиятли ўтди ва хозирги кунда кўплаб корхоналар ушбу амалиётни ўтказишни режалаштирмоқда.

**Капитал бозорини ривожлантириш, фонд биржаси фаолиятини халқаро миқёсда кўтариш, IPO ва SPO амалиётларини ўтказиш, деривативларни амалиётга жорий этиш, сармоядорларни қимматли қоғозлар бозорига жалб этиш каби чора-тадбирлар унинг қимматли қоғозлар самарадорлигини оширади.**

**Бугунги кунга келиб қимматли қоғозлар бозорининг жозбадорлигини оширишда асосий йўналиш бўлиб иккиламчи бозорнинг кенгайиши ҳисобланади.**

Шу ўринда АЖ «Қўқон механика заводи» ўзининг SPO (Secondary Public Offering) амалиётини ўтказди. 2018 йил 27 ноябрда акцияларни сотиб олишга сўровномалар йиғилди. Андеррайтер сифатида Ўзбекистон Республикаси ташқи иқтисодий фаолият Миллий Банки иштирок этди (IPO амалиёти ташкилотчиси). Инвестицион воситачи сифатида эса «Тошкент» РФБ листингида турувчи АЖ «Узнефтегазмаш» иштирок этди. АЖ «Узнефтегазмаш» «Узбекнефтегаз» миллий холдинг компанияси таркибига кириб, АЖ "Қўқон механика заводи"нинг асосий акциядори ҳисобланади.

SPO амалиёти доирасида 2,2 млн. дона акция жойлаштирилуви амалга оширилиши кўзда тутилган. Бунинг натижасида АЖ «Узнефтегазмаш»нинг улуши 64,08% га тушади, бошқа акциядорларнинг улуши эса 35,92% га ортади. Мутахассисларнинг фикрича, акциялар нархи 1,5 баробар ошиши кутилмоқда. Натижада 100% акция (2,2 млн.дона) жойлаштирилуви амалга ошди. Талабномалар сони 2 821 065тани ташкил этди. 26,14% талаб қондирилмади. Бугунги кунда акциянинг ўртача нархи 1400-1460 сўмни ташкил этади.




**Расм 2. Илк бор ўтказилган SPO амалиётининг АЖ «Қўқон механика заводи» акциялари нархига таъсири (28.12.2018-11.06.2019 йй.)**

Юқоридагиларни инобатга олган ҳолда шуни таъкидлаш мумкинки, SPO ва IPO амалиётларининг қимматли қоғозлар бозорини

риовжлантиришда аҳамияти юқори. Айниқса, Ўзбекистон шароитида сармоядорларнинг қизиқишларини орттириш учун шундай амалияётларнинг миқёсини кенгайтириш лозим. Шу орқали фонд биржасига бўлган ишончнинг ортиши деривативларнинг жорий этилишига хизмат қилади.

Ўзбекистон Республикасида қимматли қоғозлар бозорининг самарадорлиги етарли даражада эмаслигига қарамай, ҳукумат томонидан ушбу соҳани ривожлантириш учун барча чора ва тадбирлар кўрилмоқда. Капитал бозорини ривожлантириш, фонд биржаси фаолиятини халқаро миқёсда кўтариш, IPO ва SPO амалиётларини ўтказиш, деривативларни амалиётга жорий этиш, сармоядорларни қимматли қоғозлар бозорига жалб этиш каби чора-тадбирлар унинг самарадорлигини оширишга хизмат қилиши шубҳасиз.

Яқин келажакда республикамиз молия бозори, шу жумладан фонд бозори, дунё миқёсида рақобатбардош бўлишига эришиш, маҳаллий ва хорижий инвесторлар учун қулай шароитлар яратиш бугунги кундаги асосий вазифамиз. Бунга эришиш учун илк қадам сифатида «Thomson Reuters» халқаро ахборот агентлиги билан йўлга қўйилган ҳамкорликни кўришимиз мумкин.

«Тошкент» РФБ хизматларини кенгайтириш мақсадида РЕПО битимларини қайта йўлга қўйиш лозим. РЕПО битимлари қимматли қоғозларни гаровга қўйиш йўли билан пул маблағларини қарзга олишнинг оммабоп усули ҳисобланади. Мижозга тегишли бўлган қимматли қоғозлар нафақат фойда келтириши, балки кредит маблағларини зудлик билан жалб қила оладиган самарали восита сифатида ҳам қўлланилиниши мумкин.

**Ўзбекистон капитал бозорининг ривожланишининг яна бир истиқболли йўналиши унинг жаҳон фонд биржаларида савдо майдонларига чиқишидир. Бу борада илк қадам сифатида Ўзбекистон томонидан Лондон фонд биржасига 1 млрд. АҚШ доллари миқдорида еврооблигациялар жойлаштирилиши бўлди.**

Бугунги кунда фонд бозорида корпоратив қимматли қоғозлар билан амалга ошириладиган РЕПО битимлари қимматли қоғозлар бозори фаолиятини мувофиқлаштириш ва назорат қилиш Маркази томонидан тасдиқланган ва Адлия вазирлигида 2004 йил 6 августда 1396-рақам билан рўйхатга олинган «Корпоратив қимматли қоғозлар билан репо битишувларни амалга ошириш тўғрисида»ги Низом асосида тартибга солиниб келинмоқда.

2004 йилдан бошлаб РЕПО келишувлари кенг миқёсда амалга оширилган эди. Лекин «Тошкент» РФБ ва Корея фонд биржаси билан ҳамкорлик ўрнатилгандан кейин бу амалиётлар тўхтатилди. РЕПО

**Қимматли қоғозлар бозорини ривожлантирувчи истиқболли секторлардан яна бири бу банклардир**

битимлари миллий қонунчиликка биноан икки босқичда амалга оширилади: акция сотилиши ва қайтиб сотиб олиниши. Корея тизимида эса брокер ўз бўйнига масъулиятни олади ва РЕПО битими бир босқчда амалга оширилади. Шу жиҳатдан, РЕПО амалиётини ўтказишда номутаносибликлар мавжуд бўлгани учун ушбу турдаги битимлар ҳозирги кунда амалга оширилмаяпти.

РЕПО келишувларини кенгайтириш учун иккламчи бозорни ривожлантириш зарур. Бу йўналшда фонд биржасида иккиламчи бозордаг келишувлар сони бўйича кам бўлсада, ҳажми бўйича юқори кўрсаткичга эга. Натижада 2016 йил давомида фонд биржасининг ўзида 22,3 млрд. сўмлик савдо битими тузилиб, шундан 0,4 млрд. сўмлик қисми (0,13 млн. АҚШ долл.) хорижий валютада амалга оширилди.




**Расм 3. «Тошкент» Республика фонд биржаси бирламчи ва иккиламчи бозорлари нисбати[1]**

Бугунги кунга келиб қимматли қоғозлар бозорининг жозбадорлигини оширишда асосий йўналиш бўлиб иккиламчи бозорнинг кенгайиши ҳисобланади. Сўнгги даврлар давомида фонд биржаси савдо айланмасида қимматли қоғозларнинг иккиламчи бозори устунлик қилиб келмоқда.

[1] «Тошкент" РФБ маълумотлари асосида муаллиф томонидан тузилди.

Қимматди қоғозлар бозорини ривожлантирувчи истиқболли секторлардан яна бири бу банклардир. Ўзбекистон Республикаси Марказий депозитарийида тасдиқланган акцияларни чиқарилган ҳажмига кўра йирик (10 млрд. сўм миқдоридан юқори қийматдаги акциялар эмиссиясига эга), ўрта (3-10 млрд. сўм) ва кичик (3 млрд. сўм) иштирокчиларга бўлинади.

Тижорат банкларининг устав капиталида давлат улушининг пасайиб кетишини лицензия берадиган институтлар томонидан мавжуд банк тизимини назорат қилиши орқали тушунтирса бўлади. Эътиборли жиҳати шундаки, давлат улуши қанча камайса, инвестор учун ўша корхонанинг акциялари жозибадор ҳисобланади. Шунинг учун бу йўналишда давлат иштироки камайиши қимматли қоғозлар бозорининг ривожига ҳисса қўшиши мумкин.

Қимматли қоғозлар бозорининг ривожланиши ҳисоб-клиринг фаолиятига ҳам боғлиқдир. Замонавий клиринг тизимлари, рискларни ва фонд бозори иштирокчиларининг транзаксион харажатларини камайтириш ҳисобига молиявий бозорнинг сифатли ривожланишига, ликвидлилик ва бозорда нарх шаклланиши сифатининг ошишига, молиявий инструментлардан фойдаланиш самарадорлигининг ортишига хизмат қилади. Булар эса, ўз навбатида, мавжуд инфратузилманинг янада барқарорлашуви учун янги шарт-шароитлар яратади.

Ҳисоб-клиринг палатаси фаолияти Ўзбекистон Республикасининг «Қимматли қоғозлар бозорининг ишлаш механизми тўғрисида»ги Қонун ҳамда Ўзбекистон Республикаси Вазирлар Маҳкамасининг 2003 йил 29-апрелдаги «Қимматли қоғозлар иккиламчи бозорининг келгусида ривожлантириш чоралари тўғрисида»ги Фармони билан тасдиқланган бўлиб, «Қимматли қоғозлар бозорида ҳисоб-клиринг палатаси тўғрисидаги» Қарори ва қонунчиликнинг бошқа актлари билан тартибга солинади.[1]

**Ўзбекистон банклари ривожланиши натижасида улар охирги пайтларда корпоратив облигациялар ва уларни жойлаштириш бўйича воситачи сифатида қатнаша бошлашди, бу, ўз навбатида, уларнинг қимматли қоғозлар бозоридаги деривативларни самарали қўллашга ҳаракат қилаётганини билдиради.**

Ўзбекистон капитал бозорининг ривожланишининг яна бир истиқболли йўналиши унинг жаҳон фонд биржаларида савдо майдонларига чиқишидир. Бу борада илк қадам сифатида Ўзбекистон томонидан Лондон фонд биржасига 1 млрд. АҚШ доллари миқдорида еврооблигациялар жойлаштирилиши бўлди. Ушбу облигациялар иккита транша жойлаштирилади: 2024 ва 2029 йилларда 500

[1] Ўзбекистон Республикаси қонунчилик тўплами, 2003 й., № 7 - 8, 65-б.

млн. АҚШ доллари миқдорида. Беш йиллик қимматли қоғознинг даромадлилиги 4,7%, ўн йиллик эса 5,3% ни ташкил қилади.

*Жадвал 1.*

**Еврооблигациялар жойлаштирилувидаги асосий иштирокчилар[1]**

| Транш | Даромадлилик (%) | Британия сармоядорлари улуши (%) | АҚШ сармоядорлари улуши (%) | Европа давлатлари сармоядорлари улуши (%) | Осиё мамлакатлари сармоядорлари улуши (%) |
|---|---|---|---|---|---|
| 2024 | 4,7 | 39 | 23 | 6 | 6 |
| 2029 | 5,3 | 32 | 31 | 10 | 10 |

Ушбу амалиёт Лондон фонд биржасида юқори талабга эга бўлди ва институционал сармоядорлардан 150 та сўровнома келиб тушди. Асосий сармоядорлар сифатида бошқарув фондлари (75% ва 78%), суғурта компаниялари ва нафақа жамғармалари (20% ва 16%) ва банклар (5% ва 6%) иштирок этишди. Ушбу жойлаштирувнинг ютуқли жиҳатлари қуйидагилардан иборат:

- Ўзбекистон илк бор муваффақиятли битим орқали халқаро бозорга чиқишга эришди;
- Сармоядорларнинг ёрдами билан қимматли қоғознинг нархини белгилашда замонавий усуллардан фойдаланилди ва рейтинги кўтарилди;
- Ўзбекистондаги бошқа давлат корхона ва ташкилотлар томонидан облигациялар чиқарилиши ва жойлаштирилиши режалаштириб қўйилди;
- МДҲ давлатлари орасида 2019 йилда илк бор мустақил облигациялар жойлаштирилуви амалга оширилди.

2017 йилнинг 17 январида Ўзбекистон Республикаси Президенти «Давлат мақсадли объектларини тадбиркорлик мақсадларида фойдаланиш учун сотиш тартибларини янада соддалаштириш ва сотишни жадаллаштириш чора-тадбирлари тўғрисида» ги Фармонни имзолади. Ушбу фармоннинг учинчи қисми IPO амалиётларининг ўзказилишига қаратилган бўлиб, компаниянинг капиталини оширишга имкон берилиши таъкидланган.

Капитал бозорида савдода бўлган акцияларнинг мавжудлиги компаниянинг қийматини баҳолашга имкон беради, у бирлашиш ва

[1] "Тошкент" РФБ Янгиликлари ва маълумотлари асосида муаллиф томонидан тузилган.

**Ўзбекистон шароитида қимматли қоғозлар бозорида мавжуд бўлган молиявий инструментлардан опцион шартномалари энг моси ва ўринлиси ҳисобланади. Қонуний жиҳатдан мавжуд, лекин амалиё жиҳатдан умуман қўлланилмайдиган ушбу инструмент сармоядор учун жуда қулай ҳисобланади ва рискни минимал даражага тушира олади.**

сотиб олиш (M&A) мақсадида менежерларнинг фаолиятини баҳолаш учун восита сифатида ишлатилиши мумкин. Компаниянинг акциядорлари ўзларининг акцияларининг аксарият қисмини ёки бир қисмини сотиш имконига эга бўлиб, шу билан бирга компаниянинг кутилаётган келажакдаги даромадларини капитализация қилиш имкониятини беради. Юқорида келтирилган қимматли қоғозлар бозорида рўй бераётган ўзгаришлар, шубҳасиз, унинг келажакдаги ривожини ва истиқболини белгилаб беради.

Миллий фонд бозори миллий хўжаликнинг асосий воситаларига нисбатан янги ва етарлича ривожланмаган сегменти ҳисобланади. Ташқи ва ички омилларнинг мавжудлиги бир томондан миллий фонд бозорини ривожлантириши, бошқа томондан тўсиқ бўлиши мумкин. Молия бозорида иштирокчи банклар уч кўринишда қатнашиши (эмитент, сармоядор ва профессионал иштирокчи сифатида) мумкин. Ўзбекистон банклари ривожланиши натижасида улар охирги пайтларда корпоратив облигациялар ва уларни жойлаштириш бўйича воситачи сифатида қатнаша бошлашди, бу, ўз навбатида, уларнинг қимматли қоғозлар бозоридаги деривативларни самарали қўллашга ҳаракат қилаётганини билдиради.

«Тошкент» РФБ орқали амалга оширилган IPO ва SPO амалиётлари ўзининг ижобий самарасини берди. Бир қатор рўй берган камчиликлар эса кейинги амалиётлар даврида бартараф қилинади. Ушбу келишувлар, шубҳасиз, иккиламчи бозордаги битимлар сони ва ҳажмини оширишга хизмат қилади.

Ўзбекистон шароитида қимматли қоғозлар бозорида мавжуд бўлган молиявий инструментлардан опцион шартномалари энг моси ва ўринлиси ҳисобланади. Қонуний жиҳатдан мавжуд, лекин амалиё жиҳатдан умуман қўлланилмайдиган ушбу инструмент сармоядор учун жуда қулай ҳисобланади ва рискни минимал даражага тушира олади.

Қимматли қоғозлар бозорида мавжуд рискларни камайтириш ва уларни хеждерлаш мақсадида консалтинг хизматлари ва хедж фондларни ташкил этиш масалалари ҳам долзарб ҳисобланади.

## Адабиётлар

1. "Тошкент" РФБ Ахборот бюллетени, 2006- 2019 йй.
2. Алексеев М.Ю. Рынок ценных бумаг. – Москва: Финансы и статистика, 2014. – 352 б.
3. Анкудинов Д. Интерес инвесторов будет расти // Экономическое обозрение. 2008, №9. – 23 б.
4. Бекмурадов А.Ш., Мирзаев Ф.И., Бердияров Б.Т., Нафасов Д., Содиқов Ш. Тижорат банкларида рискларни баҳолаш ва бошқаришда қўлланиладиган халқаро мезонлар ва стандартлар. Ўқув қўлланма. Тошкент, Ўзбекистон. 2013. -64 б.
5. Халл Джон К. Опционы, фьючерсы и другие производные финансовые деривативы. – Москва, Санкт-Петербург. Вильямс, 2008. – 1044 б.
6. Шохаъзамий Ш.Ш. Финансовый рынок и ценные бумаги. Книга II. -Т.: Iqtisod-moliya, 2005.- 829 б.
7. Шохаъзамий Ш.Ш. Тадбиркор қимматли қоғозлар бозорида. -Т.: Адолат, 2002.- 331 б.
8. Finerty Johnson. Financial Derivatives: Second Edition. Menn. Blackwell Publishers Ltd., 2009. 770 p.
9. Graham Benjamin, Zweig Jason . The Intelligent Investor. Dublin. HarperCollins Publishers, 2009. -640 p.
10. Hull John C. Futures, Options and other Derivatives: Fourth Edition. Washington. Prentice-Hall Inc., 2000. 1024 p.
11. www.uzse.uz

**Ш.Н. Рузиназаров, Л.И. Ачилова**

# Новый этап развития Гражданского кодекса Республики Узбекистан в условиях цифровой реальности

Законотворческая деятельность в сфере совершенствования Гражданского кодекса Республики Узбекистан в условиях цифровой реальности приобретает особое значение.

В Послании Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису было подчеркнуто, что основные законы и кодексы, касающиеся судебно-правовой сферы, были приняты около 20-25 лет назад и перестали отвечать современным требованиям, в связи с этим Парламенту было бы целесообразно принять в ближайшие годы новые Гражданский, Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы и Кодекс об административной ответственности. В процессе совершенствования законодательства больше всего должен заботить не сам факт принятия новых законов, а то, какую пользу новые законы принесут людям, как облегчат их жизнь [1].

Верховенство закона является исключительно важным элементом формирования современного государства на основе права. Оно имеет принципиальное значение для поступательного развития государства и общества, становится своеобразным показателем отношения государства к правовым ценностям и зрелости демократического общества.

Верховенство закона – важнейшее условие построения демократического правового государства и успешного проведения широкомасш-

*Рузиназаров Ш.Н., профессор кафедры «бизнес-право» Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук.*
*Ачилова Л.И., преподаватель кафедры «международное частное право и гражданско-правовых дисциплины» Университета мировой экономики и дипломатии.*

табных реформ, необходимых для модернизации политико-правовой и социально-экономической систем, трансформации цифрового гражданского оборота в качественно новое состояние.

В условиях глобализации современная цивилистическая мысль не может обойтись без цифрового гражданского оборота. Он охватывает все институты гражданского права. Проблемы изменения права в цифровую эпоху как социального явления стали предметом обсуждения зарубежных юристов. В Узбекистане цифровой гражданский оборот пока на этапе становления и развития. Необходимо признать, что цифровая среда может внести существенные изменения в правовое регулирование гражданско-правовых отношений.

Новый этап развития Гражданского кодекса Республики Узбекистан непосредственно связан с формированием цифрового гражданского оборота.

5 апреля 2019 г. издано распоряжение Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» [2].

Гражданский кодекс Республики Узбекистан, принятый в 1995-1996 гг., сыграл важную роль в обеспечении гражданско-правового регулирования масштабных преобразований переходного периода и заложил прочную правовую основу для развития рыночной экономики в стране.

**В Узбекистане цифровой гражданский оборот пока на этапе становления и развития. Необходимо признать, что цифровая среда может внести существенные изменения в правовое регулирование гражданско-правовых отношений.**

На новом этапе развития Республики Узбекистан определены приоритетные задачи по дальнейшей либерализации экономики, сокращению присутствия государства в регулировании экономических отношений, усилению защиты гарантий частной собственности, стимулированию развития предпринимательства и активного привлечения иностранных инвестиций. Достижение намеченных задач невозможно без формирования современного гражданского законодательства прямого действия, отвечающего требованиям реальной рыночной экономики и передовым международным стандартам.

В системе актов гражданского законодательства центральное место занимает Гражданский кодекс Республики Узбекистан, который является кодифицированным законодательным актом, определяющим наиболее важные правила гражданско-правового регулирования.

Модернизация гражданского законодательства должна проходить в соответствии с принципами рыночной экономики и международными стандартами, отвечать целям дальнейшего углубления экономических

реформ и развития рыночной экономики в стране, а также способствовать исполнению задач, указанных в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 годах [3].

Основными приоритетными направлениями дальнейшего совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан предлагаются следующие:

- систематизация и унификация норм гражданского законодательства, обеспечение их гармонизации с лучшими зарубежными практиками, а также имплементация передовых международных стандартов в данной сфере;
- установление эффективных гражданско-правовых механизмов обеспечения гарантий неприкосновенности частной собственности, защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц, особенно предпринимателей;
- четкое разграничение норм публичного и гражданского права, исключение устаревших, утративших свою значимость положений, основанных на командно-распорядительных принципах управления экономикой;
- обеспечение правового регулирования современных гражданско-правовых институтов и форм экономических отношений, таких как государственно-частное партнерство, кластерное производство, электронная коммерция, оборот криптовалюты, приватизация земельных участков, долевое строительство и др.

В Концепции совершенствования гражданского законодательства Республики Узбекистан даны новые ориентиры улучшения Гражданского кодекса Республики Узбекистан, определены первостепенные цели и задачи по дальнейшей либерализации экономики, сокращению присутствия государства в регулировании экономических отношений, усилению защиты гарантий частной собственности, а также стимулированию развития предпринимательства и активного привлечения иностранных инвестиций.

**Модернизация гражданского законодательства должна проходить в соответствии с принципами рыночной экономики и международными стандартами, отвечать целям дальнейшего углубления экономических реформ и развития рыночной экономики в стране.**

Проведенный анализ свидетельствует, что действующая редакция Гражданского кодекса не в полной мере отвечает требованиям быстро развивающихся экономических отношений в стране и международным стандартам в области гражданского права. *Во-первых*, в нем сохранились устаревшие правовые институты, а также организационно-право-

вые формы юридических лиц, которые не существуют в правовых системах развитых государств с рыночной экономикой.

*Во-вторых*, отсутствуют такие классические гражданско-правовые институты, как «коммерческий риск», «равенство субъектов хозяйствования», «справедливая компенсация», «отказ от исполнения договорных обязательств».

*В-третьих*, отсутствует регулирование отдельных форм гражданско-правовых договоров и отношений, востребованных в современных рыночных условиях, в том числе договор государственно-частного партнерства, дилерский договор, долевое строительство, кластерное производство, электронная коммерция, оборот криптовалюты, приватизация земельных участков и другие.

*В-четвертых*, в нем содержится большое число отсылочных норм (около 80), что не позволяет ему стать актом прямого действия и снижает его статус в урегулировании гражданских правоотношений.

*В-пятых*, названо необоснованно большое количество организационно-правовых форм юридических лиц, схожих друг с другом и состоящих из смеси правил, заимствованных из других организационно-правовых форм (например, частное предприятие и унитарное предприятие, которые не могут привлекать инвестиции, поскольку законодательство не предусматривает вхождение в их состав других участников).

*В-шестых*, в кодексе содержатся нормы публичного права, которые не относятся к институтам гражданского права, имеется необоснованное количество ограничений, касающихся частной собственности и договорных отношений.

*В-седьмых*, в кодексе практически отсутствуют положения, регулирующие вопросы использования информационно-коммуникационных технологий в гражданско-правовых отношениях.

В целях унификации и систематизации норм гражданского законодательства следует решить ряд задач.

Нужна инвентаризация гражданского законодательства на предмет его унификации и систематизации, приведение в соответствие с международными стандартами и лучшими зарубежными практиками.

Важно усовершенствовать правовое значение терминов и понятий, используемых в Гражданском кодексе и иных актах гражданского законодательства, путем их четкого определения и единообразного применения.

Следует исключить или урегулировать нормы, допускающие различное толкование либо требующие разъяснения по вопросам их применения на практике.

**Действующая редакция Гражданского кодекса не в полной мере отвечает требованиям быстро развивающихся экономических отношений в стране и международным стандартам в области гражданского права.**

Сокращение отсылочных норм обеспечит прямое действие Гражданского кодекса и иных гражданско-правовых законодательных актов.

Необходимо устранить правовые пробелы и коллизии в гражданском законодательстве, препятствующие эффективной защите прав и законных интересов участников гражданских правоотношений.

В разработанной Концепции совершенствования гражданского законодательства указаны следующие приоритетные направления развития:

- совершенствование имеющихся и введение новых принципов гражданских правоотношений, в том числе с учетом моральных принципов и нравственных норм общества, и международных стандартов (принципы добросовестности, справедливости, разумности и другие);
- пересмотр используемых и введение новых понятий (терминов) в целях придания кодексу статуса основного документа в определении важных понятий и институтов гражданского законодательства;
- совершенствование мер и средств, направленных на обеспечение добросовестного и надлежащего осуществления гражданских прав и исполнения гражданских обязанностей;
- усиление компенсаторной функции гражданского законодательства путем введения правил исчисления морального, материального ущерба и убытков;
- оптимизация организационно-правовых форм юридических лиц, упразднение организационно-правовых форм, схожих друг с другом, а также не получивших распространения в рыночных отношениях;
- совершенствование института представительства с приведением его в соответствие с международными стандартами, включая пересмотр обязательной письменной формы доверенности и ограничения срока ее действия и др.;
- усиление института вещных прав с расширением прав собственника;
- уточнение норм обязательственного права, в том числе путем определения исчерпывающего перечня оснований возникновения обязательств, и модернизации норм, регулирующих вопросы перемены лиц в обязательстве;
- совершенствование института гражданско-правовой ответственности, включая обеспечение справедливого порядка возмещения убытков;

• создание условий для развития института страхования, в том числе взаимного страхования (страхование имущества и иные имущественные интересы на взаимной основе), предусматривающего также возможность получения регулярного дохода от инвестиций добровольных взносов;

• совершенствование наследственного права, в частности путем введения правил о совместном завещании супругов и наследственном договоре, усиления защиты кредиторов наследодателя и наследника, установления сроков принятия наследства и др.;

• пересмотр норм международного частного права, в том числе рассмотрение возможности закрепления принципа альтернативного применения права различных стран, использование в качестве дополнительной альтернативной коллизионной привязки отсылку к праву, регулирующему существо обязательства, определение круга внедоговорных обязательств, в отношении которых предусматривается коллизионное регулирование.

В Концепции уделено большое внимание формированию прочных гражданско-правовых основ дальнейшего развития рыночной экономики и привлечения иностранных инвестиций, в частности, определены следующие меры в этом направлении:

• повышение эффективности защиты частной собственности, в том числе путем пересмотра порядка определения форм собственности, внедрения механизмов защиты права частной собственности на землю, а также совершенствования порядка защиты добросовестного приобретателя;

**Совершенствование гражданского законодательства будет способствовать созданию правовых основ дальнейшей либерализации экономики, сокращению присутствия государства в экономике, усилению защиты прав собственников и обеспечению приоритетной роли частной собственности в экономике, улучшению деловой среды и инвестиционного климата, повышению позиций страны в международных рейтингах.**

• совершенствование института сделок, в том числе пересмотр норм, предусматривающих обязательную государственную регистрацию и нотариальное удостоверение сделок, конкретизацию оснований и случаев признания сделок недействительными;

• внедрение качественно новых механизмов договорно-правовых отношений, в том числе оптимизация видов договоров, развитие института предварительного договора, расширение свободы заключения договора, обеспечение стабильности договорных отношений, урегулирование использования информационно-коммуникационных технологий в договорных отношениях;

• включение в предмет регулирования кодеком корпоративных отношений, в том числе закрепление особенностей деятельности публичных акционерных обществ, внедрение «корпоративного договора», имеющего силу корпоративного акта и обязательного для третьих лиц, определение механизмов выхода из ситуаций корпоративного «тупика» для обществ, в которых владельцы равных пакетов акций парализуют их деятельность;

• обеспечение надежных гарантий прав кредиторов и должников, в том числе определение перечня реальных гарантий прав кредиторов реорганизуемых юридических лиц и правовые механизмы их реализации, пересмотр института исполнения обязательств, а также четкое определение очередности удовлетворения требований кредиторов;

• усиление правового статуса и расширение прав филиалов иностранных коммерческих организаций в Республике Узбекистан.

В условиях формирования цифрового гражданского оборота внедрение инновационных форм и процедур регулирования гражданско-правовых отношений имеет большое значение. В Концепции четко закреплены основные направления совершенствования Гражданского Кодекса Республики Узбекистан в этой сфере. К таким правовым мерам относятся следующие:

• формирование правовых основ применения информационно-коммуникационных технологий в гражданских правоотношениях, в частности, развитие оборота крипто-активов, включая майнинг, правовое регулирование сбора и обработки значительных массивов обезличенной информации («big data»), расширение возможностей по использованию электронной коммерции, осуществлению закупок через электронные площадки;

• совершенствование порядка коллективного оспаривания решений, связанных с деятельностью юридических лиц, с предоставлением права участия в оспаривании любым заинтересованным в этом лицам, введение института фидуциарных обязанностей директора юридического лица;

• развитие норм о залоговых отношениях, в том числе путем упрощения порядка оформления мер обеспечения, введения институтов созалогодержателей, залогового агента, факультативного и альтернативного обязательства, закрепления конкретной категории допустимых обеспечительных активов;

• введение порядка экстерриториального применения иностранного права на территориях свободных экономических зон и других отдельных территориях Республики Узбекистан;

• обеспечение надежной гражданско-правовой защиты изображения лиц, их личных неимущественных прав и других нематериальных благ.

На основе приведенных уточнений можно сделать вывод о том, что совершенствование гражданского законодательства, в том числе разработка и принятие в новой редакции Гражданского кодекса Республики Узбекистан, будет способствовать созданию правовых основ дальнейшей либерализации экономики, сокращению присутствия государства в экономике, усилению защиты прав собственников и обеспечению приоритетной роли частной собственности в экономике, улучшению деловой среды и инвестиционного климата, повышению позиций страны в международных рейтингах, решению иных задач, определенных в Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017–2021 годах.

## Литература

1. Народное слово от 28 декабря 2018 г.
2. Распоряжение Президента Республики Узбекистан «О мерах по совершенствованию гражданского законодательства Республики Узбекистан» №5464 от 5 апреля 2019 г. [электронный ресурс] https://lex.uz/ru/docs/4272619
3. Указ Президента Республики Узбекистан от 7 февраля 2017 г. №УП-4947 «О Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017 – 2021 годах» [электронный ресурс] https://lex.uz/docs/3107042

**Ш.Ш. Таджиев**

# Международная политика: растущие вызовы и новые перспективы

Глубокая разбалансированность международных отношений и глобальная геополитическая напряженность проецируются на конфликтные точки в разных регионах мира. В среднесрочной перспективе внешнеполитические аппараты большинства государств столкнутся с неопределенностью в решении региональных и международных проблем с учетом динамично изменяющегося политического климата.

Пользуясь синергетическим подходом, можно выдвинуть предположение о том, что за последние тридцать лет система международных отношений после периода «холодной войны» и биполярного мира в своем стремительном развитии под воздействием глобальных процессов достигла точки бифуркации.

Теория самоорганизации (синергетика) возникла на стыке нескольких научных дисциплин, таких как теория катастроф, теория диссипативных структур, математическое моделирование эволюции. Она представляет собой научное направление, которое изучает процессы самоорганизации структур различной природы.

Термин «синергетика» был введен профессором Штуттгартского университета Г. Хакеном. В своем докладе «Кооперативные явления в сильно неравновесных и нефизических системах» (1973) он рассмотрел ряд различных по своей природе явлений и зафиксировал, что при переходе от неупорядоченности к порядку во всех явлениях возникает сходное поведение элементов, которое он назвал кооперативным синергетическим эффектом. В своей книге «Синергетика» Г. Хакен писал, что назвал новую дисциплину «синергетикой» по двум причинам:

*Таджиев Ш.Ш., доктор философии (PhD) по политическим наукам.*

во-первых, в ней исследуются совместные действия многих элементов системы; во-вторых, для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизацией, необходимо кооперирование многих научных дисциплин [1]. Таким образом, синергетика – это наука о процессах самоорганизации, устойчивости и распаде структур различной природы, формирующихся в системах, далеких от равновесия.

Теория самоорганизации обладает методологическими новациями, которые могут придать новый импульс развитию гуманитарных наук, в том числе теории международных отношений. Синтез естественнонаучной и гуманитарной отраслей позволяет выделить фундаментальные законы образования и распада систем различной природы. Теория самоорганизации аккумулировала в себе, во-первых, терминологию из точных и естественных наук – математики, физики, биологии (бифуркация, флуктуация, энтропия, неравновесность), во-вторых, понятия из направлений, изучающих законы технического моделирования и управления, – теории информации, кибернетики, теории систем (система, саморегуляция, открытые/закрытые системы) и, наконец, из философии для описания общих законов развития (случайность, устойчивость, часть и целое, мера). Понятие бифуркации, введенное в научный оборот И.Пригожиным, указывает на возникновение у системы на определенных этапах ее эволюции, отличающихся крайней неустойчивостью и неравновесностью, нескольких (как минимум двух) альтернативных ветвей (вариантов) дальнейшего развития [2].

Таким образом, система международных отношений находится в критическом состоянии, при котором становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность – станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности [3].

В ходе диспутов относительно современного состояния международных отношений все большее значение приобретает вопрос о возможном крахе или как минимум кризисе глобального порядка. Речь идет о комплексе правил, норм, ценностей, институтов, соглашений о безопасности и иных механизмах, способствующих взаимодействию государств и разрешению конфликтов и споров между ними.

**В среднесрочной перспективе внешнеполитические аппараты большинства государств столкнутся с неопределенностью в решении региональных и международных проблем с учетом динамично изменяющегося политического климата.**

В концептуальных документах и политологическом дискурсе Запада Россия и Китай расцениваются в качестве «ревизионистских государств», т.е. «нели-

бералъных» субъектов международной системы, стремящихся изменить сложившийся в последние десятилетия, а возможно, и столетия, «порядок», имеющий в историческом плане западноцентричный характер. На основе такой оценки их поведения в мировом сообществе Соединенные Штаты в своем объяснимом стремлении сохранить собственную доминанту совместно с союзниками предпринимают широкий спектр силовых мер. В ответ геополитические соперники Запада пытаются предпринимать асимметричные действия военно-стратегического и экономического плана, которые на глазах меняют международный ландшафт.

**Теория самоорганизации обладает методологическими новациями, которые могут придать новый импульс развитию гуманитарных наук, в том числе теории международных отношений.**

Пока трудно спрогнозировать исход подобных тектонических изменений в мировой политике, если учесть наличие множества сопутствующих глобальных факторов (изменение климата, распространение пандемий, угрозы безопасности, экономические и гуманитарные кризисы и многое другое), выходящих за пределы регуляции национальных правительств и международных институтов. Тем самым закручивается спираль стратегической напряженности, что выражается в следующем.

*Во-первых,* наращивается военное присутствие США и их союзников в уязвимых географических пространствах вокруг российской и китайской территорий. В свою очередь, Россия и Китай пополняют собственные арсеналы новыми видами оружия, укрепляют многоплановые военные и военно-технические связи по всему миру, расставляют соизмеримо собственной мощи геостратегические флажки в виде военных баз в ключевых для своих интересов зонах мира. Несмотря на миротворческую политическую риторику, глобальные соперники раскручивают маховик гонки вооружений на новом технологическом уровне.

*Во-вторых,* последовательно формируются «санитарные пояса» геополитического характера между полюсами силы по типу новой версии евразийской стратегии «Анаконда», но уже в форме, например, «Инициативы трех морей» с участием США в регионе Восточной и Центральной Европы.[1] ЕС также сталкивается в этой части Европы с

[1] На фоне латентной фрагментации (пока политико-психологической) европейского пространства и роста зависимости Европы от российских энергоносителей государства Восточной и Центральной Европы при всемерной поддержке США активизируют совместные усилия по формированию альтернативных геоэкономических альянсов.

Институционально оформленная в 2016 г. «Инициатива трех морей» создана с подачи Польши и Хорватии и официально декларирует цели укрепления трансатлантического партнерства с США, развития инфраструктуры стран-участниц, диверсификации источников энергоснабжения, стимулирования темпов цифровизации национальных экономик. В процессе совместного расширения инфраструктуры планируется улучшить военную мобильность (способность перебрасывать войска и технику), реализуются проекты по повышению устойчивости к кибератакам и обеспечению безо-

проектом Китая «16 плюс 1», который преследует аналогичные с проамериканской «Инициативой трех морей» цели и включает в свой состав примерно тот же круг восточноевропейских стран.

Другими примерами могут служить непрекращающееся соперничество великих держав за расширение стратегического доступа и укрепление влияния на срединную область Хартленда ("Heartland of Heartland") [4], в силу различных объективных и субъективных факторов так можно рассматривать Центральную Азию и Узбекистан, а также постоянная борьба за рынки и природные ресурсы стран Латинской Америки и Африки.

Одновременно маятник силы из Западного полушария неумолимо движется в восточном направлении ввиду десятилетий динамичного экономического и социального саморазвития азиатских государств. Это, в свою очередь, приводит к изменению политической конфигурации в Азиатском макрорегионе. Очевидным свидетельством этому является настойчивое продвижение Соединенными Штатами индо-тихоокеанской стратегии через расширенную интерпретацию ранее принятого понятия Азиатско-Тихоокеанского региона, прежде всего за счет вовлечения в орбиту влияния государств бассейна Индийского океана и укрепления рядов традиционных союзников в этой части планеты.

Тем временем Россией выдвинута инициатива «Большого Евразийского партнерства» (БЕП) и предпринимаются небезуспешные усилия по ее сопряжению с китайским трансконтинентальным и мультимодальным мегапроектом «Один пояс, один путь».[1] Проект БЕП

---

пасности. В неформальное объединение входят 12 государств Европейского Союза, имеющих выход к Балтийскому, Черному и Адриатическому морям. В их числе Австрия, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония. В целях ликвидации экономических диспропорций между «востоком и западом ЕС» в рамках «Инициативы трех морей» составлен список из 48 проектов, финансирование которых будет осуществляться через создаваемый инвестиционный фонд в размере 100 млрд долл. США.

Государства «Инициативы», географически выстроенные на европейском континенте по оси север–юг, занимают почти четверть территории ЕС, в них проживает около четверти населения Евросоюза.

[1] Идея создания обширного партнерства, которое связало бы в геополитическом плане Азию и Европу, была выдвинута президентом России В.Путиным в 2016 г. в ходе Петербургского международного экономического форума. Российский лидер заявил тогда, что Россия и другие страны Евразийского экономического союза выступают за создание БЕП с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран СНГ и ряда других государств. Несмотря на то, что идея БЕП родилась на фоне продолжающегося полномасштабного кризиса в отношениях с Западом, Россия предпринимает ряд шагов по развитию данного мегапроекта, нацеленного на объединение или стратегическую консолидацию стран ЕАЭС, Европейского Союза, Китая, АТЭС, АСЕАН и других субъектов международных отношений.

Неординарность российского политического посыла заключается в том, что призыв к мирному и созидательному сотрудничеству направлен на различные, порой антагонистичные по своей природе центры силы, что подчеркивает многополярность мира. Вместе с тем создание БЕП имеет прежде всего приоритетное экономическое значение, если учесть возросшее внимание Росиии к опережающему развитию регионов Дальнего Востока и Заполярного Севера.

В противовес трансатлантическому партнерству, в котором традиционно доминируют Соединенные Штаты, формирующийся проект ставит новые задачи по созданию «общего экономического пространства в мегарегионе от Лиссабона до Владивостока». По замыслу российской стороны, БЕП призван облегчить торговый обмен и кооперацию между странами Евразии и, возможно, всего АТР. По заявлению российского внешнеполитического ведомства, концепция БЕП «открыта для всех стран и объединений, в том числе Европейского Союза и других региональных интеграционных организаций».

является свидетельством стремления России позиционировать себя в качестве мировой державы, способной генерировать масштабные инициативы на всем протяжении обширного континента. Нельзя исключать, что Россия рассматривает центральноазиатские государства в качестве стратегических партнеров для продвижения своих интересов и влияния вне зоны своего исторического присутствия и вынуждена поддерживать контрбаланс настойчивой китайской политике на континенте.

Если принять во внимание многочисленные застарелые очаги напряженности и продолжающиеся трения государств на конфликтогенном Ближнем Востоке, в бассейнах Средиземного моря, Индийского океана, Южно-Китайского моря и далее в регионе Северо-Восточной Азии, то становится очевидной **развернувшаяся на очередном историческом витке новая борьба за контроль над геополитическим поясом евразийского Римленда (по Н.Спайкмену).**

Географическая и культурно-цивилизационная близость нашей страны и всего региона к Южной Азии и Персидскому заливу, наметившаяся региональная самоорганизация в Центральной Азии в сферах политики и экономики, а также последовательные действия Узбекистана в качестве одного из ключевых гравитационных полей в евразийском пространстве по развитию транспортно-коммуникационных коридоров в южном направлении позволяют спрогнозировать в среднесрочной перспективе формирование новой динамики на стыке Хартленда и Римленда в данной точке мира.

Такая позитивная динамика может предполагать дальнейшую активизацию и повышение роли государств Центральной Азии в мировой экономике и политике, шире раскрыть созидательный потенциал региона, заметно расширить возможности регионального и международного сотрудничества. Тем самым, бесспорно, важнейшим условием для реализации такого сценария остается стабилизация ситуации внутри и вокруг Афганистана, достижение трудного, но все же общеприемлемого регионального консенсуса (или поэтапной конвергенции интересов близлежащих и глобальных игроков) относительно будущей системы взаимоотношений в этой стратегически важной зоне.

**Система международных отношений находится в критическом состоянии, при котором становится неустойчивой относительно флуктуаций и возникает неопределенность - станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более дифференцированный и высокий уровень упорядоченности.**

Тем самым, возможно, Хартленд выполнит важную самостоятельную

геополитическую функцию и придаст заметный культурно-исторический импульс развитию этой части мира.

*В-третьих,* по самым различным траекториям вводятся довольно болезненные взаимные политические и экономические санкции комплексного и точечного характера, оказывающие мультипликативное влияние на геоэкономику целых макрорегионов. Эти процессы протекают параллельно снижению цен на сырьевые товары, сокращению торговых потоков, сохранению разрыва между финансовым и реальным секторами экономики, застою в инвестициях и росте производительности труда, росту протекционизма в международной торговле, попыткам снизить значение доллара в качестве основной мировой резервной валюты, подвергая эрозии международные экономические и финансовые институты, созданные на основе Бреттон-Вудских соглашений на исходе Второй мировой войны.

*В-четвертых,* происходят невидимые для простых граждан и жестокие схватки в виртуальном или киберпространстве с серьезными политическими последствиями для конфликтующих сторон; ведется подковерная борьба за доступ и обладание технологиями и научными знаниями между геополитическими соперниками и среди доселе партнеров и союзников, как ключевому в современном мире фактору силы в международных отношениях.

Расстановка сил в мире дает основание предположить, что с расширением спектра конфликтов и соперничества государств и альянсов за счет киберпространства, использования стратегических коммуникаций, криптовалют и прочих продуктов глобализации обновляется предметное поле геополитики. Борьба за новые пространства (не только географические и физические) становится новым феноменом в мировой политике. Мир становится еще более многомерным, диапазон применения силы в международных отношениях расширяется, если учесть, например, обладание великими державами новейшими видами гиперзвукового оружия или технологиями искусственного интеллекта.

Примером такого поведения может служить жесткая международная конкуренция в сфере телекоммуникаций с использованием технологии 5G. Тем самым вместе с другими линиями геополитических и культурно-цивилизационных разломов конфликты гибридного характера переносятся на технологический или, по сути, виртуальный фронт.

*В-пятых,* нарастает политико-идеологическое противостояние между глобальными и региональными центрами силы с использованием новейших средств стратегических коммуникаций, сравнимое по глубине и масштабу с пропагандистскими битвами времен «холодной войны». В частности, в ответ на расширение глобального целеполагания российс-

ких и китайских стратегических коммуникаций и усиление их влияния в ущерб американскому информационному доминированию администрация Белого дома предпринимает активные контрмеры. Например, Госдепартамент США расширяет деятельность Глобального центра взаимодействия (ГЦВ – Global Engagement Center). Закон о создании центра был принят в конце 2016 г. на фоне массированных обвинений в адрес России во вмешательстве в американские выборные процессы.[1] Центр осуществляет многочисленные инициативы в десятках стран по поддержке местных независимых новостных агентств и организаций гражданского общества, в первую очередь для обучения кадров.

Подобные мероприятия проводятся в государствах Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе и другими международными игроками, а именно: ведется разъяснительная работа с журналистским и сетевыми сообществами, лидерами общественного мнения, подрывается влияние геополитических соперников на экономическом и политическом поле.

Реализация глобальными и растущими региональными державами пропагандистских материалов осуществляется через международные и местные стратегические коммуникации, прежде всего через Интернет, спутниковое телевидение, радио, кинопродукцию и печатные издания, в форме анализа, разоблачений и инфографики, а также других доступных для широкой аудитории средств и методов. Контент формируется на разных языках мира.

Интенсивная мобилизация сил и средств ведущих центров силы для информационно-идеологического сдерживания наиболее серьезных противников на международной арене связана с обострением общемировой геополитической напряженности. Наряду с возрастающей экономической и военной конкуренцией за сферы влияния и доминирования великие державы ведут борьбу за информационное пространство с постепенным формированием лояльных себе альянсов.

*В-шестых,* влиятельными акторами используются методы «цветных революций» для смены режимов в различных странах, в первую очередь в целях изменения в своих интересах стратегического расклада в том или ином регионе и получения долгосрочных экономических выгод.

Таким образом, **происходит гибридизация мировой и внешней политики** в виде реальных угроз и вызовов безопасности и стабильности на международном, региональном и национальном уровнях.

[1] ГЦВ является межведомственным подразделением при координирующей роли Госдепартамента, реализующим контрпропагандистскую деятельность министерства обороны, американского разведсообщества, ЮСЭЙД и ряда других причастных ведомств. В задачи центра входит руководство и осуществление мер федерального правительства по выявлению, разоблачению и противодействию пропаганде и дезинформации иностранных государств и негосударственных субъектов, которые «подрывают интересы национальной безопасности Соединенных Штатов». В 2019 г. его бюджет составлял порядка 100 млн долл. США.

На фоне турбулентных и зачастую непредсказуемых процессов в мировой политике последних лет многие ученые и эксперты склоняются к их описанию в таких выражениях, как «новая холодная война», «холодный мир», «игра без правил», «геополитические разломы», «игра с нулевым результатом», «война всех против всех», «стратегическая неопределенность», «национальный эгоизм», «новый мировой беспорядок», «разори соседа». Однако, безусловно, выявляются и позитивные тренды, связанные с проявлением политической воли великих держав, прежде всего постоянных членов Совета Безопасности ООН, предпринимающих поэтапные шаги для укрепления стратегической стабильности в новых условиях по сути полицентричного мирового порядка.

**Происходит гибридизация мировой и внешней политики в виде реальных угроз и вызовов безопасности и стабильности на международном, региональном и национальном уровнях. Выявляются и позитивные тренды, связанные с проявлением политической воли великих держав, прежде всего постоянных членов Совета безопасности ООН, предпринимающих поэтапные шаги для укрепления стратегической стабильности в новых условиях по сути полиентричного мирового порядка.**

Данные тренды лишь часть линий разлома на международной арене. К ним можно добавить тревожные транснациональные процессы, связанные с неравномерным распределением или разрывом в доходах как внутри государств, так и между странами мира, что вызывает усиление социальной напряженности или апатии, расширение феномена гражданского неповиновения со всеми вытекающими из этого политическими последствиями. Все больше разгораются дискуссии и конфликты вокруг проблем изменения климата и других проявлений глобализации типа миграции с Юга на Север, угроз терроризма и экстремизма.

* * *

Наиболее опасным представляется то, что **открытые противоречия политического и экономического порядка выходят на поверхность как между традиционными соперниками или противниками, что было бы понятно и осмысляемо, так и прежними союзниками и партнерами.** Как следствие этих далеко идущих и всеохватывающих негативных тенденций, в международных отношениях, к сожалению, снижается порог взаимного доверия как непреложного фактора глобального мира и стабильности, а это ведет к некой фрустрации в международных делах.

Одновременно, с одной стороны, все еще постулируются идеи защиты либеральных ценностей и демократии, либеральной модели глобали-

зации и норм свободной рыночной экономики, доминирующих последние тридцать лет. С другой стороны, выдвигается множество альтернативных форм мироустройства или, вернее, мироправления – от исламской формы до просвещенного авторитаризма, от «суверенной демократии» до авторитарного капитализма или либеральной диктатуры, от централизованного до децентрализованного типа государственного управления.

Китайские интеллектуалы, например, поддерживают идею о «гармоничном многообразии», обозначив необходимость учета культурно-цивилизационных различий при выстраивании взаимоотношений между великими державами в новых условиях.

Китай и в большей степени Россия противостоят нынешней западной интерпретации либеральных ценностей, традиционно проецируемых как на внутренние режимы государств, так и на внешнюю политику и международные отношения. По мнению министра иностранных дел РФ С. Лаврова, «из неготовности Запада принять сегодняшние реалии, когда он после столетий экономического, политического и военного доминирования утрачивает прерогативу единоличного формирования общемировой повестки дня, произросла концепция «порядка, основанного на правилах». Эти «правила» изобретаются и избирательно комбинируются в зависимости от текущих потребностей авторов указанного термина, который Запад настойчиво внедряет в обиход. Концепция отнюдь не умозрительна и активно реализуется. Ее цель – подменить универсально согласованные международно-правовые инструменты и механизмы узкими форматами, где вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок. Иными словами, расчет на то, чтобы узурпировать процесс выработки решений по ключевым вопросам» [5].

**Открытые противоречия политического и экономического порядка выходят на поверхность как между традиционными соперниками или противниками, что было бы понятно и осмысляемо, так и прежними союзниками и партнерами.**

В свою очередь, новая китайская внешнеполитическая парадигма предполагает идеи «мирного возвышения», «великого возрождения китайской нации» и призывает к «стимулированию прогресса человечества» путем «формирования сообщества единой судьбы человечества», в частности, через глобальную инициативу «Один пояс, один путь» и создание международных отношений нового типа.

В подтверждение данных тезисов автора уместно привести мнение Генри Киссинджера, который, анализируя современное состояние ми-

ровой политики, приходит к неутешительному выводу о провале единой системы баланса сил и необходимости реконструкции международной системы: «Китай отвергает предположение, что международный порядок должен строиться на распространении либеральной демократии и что международное сообщество обязано навязывать всем данную концепцию и особенно идею прав человека. Соединенные Штаты вполне в состоянии толковать свои взгляды на права человека максимально широко – ради стратегических приоритетов. С учетом истории и убеждений ее народа Америка, конечно, никогда не отречется от этих принципов как таковых. Что касается Китая, точку зрения китайской элиты на этот вопрос высказал Дэн Сяопин: «На самом деле национальный суверенитет куда важнее прав человека, но Большая семерка (или восьмерка) часто нарушает суверенитет бедных и слабых стран третьего мира. Рассуждения о правах человека, свободе и демократии предназначены лишь для маскировки интересов сильных и богатых стран, которые используют эти лозунги, чтобы запугивать слабых, и которые добиваются гегемонии, проводя силовую политику» [6].

**Единственное, на что могут уповать средние и небольшие государства - на то, что великие державы, которые играют определяющую роль в формировании мирового порядка, останутся «рациональными» и при решении судьбоносных вопросов войны и мира, обеспечении пошатнувшейся стратегической стабильности, тем более, что в новой «горячей» мировой войне победителей не будет.**

Возможно, рассматривая современные внешнеполитические стратегии мировых держав, уместно оперировать терминами и категориями структурной теории «наступательного реализма» Дж.Миршаймера: государства в анархической системе современных международных отношений ведут себя агрессивно, исходя из собственных национальных интересов [7].

Единственное, на что могут уповать средние и небольшие государства, наблюдая и иногда невольно участвуя в этой «битве титанов», так это на то, что великие державы, которые, бесспорно, регулируют основные векторы развития человеческой цивилизации и играют определяющую роль в формировании мирового порядка, останутся «рациональными» и при решении судьбоносных вопросов войны и мира, обеспечении пошатнувшейся стратегической стабильности, тем более, что в новой «горячей» мировой войне победителей не будет.

Думается, что период «турбулентности» по Дж. Розенау [8] приведет не к коллапсу системы международных отношений, а будет использован различными акторами, государственными и негосударственными,

**Несмотря на кратковременное «эпидемиологическое перемирие», локальные и международные латентные и горячие конфликты, несколько видоизменяясь, все же не останавливались даже в период пандемии. В мире складывается ситуация некой стратегической паузы для крупных игроков в преддверии еще более масштабных изменений в матрице международных отношений.**

для переосмысления устоявшихся ценностей, поиска разумных компромиссов и в целом вывода миропорядка на качественно новый уровень на основе солидарности в той степени, в которой она возможна, и взаимовыгодного сотрудничества.

Страны - участницы экстренного саммита G20 по коронавирусу, проходившему в конце марта 2020 г. по видеоконференцсвязи, приняли заявление, в котором высказали глубокую озабоченность сложившейся кризисной ситуацией. В частности, подчеркнуто, что «беспрецедентная пандемия COVID-19 является убедительным напоминанием о нашей взаимосвязанности и уязвимости. Этот вирус не признает границ. Борьба с этой пандемией требует принятия прозрачных, решительных, согласованных, масштабных и научно обоснованных глобальных мер в духе солидарности. Мы полны решимости выступить единым фронтом против этой общей угрозы» [9].

В то же время, несмотря на кратковременное «эпидемиологическое перемирие», локальные и международные латентные и горячие конфликты, несколько видоизменяясь, все же не останавливались даже в период пандемии, как это не раз случалось в истории человечества. У международного сообщества, которое укрылось в кризисное время от общей угрозы за границами национальных государств, пока не выработалось чувство единения или пребывания в «одной лодке».

Тем самым в мире складывается ситуация некой стратегической паузы для крупных игроков в преддверии еще более масштабных изменений в матрице международных отношений. Однако **не стоит ожидать радикального изменения природы международных отношений или повсеместной конвергенции интересов**. Более того, на волне углубления соперничества есть риски применения различных форм силы, зачастую неприемлемых с точки зрения международного права, для отстаивания и расширения своего влияния.

Уместно напомнить, что еще в 1987 г. президент США Рональд Рейган заявил с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН: «Я порой думаю о том, как быстро испарились бы наши разногласия по всему миру, если бы мы столкнулись с инопланетной угрозой из-за пределов нашего мира». В 2014 г. Билл Клинтон сказал, что такая угроза – «возможно, единственный способ сплотить наш все более разобщенный мир».

На фоне драматичных событий, связанных с глобальным распространением коронавируса, многие политологи начали прогнозировать и выдвигать сценарии относительно будущего расклада сил, распределения мощи и влияния в мире после окончания пандемии. **Фактор неопределенности дает основание для разворачивания дискуссий о перспективах деглобализации в пользу регионализации и усиления влияния международных сетей.** Речь идет о возможном серьезном пересмотре многих общепризнанных норм и правил, устоявшихся десятилетиями традиций социального взаимодействия на межличностном, национальном и межгосударственном уровнях, экономического уклада и хода технологического развития в сторону ренационализации. Например, во многих странах и в рамках альянсов заговорили об экономическом суверенитете. По признанию французского министра экономики Бруно Ле Мэра, нет политического суверенитета без экономического и технологического суверенитета. Возникшее в Китае вирусное заболевание, распространившееся по всему миру, привело к введению всеобщего карантина, закрытию границ, дисфункции транспортного сообщения и драматичному сокращению политического, торгово-экономического и гуманитарного взаимообмена.

Опираясь на объективные условия real politik, политикоформирующие круги в различных странах задаются множеством вопросов: насколько последствия пандемии скажутся на экономическом росте и, как следствие, на потенциале и способности государств оказывать политическое влияние на события на внешнем треке; кто в большей мере будет формировать международную повестку, сохранив свою политическую и экономическую мощь и привлекательность; удастся ли удержать свою конкурентоспособность в борьбе идентичностей, соперничестве мировоззрений и ценностей, экономических моделей и политических систем управления; каким способом сохранить авторитет и влияние своей страны на мировой арене; как разумно использовать в собственных интересах «жесткую» и «мягкую» силу на фоне разрушительных последствий пандемии; кто лучше справится – так называемые либеральные или нелиберальные государства – с экстремальными социальными потрясениями после пандемии COVID – 19 и «сохранит лицо»?

**Для Узбекистана оказание гуманитарной помощи ближним и дальним соседям не преследует узкокорыстных внешнеполитических целей, а полностью соответствует философии и глубинным морально-нравственным качествам нашего народа и его лидера как выразителя общественной воли.**

Небольшой пример из современных событий. Взаимное оказание гуманитарной помощи между Узбекистаном и Китаем, Узбекистаном и

Россией во время кризиса, вызванного глобальным распространением коронавируса в первой половине 2020 г., вынесло на поверхность глубокие по своему характеру **проблемы иерархичности мировой политической системы.** До всеохватывающей пандемии считалось, что только определенные государства, имеющие превосходную экономическую и военную мощь, имеют морально-политическое право на оказание внешней гуманитарной помощи и предоставлялась она в основном развивающимся государствам. Признавалось, что каждая страна «обязана занимать четко закрепленное за ней место и не сметь даже думать изменить его» [10]. Получение гуманитарной помощи в обратном направлении считалось проявлением слабости великой державы и ее унижением. Однако ситуация изменилась, ныне коллективные подходы, прагматизм и солидарность берут верх в процессе противостояния общим угрозам.

Для Узбекистана оказание гуманитарной помощи ближним и дальним соседям не преследует узкокорыстных внешнеполитических целей, а полностью соответствует философии и глубинным морально-нравственным качествам нашего народа и его лидера как выразителя общественной воли. Именно такое проявление «мягкой силы» представляется долгим и устойчивым, укрепляет притягательность и влияние ее субъекта, хотя в современных условиях конфликтов, обострения конкурентной борьбы и государственного эгоцентризма может неоднозначно рассматриваться политологами-реалистами. В то же время «большое видится на расстоянии», подобные феномены международной политики требуют дополнительных исследований и осмысления.

**Проведение в апреле 2020 г. дистанционного чрезвычайного саммита глав государств Тюркского совета продемонстрировало его жизнеспособность и востребованность. Включение практически всех предложений главы Узбекистана по различным вопросам свидетельствует о заметном росте авторитета и роли Узбекистана в регионе, усилении его влияния на решение международных проблем.**

Именно поэтому немаловажным остается собственно вопрос сохранения государствами потенциала «мягкой силы» - той притягательности модели и философии развития, которую испытывают на прочность современные угрозы. Действительно, идет борьба за умы и сердца людей по всему миру.

Иллюстрацией изменяющегося регионального политического ландшафта в сердце Евразийского континента является проведение в апреле 2020 г., в острый период пандемии коронавируса, дистанционного чрезвычайного саммита глав государств Тюркского совета. В рамках диалога принята совместная декларация и государства Совета своевре-

менно объединили усилия для преодоления серьезного эпидемиологического кризиса, обменялись опытом противодействия пандемии, наметили конкретные шаги по нейтрализации ее последствий для экономик, транспортных систем и социальной стабильности. Тем самым участники формата продемонстрировали его жизнеспособность и востребованность. Включение практически всех предложений главы Узбекистана о сотрудничестве государств-участников Тюркского совета по совместной борьбе с эпидемиями и социальной защите населения, а также об укреплении международного взаимодействия в рамках ВОЗ свидетельствует о заметном росте авторитета и роли Узбекистана в регионе, усилении его влияния на решение международных проблем.

**Внешнеполитическая активность Ташкента еще раз подтверждает важнейшую роль Узбекистана в качестве одного из ключевых гравитационных полей в Евразийском континенте, значение которого в силу мощного внутреннего развития благодаря стратегии Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева будет неуклонно повышаться.**

Председательство Узбекистана в СНГ в 2020 г. имеет историческое значение, способствуя расширению экономического сотрудничества в рамках Содружества, повышению результативности принятых организацией решений и дальнейшему укреплению гуманитарных связей между странами-участницами. Несмотря на пандемию, проведен в онлайн-режиме ряд важнейших совещаний и консультативных встреч отраслевых министерств и ведомств, совместных органов Содружества для обсуждения наиболее актуальных и перспективных вопросов взаимодействия.

Такая внешнеполитическая активность Ташкента еще раз подтверждает наши доводы о важнейшей роли Узбекистана в качестве одного из ключевых гравитационных полей в Евразийском континенте, значение которого в силу мощного внутреннего развития благодаря стратегии Президента Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёева будет неуклонно повышаться.

* * *

Очевидно, что функционирование так называемых «глобáльных объектов всеобщего достояния» непосредственно зависит от ответа на наиболее актуальные вызовы современности, к которым относятся противодействие изменению климата, преодоление опасных пандемий, управление процессами миграции посредством глобального развития и структурирования мер безопасности, поддержание режима нераспространения, формирование режима использования космического простран-

ства, создание международных правовых основ для киберпространства и в сфере кибербезопасности.

Понятно, что большинство исследователей международных отношений по ясным причинам фокусируются на внешней политике великих держав. Тем не менее одна из принципиальных особенностей современного мира состоит в том, что государствам нет необходимости располагать огромной военной силой, опираться на методы «кнута и пряника» для изменения поведения других акторов и получения нужных результатов во внешней среде, при этом не только для достижения естественных эгоистических целей, но и в пользу регионального или международного сотрудничества, укрепления сложившейся системы безопасности. Даже на фоне сегодняшней волатильности международного политического порядка «мягкая сила» не теряет своей актуальности и востребованности, если учесть, что основные глобальные и частные региональные угрозы требуют всеобщего взаимодействия и коллективных действий.

## Литература


1. *Хакен Г.* Синергетика. – М.: Мир, 1980. - С.14.
2. См. подробнее: *Темников Д.* Синергетический подход к анализу международной политики. Опыт адаптации понятий // http://www.intertrends.ru/system/Doc/ArticlePdf/777/Temnikov-20.pdf.
3. *Таджиев Ш.* «Мягкая сила» во внешней политике Республики Узбекистан на современном этапе. – Ташкент: УМЭД, 2020. – С. 62.
4. *Copley R. Gregory.* Uzbekistan re-emerges as the strategic "Heartland of the Heartland" // Международные отношения, 2019, №3-4.
5. *Лавров С.* Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. – М., 20 сентября 2019 г.
6. *Киссинджер Г.* - Мировой порядок. –М.: АСТ, 2015. – С. 294.
7. *Mearsheimer J.* The Tragedy of Great Power Politics. - New York: W.W. Norton, 2014.
8. *Rosenau J.* Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. - Princeton: Princeton University Press, 1990.
9. Итоговое заявление лидеров стран G20 по коронавирусу. Полный текст // https://tass.ru/obschestvo/8088241.
10. *Алкснис И.* Гуманитарная помощь разрушает мировой политический порядок // https://ria.ru/20200420/1570266671.html.

U.A. Khasanov

# Defining researches in changing environment

The global pandemic COVID-19 has changed the traditional understanding of existing models of state governance and its priority areas, especially when the world's leading powers are experiencing systemic difficulties and a serious shock since the great depression, lost in search of adequate protective measures, sometimes the most unprecedented.

One may recall the dramatic consequences of the World War I, which claimed millions of lives, ended the era of economic growth and globalization of the early XX century. It followed by the pandemic flu («Spanish flu»), which paralyzed life in almost all post-war Europe, massive unemployment and hyperinflation. Before countries could recover, the great depression hit Wall Street, causing an explosion of discontent with capitalism and existing international financial system.

Since the first days of the COVID-19 pandemic, **Uzbekistan** has developed policy objectives to mitigate its impact on the economy and social sphere. One of the priority tasks was identified as the country's efforts in the field of education, measures to mitigate its consequences, and systematic work was organized to create favorable conditions for the further development

**One of the priority tasks during pandemic was identified as the country's efforts to mitigate its consequences, and create favorable conditions for the further development of the higher and secondary education, introduction of digital and cloud technologies in field of science & education.**

*Khasanov U.A., Cand. Political Science, Head of the Department of International Relations, UWED.*

**Most researchers agree that the national innovation system is a set of economic entities that interact in the process of creating and distributing innovative products and carry out their innovative activities taking into account.**

of the system of higher and secondary special education, the development of science, and the introduction of ***digital*** and ***cloud*** technologies of education.

During this period, taking into account the specifics of the current situation and the needs of the real sector of the economy and the social sphere, issues of optimizing ***online education*** that covered all regions of the country were worked out. After all, providing citizens with high-quality and affordable education is a task that largely determines the level and nature of reforms, the development of society and its future. In this sense, in our country, one of the few in the world, this segment of social policy is considered as a key component of transformation, as evidenced by serious changes for the better in recent years.

The achievements are obvious, first of all, in the field of training personnel for the most modern sectors of the economy. Foreign experts and representatives of the business community have repeatedly noted qualitative changes in this direction as an important prerequisite and condition for a strong social policy of the country.

Most researchers agree that the national innovation system is a set of economic entities that interact in the process of creating and distributing innovative products and carry out their innovative activities taking into account.

For the first time, the term «national innovation system» was used in the work of Ch. Freeman's «Technology, politics, and economic activity: lessons from Japan» [1] national economic priorities and constraints. Some researchers characterize New Innovative Systems (NIS) only as a set of ***digital enterprises*** and organizations whose functions are to generate and diffuse innovation, but this view does not take into account the institutional constraints associated with the existence of national borders and contradictions between the leading economic powers. In our opinion, the use of a systematic approach to determining the essence of NIS should be supplemented by an institutional methodology of economic analysis, related to the study of the social characteristics of economic relations, the processes of formation of goals, values and interests of large

**Digital social development is characterized by the leading role of scientific and technological progress in ensuring economic growth. According to various estimates, modern innovations accounts for 70-95 % of GDP growth in developed countries.**

territorial entities, not so much industrial complexes and state features of economic behavior.

***Digital social development*** is characterized by the leading role of scientific and technological progress in ensuring economic growth. According to various estimates, modern innovations accounts for 70-95 % of GDP growth in developed countries [2]. The key role in the formation of scientific and technical potential is played by: intellectual potential, institutions for maintaining innovation activity, state scientific and technical and innovation policy. In a competitive environment, new combinations of factors of production, called «innovations», are the cause of economic changes and the basis for ensuring the competitiveness of the organization.

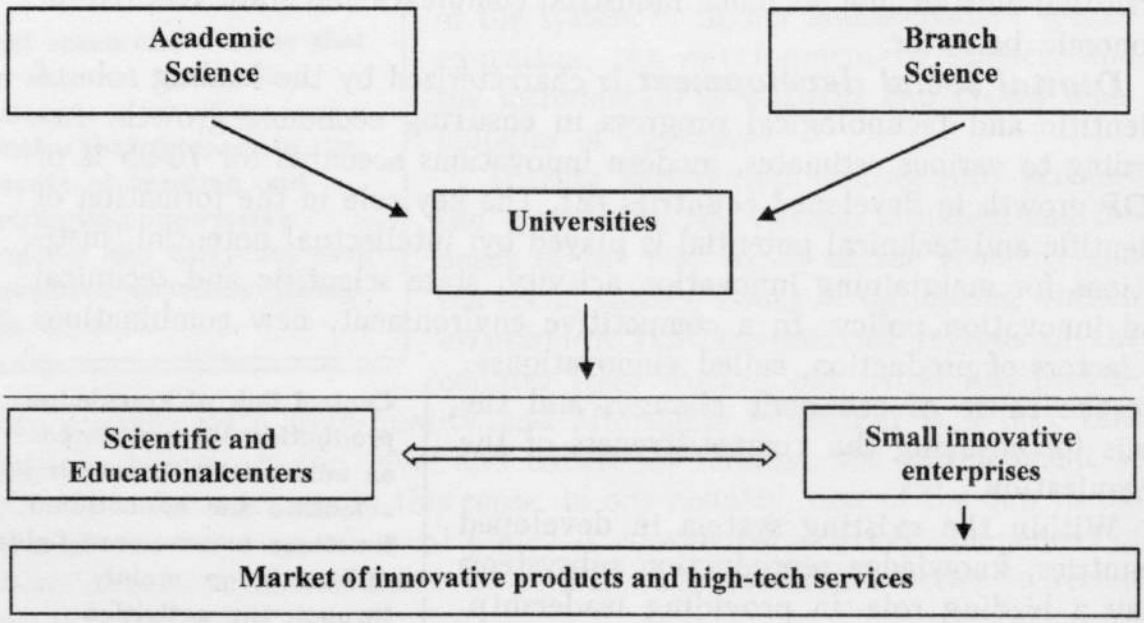
**Central link of knowledge production is considered as universities, combining scientific and educational functions in advanced fields of knowledge, mainly through the activities of scientific schools.**

Within the existing system in developed countries, knowledge reproduction subsystems play a leading role in providing leadership. The level of institutional organization and technological superiority of developed countries create a unique «landscape» of the world system. The basis for this is scientific and educational organizations that are structured accordingly, taking into account the requirements and models of national economies.

**New Challenges and Approaches**

In a digital market economy, the central link of knowledge production are considered as universities, combining scientific and educational functions in advanced fields of knowledge, mainly through the activities of scientific schools. In developed countries, universities make a significant contribution to innovation and economic growth. The possibility of combining the functions of creating scientific and technical products and training qualified personnel creates favorable conditions for the development of innovation activities in higher education, creating a «system of continuous innovation cycle from basic and applied research to the implementation of high-tech products and technologies» in production.

In the works of scientists P.Nelson, E.Phelps, T.Schultz, B.Lundval, A.Oakes, S.Peterson, M.Tierney andD.Maliniak [3] emphasize the role of education, as well as the contribution of people with higher education to economic development (the ability to perform ordinary work more effectively than the average worker; they are more competent in using new technical means) [4].




The research universities (as it is shown in Chart above) have the highest total intellectual potential of its employees. No other enterprise or institution can be compared with universities in terms of the number of scientists and highly qualified employees. Participation of universities in innovative development of the country should be carried out not only in the form of training of qualified personnel in priority areas, but also through the creation of high-tech products.

In recent years, higher education organizations have been transformed with a view to market orientation of the latter («third mission» (Leidersdorf),» triple helix»,» entrepreneurial university « (Etzkowitz)) [5].

**New innovative systems leadership in global competition are determined by the ability of universities to provide advanced research and training of highly qualified personnel.**

As far as business and university collaboration is concerned, already companies are setting up their own "universities" to train tomorrow's executives. There are now 1200 corporate universities worldwide covering virtually every industry. On the surface these are not institutions which the denizens of Harvard are likely to lose sleep over. McDonald's Hamburger University in Oak Brook, Illinois lacks academic gravitas [6].

New innovative systems leadership in global competition are determined by the ability of universities to provide advanced research and training of highly qualified personnel. A feature of the current stage of

development of the innovative educational system is an acute shortage of managerial personnel-carriers of system engineering and economic qualifications, which are in demand in market conditions. Researchers and practitioners agree that universities are not able to solve these tasks on their own [7].

**Universities are most reliable sources in building national resilience and shaping human capital for future.**

At the same time, the differentiation of economic growth rates of individual States is increasing and, as a result, there is a gap between the levels of scientific and technical development of national economies. The leading countries in terms of competitiveness, including Switzerland, Singapore, Finland, Germany, the United States, and Sweden currently spend more on R&D than all other countries.[1]

Some transnational tech company CEO's the workplace has to become a campus. If you want to attract and retain the best people, you will have to train them. Or, as James Sims, CEO at Cambridge Technology Partners, puts it, "Most people will have seven jobs before their career is over. What they look for in an employer is a continuous investment in their career." Sims' company spends 7 percent of sales on training – 18 times more than the average US firm [8].

***Universities are most reliable sources in building national resilience and shaping human capital for future.*** They are designed to train specialists with higher professional education, including those who are able to further achieve the highest scientific qualification in the universities themselves or in academic and industry research institutions.

For universities the main direction of the implementation of this situation is implementation of research activities (IRA), including the use of its results in educational process not only in the form of published works (textbooks, training manuals, etc.), but in the form of results of intellectual activity should be based not only on the development of new ways and methods of its development, which is certainly important, but on many years of prior experience of integration of science and education, training, meet the requirements of international standards [9].

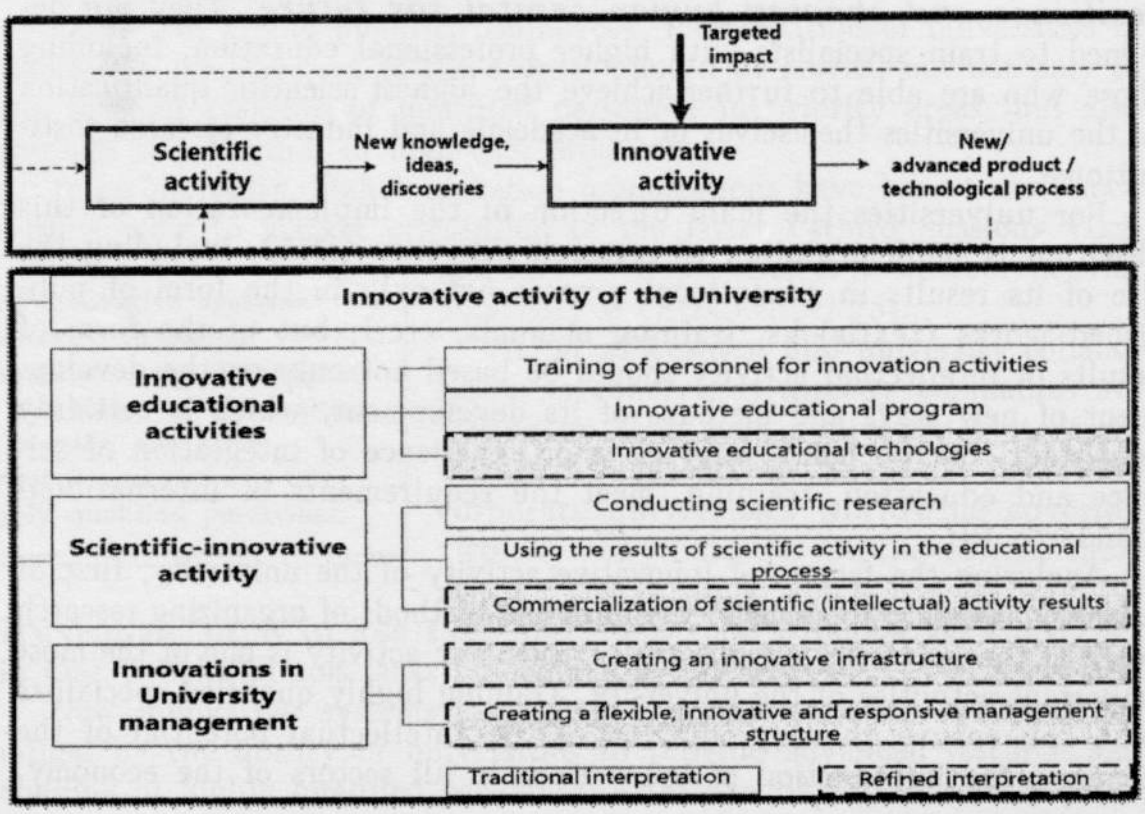
Analyzing the factors of innovative activity of the university, first of all, it is necessary to consider the form and methods of organizing research work at the university. Traditionally, scientific activity is one of the most important activities of the university. Training highly qualified specialists who can ensure the reproduction of the intellectual potential of the country, the introduction of innovations in all sectors of the economy,

requires the full development of scientific research and the use of their results in the educational process.

**International Experience**

In ***digital research*** and education system of modern universities, there are international guidelines and standards that make up the guidelines and define the main concepts, as well as indicators and criteria for measuring innovation. For this work, we will take the definition of the Oslo manual, according to which:

- innovation - «the introduction of a new or significantly improved digital product (product or service) or process, a new marketing method, or a new organizational method in business practice, workplace organization, or external relations»;
- innovation - «all scientific, technological, organizational, financial and commercial actions that actually lead to the implementation of innovation or are intended for this purpose. Some types of innovation are innovative in themselves, while others do not have this property, but are also necessary for innovation. Innovation also includes research and development that is not directly related to the preparation of any specific innovation.» See the Chart below [10]:



At the same time, little attention is paid to the definition of innovative activities of the university and its specifics. Many researchers define it as an innovative educational program, which is explained by the previously noted reasons, including the separation of education from science in universities founded in previous period, as well as the relative novelty of the task of implementing innovative activities in universities [11].

Digital research and innovation activities of the university (as it is shown above)– the direction of the university's activities related to conducting research in order to participate in the creation of new products, which is systematic for the university. It involves bringing the results of intellectual activity to commercial use, including in educational programs. The transition of the domestic economy to an digital innovations and development in the context of expanding the number of new independent participants in economic activities using non-state ownership should involve, first of all, state incentives to attract them to participate in scientific and innovative processes.

**Traditionally, scientific activity is one of the most important activities of the university. Training highly qualified specialists who can ensure the reproduction of the intellectual potential of the country**

For example, in a number of wealthy nations, the corporate sector initiative has become the engine of economic development. The common features of such countries are that the state apparatus actively performs the functions of forming and regulating the infrastructure of innovation, supporting optimal mechanisms for the emergence, distribution and use of innovations (product, process), that is, their effective commercialization [12].

In the **United States**, the most typical forms of collaboration between universities and business are: industry funding for basic and applied research conducted at universities; collaborative research; and complementary research. An example of such cooperation is the agreement between Harvard University and Monsanto in the United States. If the government is interested in relevant research, it will finance it. For example, in Canada, the research centers at several universities (Canadian Centre for industrial innovation at the University of Waterloo, Centre for industrial innovation, Quebec, etc.) are financed jointly by government, universities, industry, private foundations. The policy of the UK government in relation to the development of science in higher education is determined by the processes of introduction of scientific research into production. Therefore, the state tries to finance scientific research at the stage of their introduction into industry [13].

Currently, in the industrialized countries, the connection of higher education with small and medium-sized enterprises is expanding, since they are more quickly introduced innovations. For example, in Germany, research associations are being set up to transfer science and technology to medium and small enterprises.

Another form of cooperation between universities and industry is joint projects involving research units of the university and industrial firms. As a rule, such cooperation is based on long-term relationships. An example is a joint study at the University of Stuttgart, which involves several research groups of the university (computer science, labor organization, linguistics, etc.) and industrial firms for the production of communication tools. An effective form of cooperation[1] between universities and industry in Germany is the institutes established at universities. These institutes have their own staff, equipment and independently conduct research. World-famous institutions such as the University of Cologne and the University of Stuttgart. Another example of the relationship between University science and production is the creation of private and public structures in university departments for the transfer of scientific achievements to production. One of these options is to set up an intermediary firm in the UK, which determines the possibilities of introducing scientific developments to industry and provides assistance to universities in the commercial use of the results obtained. The administration of such a firm includes representatives of interested parties of the University and organizations (enterprises) that implement innovations [14].

**The transition of the domestic economy to a digital innovations and development in the context of expanding the number of new independent participants in economic activities using non-state ownership should involve, first of all, state incentives to attract them to participate in scientific and innovative processes.**

One of the most effective forms of interaction between universities and industry is regional integrated associations of educational, scientific and industrial organizations operating within the framework of special zones - «Techno-Polis». Within these zones, scientific, technical and industrial ideas are exchanged, and small innovative enterprises are created that quickly implement scientific and technical achievements in production. The core for their formation are universities, around which industri-

[1] The term «cooperation» (from the Latin cooperatio - cooperation) is used by R. Owen and S. Fourier to denote a way to transform society by voluntarily combining the efforts of people to achieve a certain common economic goal. understanding reveals only one quality side of it - cooperation. Cooperation is not only cooperation, because in cooperative organizations, not only forces but also means are United to achieve a common goal.

al corporations, research units, laboratories, information and computing centers are concentrated. An example of such a Techno-Polis is the well-known scientific and technical zone «Silicon valley» in the United States, organized on the basis of Stanford University [15].

**Comprehensive development of intellectual and economic potential through the development of promotion of research and innovation and its connection with the interests of small and medium-sized businesses, effective start-ups in priority areas of the economy.**

It should be noted that in addition to the listed forms of integration of universities with industry, participation of scientists and university specialists in research projects of corporations, firms and other organizations is also practiced. In turn, specialists of industrial enterprises and firms work as part-time teachers at universities, which creates conditions for the selection of talented students by industrial enterprises to work in them after graduation [16].

A thorough analysis of the experience of the formation and selection of students of unique courses by leading professors in the USA (at Harvard, Berkeley, Stanford, Columbia and Cornell University) shows that such courses becoming relatively compact; lecturing and seminars are completely at the discretion of professors binding to a particular method of teaching and learning through the MOODLE, ZOOM or COURSERA web-system. Incidentally, as follows from the experience of the similar universities, the existing forms and methods of distance learning are generally binding and linked to the university web-resources.

**National Context**

Growing dynamics of large-scale reforms in **Uzbekistan**, the directions, forms and methods of implementing of state policy to support education and research of students and young scientists, the special relevance of such initiatives and their compliance with international standards become clear. First of all, this is reflected in the creation of an additional bond and spirit of partnership between the state and the private sector, in which cooperation takes place on the basis of taking into account the interests of both parties.

The state's interests are focused on the comprehensive development of intellectual and economic potential through the development of promotion of research and innovation and its connection with the interests of small and medium-sized businesses, effective start-ups in priority areas of the economy. The state sees this as the most important condition for its activity and stability, economic, scientific and technological development, and worthy cooperation with the world community. The initiative to

launch «***One Million Coders***» national program, open IT parks, academies and specializations in many universities of **Uzbekistan** is worth a lot.

It is worth to note that the main criterion which affects the rating of the university is research and scientific activity. In the world university ranking according to the Times Higher Education, the share of research and innovation indicators is 62.5%, including research (volume, revenue, reputation) -30%, scientific citation - 30% and production of innovative products - 2.5%, respectively [17].

**Strong development of the science and research activity at the UWED, using its web-platform www.uwed.uz, especially in the framework of two new scientific and applied initiatives provided for by the Presidential Decree.**

In this regard, it is worth to mention the strong development of the science and research activity at the UWED, using its web-platform www.uwed.uz, especially in the framework of two new scientific and applied initiatives provided for by the Presidential Decree [18], which gave the opportunity to open the Center for International Economic and Political Studies and the Center for International Legal Studies and Comparative Public Law, a number of educational and scientific laboratories, as well as the introduction of a new specialty «guide support and translation activities» for future bachelors, masters, etc.

As a result, modern, in many ways, breakthrough academic undertakings of the university, such as the foundations of economic and investment diplomacy are widely recognized by the international academic community and have been included in the curricula of a number of foreign educational establishments, including MGIMO (Moscow State Institute of International Relations (University)). A worthy place among them represents the study of the systemic foundations of the development of regional relations, carried out by the Laboratory of Conflict Studies in collaboration with foreign university partners in the format of collective monographs, scientific collections and many others.

This approach pays a special attention to the organization of the ***digital research process*** in accordance with international practice of introducing new technologies in studies and teaching, improving on-line curricula and discipline programs, as well as optimizing potential areas and specialties, taking into account the needs of the development of economic sectors, scientific and social spheres.

**P.S.:** Building a modern innovation system in higher education and market conditions involves the cooperation of representatives of three leading institutional sectors - science (universities), business and the politics (state): in the course of interactions, the process of «co-evolu-

tion» occurs, functional areas come closer and, as a result, the possibility of dynamic self-development. Involvement of different national universities to close cooperation between, especially in the context of developing new data technologies, will give a new quality to their research and innovation activities, form and strengthen their own innovation potential.

All these efforts will undoubtedly make a significant contribution to the practical implementation of the fundamental tasks and areas of activity of the country's foreign policy, as well as have an undeniable impact on improving the professional quality of future specialists, diplomats, international experts, and, on the whole, in developing new and most promising prospects of the country.

## Literature

1. *Freeman Ch.* Technology policy and economic performance; lessons from Japan (Frances Printer Publishers, London, New York, 1987). P.17.

2. *C. Ketels.* The impact of clusters and networks of firms on EU competitiveness/ WIFO, May, 2012.

3. *Daniel Maliniak, Amy Oakes, Susan Peterson, and Michael J. Tierney.* The View from the Ivory Tower: TRIP Survey of International Relations Faculty in the United States and Canada. - Williamsburg, VA: Program on the Theory and Practice of International Relations, February 2017.

4. Universities in the Global Struggle for Excellence. Richard Мьnch. 16 April 2014. 314 p.

5. *Etzkowitz, Henry; Leydesdorff, Loet* (1995-01-01). «The Triple Helix — University-Industry-Government Relations: A Laboratory for Knowledge Based Economic Development». Rochester, NY.

6. *K. Nordstrцm J.* Ridderstrelev Funky Bussines Talent maskes capital dance. Great Britain by Bookcraft, Midsomer Norton,2000. pp. 223-229

7. *Thorp, H. Holden.* Engines of innovation : the entrepreneurial university in the twenty-first century / Holden Thorp & Buck Goldstein. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2013.

8. Ibidem.

9. *Christensen, Clayton M.* Innovative university: changing the DNA of higher education from the inside out / Clayton M. Christensen and Henry J. Eyring. San Francisco: Jossey-Bass, 2011.

10. Universities in the Global Struggle for Excellence. Richard Мьnch. 16 April 2014. 314 p.

11. Competition policy and patent law under uncertainty: regulating innovation / edited by Geoffrey A. Manne, Joshua D. Wright. New York: Cambridge University Press, 2011.

12. Universities and colleges as economic drivers: measuring higher education's role in economic development / edited by Jason E. Lane and D. Bruce Johnstone. Albany: State University of New York Press, 2012.

13. *Mitleton-Kelly, E.* 2003.Ten Principles of Complexity and Enabling Infrastructures. In Mitleton-Kelly, E. (eds.) Complex Systems and Evolutionary Perspectives on Organizations: The Application of Complexity Theory to Organizations. Pergamon, Amsterdam. pp. 23-50.

14. *Mitleton-Kelly, E.* 2003.Ten Principles of Complexity and Enabling Infrastructures. In Mitleton-Kelly, E. (eds.) Complex Systems and Evolutionary Perspectives on Organizations: The Application of Complexity Theory to Organizations. Pergamon, Amsterdam. pp. 23-50

15. Ibidem

16. Ibidem

17. *Mitleton-Kelly, E.* 2003.Ten Principles of Complexity and Enabling Infrastructures. In Mitleton-Kelly, E. (eds.) Complex Systems and Evolutionary Perspectives on Organizations: The Application of Complexity Theory to Organizations. Pergamon, Amsterdam. pp. 23-50

18. The Speech of the President of Uzbekistan Shavkat Mirziyoyev on Meeting with diplomats and officials of the Ministry of Foreign Affairs January 12, 2018 r. http://president.uz/ru/lists/view/1423

# Памяти Устоза (1922-2019 гг.)



В России были проведены мероприятия в честь 75-летия Победы в Великой Отечественной войне. Среди тех, кто приближал Победу, был и выпускник МГИМО 1945-1950 гг., более 20 лет проработавший в нашем университете (1992-2013 гг.) Кучкар Ханазарович Ханазаров – доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Узбекистана, Устоз, ветеран Великой Отечественной войны, прошедший военную службу от рядового солдата в пехоте до командира роты.

Кучкар Ханазарович Ханазаров родился 27 января 1922 г. в Ташкенте, в махалле «Минор». В 1936 г. окончил 6 классов узбекской школы и поступил в интернациональное подготовительное отделение Среднеазиатского финансово-экономического института в г. Ташкенте, завершив учёбу в 1939 г. В 1940 г. он был призван на военную службу. Он начал служить в пехоте рядовым солдатом, затем стал командиром отделения, командиром взвода и роты. В кровавых боях с фашистами был четырежды ранен. Эти ранения вызвали сокращение объёма легких на 42%, была серьёзно повреждена печень, резецированы три ребра, были переломаны три пальца на левой руке, в легких и ладони сохранились мини-осколки, которые нельзя было удалить. Кроме того, от близкого падения фугасной авиабомбы он был тяжело контужен. В январе 1945 г. был демобилизован из рядов армии как инвалид войны. Но дух бойца не позволил ему довольствоваться участью инвалида.

В 1945 г. он поступил в Московский государственный институт международных отношений (МГИМО). Символично, что К.Х. Ханазаров был в первой пятёрке узбекистанцев, которые поступили в этот институт как специализированное высшее учебное заведение страны практически сразу после его создания 14 октября 1944 г. В 1950 г. эти пятеро

успешно завершили учебу и стали дипломированными специалистами в области международных отношений. В стенах института они приобрели мощный фундамент знаний в сфере дипломатии и международного права, сделали важный шаг, чтобы стать первыми среди узбекистанцев карьерными дипломатами.

Кучкар Ханазарович и четверо его друзей успешно завершили аспирантуру и стали кандидатами наук. Трое из них, среди которых Кучкар Ханазарович Ханазаров, Раис Тузмухамедович Тузмухамедов и Рефат Абидович Каримов, позже защитили также докторские диссертации, стали профессорами, учёными, известными в стране и далеко за ее пределами. Двое других – Баходир Аббасович Абдуразаков и Латиф Максудович Максудов, используя свои знания и природный дар, стали известными дипломатами.

Успешно закончив учёбу в МГИМО и аспирантуру философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Кучкар Ханазарович в 1953 г. защитил там же диссертацию на соискание ученой степени кандидата философских наук. В 1963 г. защитил в московском Институте философии АН СССР диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук. В 1964-1971 гг. был директором Института языка и литературы АН УзССР в Ташкенте. С 1971 г. вновь был привлечён на работу в Москву. В 1980 г. был переведен на работу в г.Ташкент и назначен директором Института философии и права, где работал до 1986 г. Затем в течение трех лет был главным редактором Узбекской Советской Энциклопедии (1986-1988 гг.) и профессором кафедры философии (1988-1991 гг.).

С 1992 г. жизнь К.Х. Ханазарова оказалась связанной с Университетом мировой экономики и дипломатии (УМЭД). Сначала он заведовал кафедрой философии и мировой культуры, с 2003 г. по 2013 г. был первым заместителем главного редактора журнала «Международные отношения», издающегося УМЭД на узбекском, русском и английском языках.

Основные направления научных исследований К.Х.Ханазарова – философия, языкознание, национальные и межнациональные отношения, проблемы развития общества. Он свободно владел узбекским, русским, французским и английским языками, со словарем – немецким и испанским языками; кроме того, бегло читал на более чем десяти языках тюркоязычных народов.

К.Х. Ханазаров опубликовал более 500 научных и научно-популярных статей на более чем 20 языках народов СНГ и других стран. Под его руководством защитили кандидатские и докторские диссертации около 100 человек. К.Х. Ханазаров был участником многих междуна-

родных симпозиумов и конференций, на которых свободно выступал на французском и английском языках, в их числе:

- VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, август 1964 г., Москва, СССР;
- XV Всемирный философский конгресс, июль 1973 г., г.Варна, Болгария;
- Всеевропейское Совещание по рабочему и национально-освободительному движению, ноябрь 1975 г., Ленц, Австрия;
- XVI Всемирный философский конгресс, октябрь 1978 г., Дюссельдорф, ФРГ;*Ad Memoriam*
- XVII Всемирный философский конгресс, октябрь 1983 г., Монреаль, Канада;
- Франко-советский симпозиум по демографии, октябрь 1984 г., Париж, Франция;
- XVIII Всемирный философский конгресс, октябрь 1988 г., Брайтон, Великобритания;
- Изучение опыта преподавания философии в университетах Парижа, май 2000 г.

Академик АН РФ, доктор философских наук, профессор Т.И.Ойзерман в Монреале (Канада, 1983) так выразил своё впечатление от выступления Ханазарова: «За свой блестящий доклад на французском языке на Пленарном заседании XVIII Всемирного философского Конгресса, проходившем в городе Монреаль, доктор философских наук, профессор Кучкар Ханазарович Ханазаров заслуживает наших наилучших дружеских пожеланий».

Кучкар Ханазарович являлся также активным популяризатором научных открытий на русском и узбекском языках. По его инициативе был подготовлен и увидел свет Толковый научно-популярный словарь «Независимость», за период 1998-2006 гг. был издан массовыми тиражами 6 раз – на русском и узбекском языках – на кириллице и латинице. В 1975 г. К.Х. Ханазарову было присвоено высокое звание «Заслуженный деятель науки Узбекистана», в 1998 г. — почетное звание «Устоз». В 2005 г. Российская академия лингвистических наук организовала международную научную конференцию «Язык, культура, общество», где К. Х. Ханазарову была присуждена золотая медаль.

10 марта 2017 г. в Ташкенте, в Малом зале Национальной библиотеки им. Алишера Навои, состоялся VI Республиканский научно-практический семинар секции «Проблемы узбекской философской школы», посвящённый 95-летнему юбилею доктора философских наук, профессора Кучкара Ханазаровича Ханазарова, на тему «Первостепенные задачи философии и национальной идеологии в условиях глобализации».

Юбиляра тепло приветствовали многочисленные ученики, последователи, коллеги и участники семинара.

Кристально честный и благожелательный ко всем, никогда не отказывавший никому в помощи и советах, он являлся представителем всей истинной узбекской интеллигенции благодаря широкому кругозору, знанию европейских языков, владел в совершенстве литературным русским и узбекским языками, а также языками других народов Центральной Азии. Этот человек излучал обаяние деликатных и изысканных манер, обладал тонким юмором, воплощая в себе универсализм мировой культуры и одновременно утверждая ценности родного узбекского языка и культуры, тюркской цивилизации.

В мае 2019 г. мне было поручено вручить Кучкару Ханазаровичу – первому среди всех участников – приглашение и комплект материалов участника Форума выпускников МГИМО(У) в Ташкенте. К сожалению, состояние его здоровья уже не позволяло ему принять участие в этом Форуме. Однако переданное нам его приветствие и пожелания успехов всем участникам в своём выступлении огласил министр иностранных дел Узбекистана А.Х. Камилов.

4 июня 2019 г. на 98-м году ушёл из жизни Кучкар Ханазарович Ханазаров. Он навсегда останется в памяти многочисленных учеников, единомышленников и последователей как стойкий человек, который вопреки уготованной ему судьбе инвалида I группы сумел не только реализоваться как личность, но и благодаря воле, собранности, самодисциплине и несгибаемому духу практически до последних дней своей жизни сохранить живой ум и творческую активность.

Хвала Аллаху, что хранил его долгие годы для Родины, его семьи, жены, детей и внуков, родственников, верных друзей и учеников. Благословенна память о нём в наших сердцах.

ДА ВОЗРАДУЕТСЯ ЕГО ДУХ!

***От имени многочисленных учеников и коллег, а также выпускников МГИМО в Узбекистане***
***Б.А.Исламов, докт. экон. наук, проф., директор Ташкентского филиала МГИМО (У)***

**Z.T. Gaibnazarova**

# Improving the national education system using international experience of investing in human capital

Place of education in economic processes. The education system receives a powerful impetus already in the conditions of an industrial society, especially in a developed industrial economy, which requires highly qualified labor force and its expansion. The post-industrial trends of world development, the formation of a «knowledge economy» reinforced this need, putting forward «human capital» as the most important factor in modern production. Education has become not just a part of the social sphere of the national economy, but one of the key elements of the reproduction of the national economy and its competitiveness, one of the main signs of national economic success. The level of education, along with indicators of average life expectancy and real income of citizens, determines the human development index.

The sharp increase in the role of education, which manifested itself in the 20th century, has become one of the important catalysts for strengthening social orientations of economic systems, expanding social guarantees of the accessibility of education to the general population, and strengthening state support for this sphere. Affordable education (secondary, and in many respects higher) can be defined as a public good because it does not comply with the

**The post-industrial trends of world development, the formation of a «knowledge economy» reinforced this need, putting forward «human capital» as the most important factor in modern production.**

*Gaibnazarova Z.T., PhD, Associate Professor, Doctoral student of the department «Corporate governance» Tashkent State Technical University named after Islam Karimov.*

principles of payment and exclusion of access, characteristic of private goods.

Covering the whole world at the turn of the 20th-21st centuries, globalization processes also affected the sphere of education, expressed in the formation of the global labor market, the universalization and standardization of education systems, and the development of common competencies.

Education affects socio-economic life not only in a direct form (through higher labor productivity, high-quality economic growth, the structure of needs.), but also in the form of positive external effects, bearing in mind its positive impact on «third parties»: Through increasing the level of culture of the population, the formation of a healthy system of values and spiritual atmosphere in society.

The impact of education on different aspects of the economy can be scientifically reflected in various sections of economic theory (in this case, the field of special subjects is not taken: public sector economics, health economics, demography, labor economics and social and labor relations). Unfortunately, the standard courses of the prevailing economic theory pay insufficient attention to the aspect that is extremely important for the modern economy.

**Covering the whole world at the turn of the 20-21th centuries globalization processes also affected the sphere of education, expressed in the formation of the global labor market, the universalization and standardization of education systems, and the development of common competencies.**

Meanwhile, consideration of the impact of education on economic life can be carried out in microeconomics in the following sections and headings: economic goods, factors of production (resources), supply and demand, utility, productivity of factors of production, production costs, labor market, public goods, and external effects. In macroeconomics, this issue can be reflected in the analysis of the structure of GDP, aggregate demand and supply, employment and unemployment, the fiscal system, social policy, economic growth and its factors, and the competitiveness of the national economy.

The education system must meet the needs of the modern economy, be adequate to global development trends (transition to a «knowledge economy», social orientation, globalization). At the same time, it must meet two more criteria: one of them concerns the need to take into account national educational traditions, peculiarities of national thinking and behavior, the other concerns the need to meet the goals of national economic development, the place and role of the country in the world. Any universalization of the educational process, even if it is in line with

global development, will not produce the necessary results, since it will be torn off from the national soil and national tasks. The reform of the education system should take into account global trends, and international experience, and the whole range of national characteristics.

First, let us examine some features of the world experience based on the example of the German educational system, and then consider our national characteristics.

**German experience in the functioning and reform of the education system.** The education system of Germany (both secondary and higher) has historically been formed in a manner different from the Anglo-American tradition. In the 2nd half of the 20th century the German education system was developed within the framework of Germany's model of «social market economy». Until 2005, the country had an official ban on tuition fees at state universities (except for the modest entry fee). Moreover, free study extended to foreign students. As a result, more than 250 thousand foreigners study at German universities, which is about 12% of the total number of students studying. Education of foreign students is considered at the same time as a potential influx of young skilled labor into the country's economy, as well as a way to expand their partners in foreign countries. It is important to note that the vast majority of students study at state or state-controlled universities. Private educational institutions play a secondary role in the country.

**At the beginning of 2007, already half of all curricula in German universities were formed according to the principles of the Bologna process, and their full replacement was completed by 2010.**

The processes of globalization and liberalization of the market for educational services and the universalization of education systems and programs that are characteristic of our time have also affected German higher education. Renewal models are borrowed mainly from the United States, taking into account pan-European institutional approaches. We are talking about the transition to a two-stage structure of education, the introduction of tuition fees, the expansion of commercial educational services from private universities, and the deepening of competitive principles in the university environment.

At the beginning of 2007, already half of all curricula in German universities were formed according to the principles of the Bologna process, and their full replacement was completed by 2010. In January 2005, the Federal Constitutional Court of Germany lifted the ban on tuition. Commercial financing has come to be seen as an important means of improving the material capabilities of universities. There is a

rejection of the egalitarian principles of the functioning of higher education, the differentiation between elite and other universities is intensifying. The mobility of both students and faculty is increasing. In a word, Germany is undergoing a profound reform of the educational system.

At the same time, one cannot say that the Federal Republic of Germany blindly copies the American model of education and dissolves in universalist projects. Germany, which has a rich educational tradition, is trying to preserve a number of features or modify standard recipes. There are four aspects to this.

Firstly, the tuition fees at state universities in Germany are much more modest than in the U.S.: about 500 euros per academic term. This shows the influence of the framework of the social market economy. In addition, students have numerous discounts: on the railway, in the dining room, museums, etc. A very responsible discussion is the question of choosing a model for paying tuition. There are 12 such models being used across the world, of which the Australian model is more attractive, when students pay for study after its completion, from their salary. An important subject of concern is the payment of scholarships for financially disadvantaged students. Moreover, as the editor of Die Zeit weekly journal M. Spivak writes, «everyone agrees: no one - neither Germans nor foreigners - can be deprived of a chance to study in Germany, even if they don't have enough money for this» [4].

Secondly, in Germany, the two-stage structure of education is modified in such a way that the bachelor's degree is a three-year course of study, unlike the American 4 + 2 structure, and scientists, professors, remain more independent in the offer, and students in the choice of study courses and specialties.

Thirdly, the German educational space preserves a more complex landscape compared to the American one, where there are no specialized universities. In the structure of higher education in Germany there are universities (there are a total of 102), universities of applied sciences (170), higher schools of art, music, cinema (53), professional academies (38) and private universities (69, in which the tuition fee is from 1800 to 4700 euros per semester). About 2 million students study at these universities. At the same time, in universities, education is closely linked to fundamental scientific research, and only in these universities doctoral work can be defended. It is not a secret that

**Thus, in Germany, despite its active entry into a single world educational space, many differences remain. Such an experience is also useful for Uzbekistan in the context of reforming the education system.**

classical universities should serve «pure science» and offer a wider range of academic disciplines.

Fourth, the state retains an important role in the educational space of Germany. Most German universities (and above all, universities) are state-owned, and of private universities that have received state accreditation. It is with state financial support that the ambitious «Super Quality Initiative» program begins to be implemented. Its goal is to identify an elite group of German universities that will become «beacons» for other universities and will be able to enter the global university elite.

**The system of education and advanced training should be accessible in Uzbekistan for the widest sections of citizens, regardless of their financial situation. Only this can ensure an increase in the intellectualization and innovative potential of society, and become a guarantee of the formation of a «knowledge economy».**

Thus, in Germany, despite its active entry into a single world educational space, many differences remain. Such an experience is also useful for Uzbekistan in the context of reforming the education system.

**The need to take into account national specifics when reforming national education.** Familiarity with the experience of reforming education in modern Germany shows the possibility of taking into account national specificities in the context of globalization processes. Moreover, this has to do with Uzbekistan, which has rich educational traditions and a high level of education and science, as well as a set of specific factors and goals of national development, special status in the world.

Maintaining the role of entering the world space, Uzbekistan's access to a qualitatively new material and technical level require a transition to an innovative economy, to a «knowledge economy», which is unthinkable in conditions of poor support and underfunding of the education sector. The share of education spending to GDP in Uzbekistan is 1.5-2 times lower than in developed countries. At the same time, it is clear that the expansion of commercial financing should not reduce the amount of public financial resources allocated to this area.

The principle of wide access to education is extremely important for Uzbekistan, especially in conditions of sharp socio-economic differentiation of incomes and serious regional differences and the multinational composition of the population. The system of education and advanced training should be accessible in Uzbekistan for the widest sections of citizens, regardless of their financial situation. Only this can ensure an increase in the intellectualization and innovative potential of society, and become a guarantee of the formation of a «knowledge economy».

Table 1 shows the number of higher education institutions of the Republic of Uzbekistan and the amount of investment in them, as well as the number of graduates of higher education institutions.

*Table 1.*

**Higher educational institutions of the Republic of Uzbekistan and the amount of investment**

| № | Indicators | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 |
|---|---|---|---|---|---|---|---|
| 1. | Number of higher education institutions | 66 | 68 | 69,0 | 70 | 72 | 98 |
| 2. | Investments in fixed assets included in the higher education system under the investment program (million US dollars) | 43,8 | 72,2 | 83,0 | 6,6 | 33,4 | 73,5 |
| 3. | Investments in the education system (million US dollars) | 343,0 | 375,2 | 448,7 | 289,3 | 361,1 | 549,4 |
| 4. | total number of students in higher education institutions | 259,3 | 261,3 | 264,3 | 268,3 | 297,7 | 360,2 |
| 5. | including: Bachelor's degree | 246,6 | 249,9 | 253,6 | 258,8 | 288,5 | 348,6 |
| 6. | including: Master's degree | 12,7 | 11,5 | 10,7 | 9,4 | 9,2 | 11,6 |

It is important to preserve the fundamental character traditionally inherent in the national education system, its focus on training people with broad systemic thinking, outlook, and semantic core. The country should preserve the established scientific schools, a wide range of scientific research in various fields of knowledge capable of ensuring the scientific and technical independence of the country. Education and science in Uzbekistan should be adequate to a country with global ambitions. Highly specialized education, a limited range of scientific research and institutions are characteristic, rather, for peripheral countries and economies, and not for a country claiming world status.

Of great importance for Uzbekistan are issues of national economic security. Among them is the problem regarding the outflow of young specialists abroad, especially in the conditions of demand for our graduates. The European Union has set the task of attracting more specialists,

researchers, developers from abroad, while increasing the research budget to 5% of GDP, which means an attempt to turn the EU into a center of innovation. This forces us to draw at least two conclusions: firstly, about the need to create conditions for the realization of the creative abilities of young university graduates in Uzbekistan itself; secondly, about the danger of unconditional entry into the global educational space that can absorb a large number of talented youth, so necessary for Uzbekistan during its overdue modernization. It is extremely dangerous in the conditions of universalization of educational programs and globalization processes to put on stream the export of national specialists. In these conditions, it is legitimate to raise the question of a certain autonomy of the national educational process, of maintaining a number of barriers.

The creation of new jobs is in line with population growth, and this is especially notable in Uzbekistan, a country with high population growth rates. However, a number of problems remain that affect the state of the labor market.

- jobs are distributed unevenly. Pessimism among young people is observed on the labor market - a phenomenon in which able-bodied young people, ready to work, do not replenish the ranks of the workforce because they do not believe that there are jobs for them;

- poor quality of work. It is of particular concern, given that more than half of the workers in Uzbekistan are employed in the informal sector and most workers rarely learn anything new at work, performing mostly repetitive tasks. Quality of work is a multifaceted concept, which includes income, labor safety, workplace safety, training and career advancement opportunities, disability benefits, health and social protection benefits, mental and physical health, etc.;

- weakness of the labor market information system. It leads to a decrease in employment opportunities and a lack of awareness of job seekers about the skills required in the labor market. Obstacles to obtaining information about vacancies or the transfer by employers of information on the required qualifications can make it difficult for employees to achieve the best fit of their qualifications to the requirements of the labor market. Employees need free access to information about vacancies, job search strategies, and methods for effectively presenting their qualifications to employers. There is evidence that gaps in information and the presentation of information on qualifications impede the effective enforcement of qualifications of workers to labor market requirements;

**The great importance for Uzbekistan are issues of national economic security. Among them is the problem regarding the outflow of young specialists abroad, especially in the conditions of demand for our graduates.**

- the level of knowledge of the English language and the use of computers is low, namely there is a shortage of workers with language and IT skills. The level of use of computers and English at work is relatively low, although computer use is somewhat more common among young employees in state-owned enterprises in the service sector;

- insufficient qualifications of the workforce. Namely, the lack of a sufficient number of qualified specialists with higher education in industrial enterprises that have difficulty in finding the necessary professional skills among existing staff. Subsequently, insufficient qualifications of the labor force pose significant obstacles to the growth of industrial enterprises;

- difficulties of employees in presenting their skills to employers. After employees have found the appropriate vacancy, an important part of the process of selecting a vacancy and taking into account the qualifications of the employee is the presentation of their skills to employers. Given incomplete information about the candidate, resumes or interviews are used as the first determination mechanism. However, this moment of confirmation or demonstration of qualifications, as well as preparation of resumes are the second and third most important limitation.

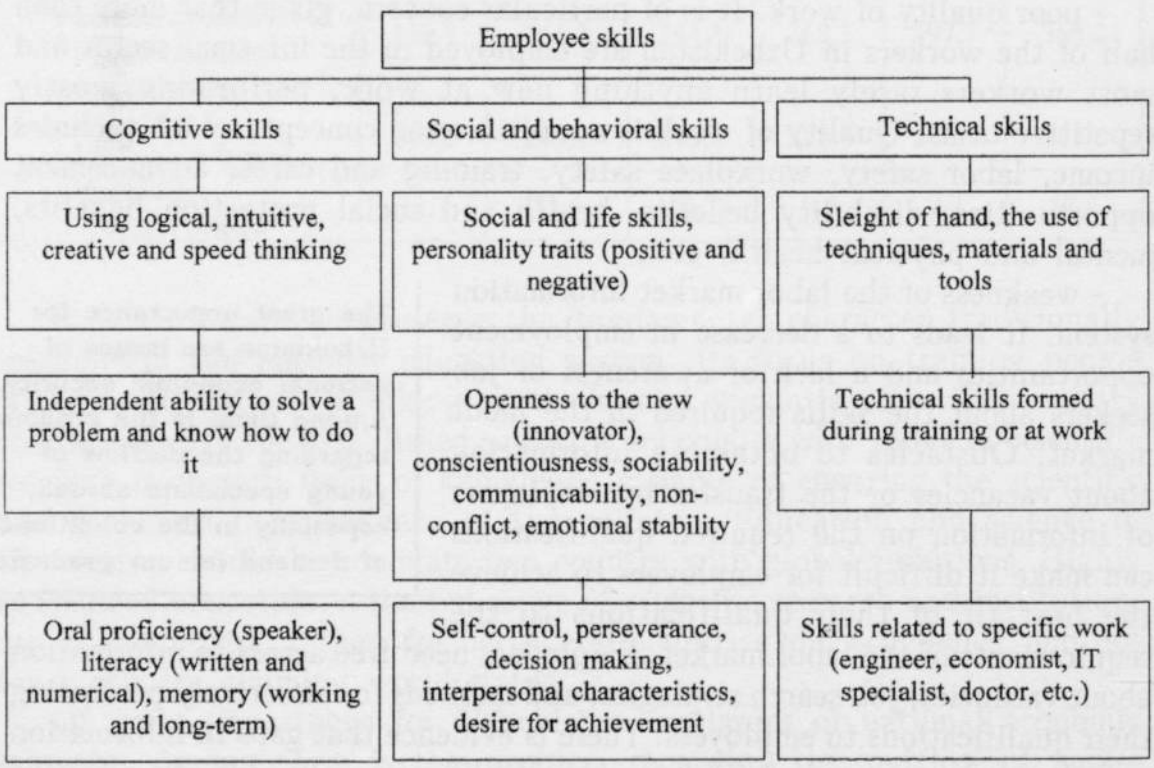



**Figure 1. Definition of professional skills**

All of the above representations are significant obstacles for candidates for work, which greatly complicates the process of selecting a vacancy taking into account the qualifications of the employee.

**The lack of a sufficient number of qualified specialists with higher education in industrial enterprises that have difficulty in finding the necessary professional skills among existing staff. Subsequently, insufficient qualifications of the labor force pose significant obstacles to the growth of industrial enterprises;**

In Uzbekistan, working people have more cognitive skills than non-working people. Employees have better results in terms of memory, literacy and numeracy than non-employees. The gap between those who work and those who do not work is especially wide in the field of memory. Most grades for the cognitive skills of employees are higher than grades for non-working people. Particularly noteworthy is the area of decision-making and the desire to achieve the goal - here the estimates vary significantly with respect to employed and unemployed persons [1].

Cognitive skills tend to be more developed among public sector employees, while private sector workers show low rates. The public sector and state-owned enterprises attract highly skilled workers with cognitive skills. Private or individual entrepreneurs also have highly developed cognitive skills, but do not have high marks on them, except for decision-making skills, which are especially strong.

This (Fig. 1) includes cognitive, social and behavioral, as well as technical abilities in the employee's ability. Namely, these skills reflect the ability to apply logical, intuitive and critical thinking, as well as such skills as the ability to solve problems, speaking skills, numerical and written literacy.

Skills also represent personality characteristics that are very important in the labor market, including conscientiousness, openness to new experience and innovative work, and emotional stability.

Skills develop at all stages of life: from conception to preschool institutions, in primary and secondary schools, in higher educational institutions and at work, and for each type of skill there are sensitive and critical periods of development (Fig. 2).

**Cognitive skills tend to be more developed among public sector employees, while private sector workers show low rates.**

Recent data indicate that the most important periods in the development of professional skills differ in type of qualification [2]. Cognitive skills are formed in life before technical skills, which develop later. The preschool period is crucial for the development of cognitive skills. There is a high probability that the most critical moment for the formation of cognitive skills falls on the age of 5 years, this stage

marks the first step in the development of human skills. By the age of 8-10, the basics of an individual's cognitive abilities are well formed. Then there is a continuous development of cognitive skills throughout adolescence and adulthood.

The state plays an important role in the formation of skills throughout the entire life cycle of a person, orienting the existing and future labor force to receive education at various levels.

The state can also influence the future workforce by focusing on the family, society, formal education system or available workforce, as well as educational institutions providing adult education.

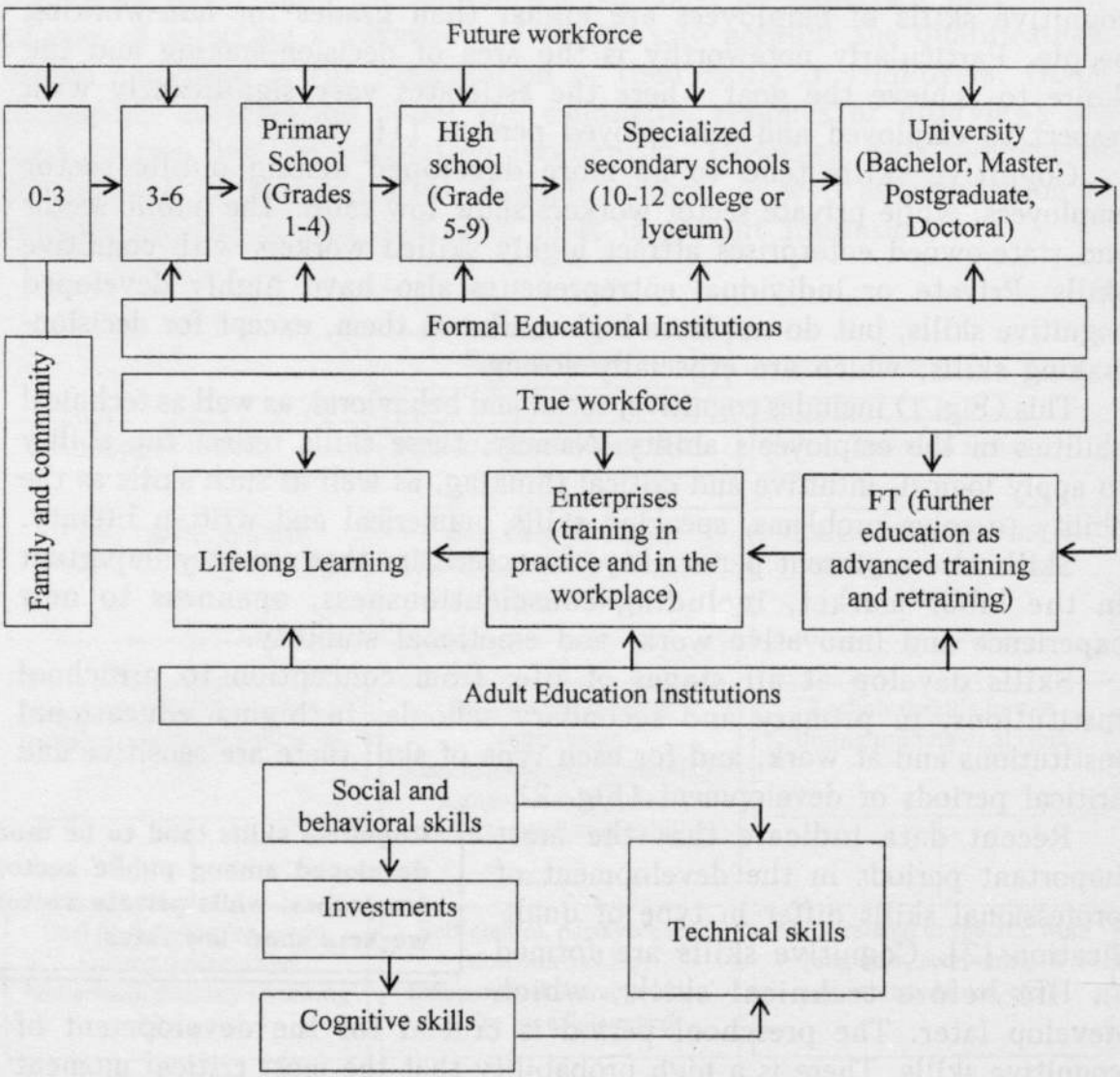



**Figure 2. The formation of skills at all life stages of the workforce**

Family and society play an important role in developing the skills of the future workforce, especially in the early years of life, providing good nutrition and incentives. They are also important throughout the life cycle. Formal educational institutions, from pre-school to higher education, are also important for shaping the skills of future workers. Educational institutions for adult education, including non-traditional educational institutions and additional educational institutions, can help strengthen the skills of the existing workforce. Adults form their skills in the process of work or during training programs without interruption from production or training in the process of performing the work itself.

**The state plays an important role in the formation of skills throughout the entire life cycle of a person, orienting the existing and future labor force to receive education at various levels.**

Strong cognitive skills are necessary for the successful acquisition of technical skills, as a solid foundation of cognitive skills helps employees strengthen their technical skills throughout their work. Cognitive skills determine a person's willingness to learn throughout life, forming the potential and motivation to acquire new knowledge, adapt and solve new problems. This is critical in a dynamic and economic environment where specific skills may be considered obsolete.

However, general skills, especially cognitive ones, are not an alternative to academic education. On the contrary, close attention to them is a powerful tool for improving the level of education, lifelong learning throughout life and, therefore, employment.

Uzbekistan seeks to take advantage of its young and growing population and make better use of human capital. By increasing its employment indicators, Uzbekistan intends to achieve the goal set in Strategy 2030 and become a country with an income above the average level by 2030 [3]. However, it must be recognized that achieving this goal will require further training for the existing and future workforce of Uzbekistan. This is not an easy, but quite feasible task. The state should take measures with regard to the increased need for employers in the workforce with well-developed cognitive skills. There is a great demand for specialists in our economy, as evidenced by the significant positive demand in the labor market for workers with cognitive skills. However, the employees themselves complain about the inadequacy of their preparation for productive employment.

**Cognitive skills determine a person's willingness to learn throughout life, forming the potential and motivation to acquire new knowledge, adapt and solve new problems.**

Finally, the education system in the country should have a close relationship with the sociocultural environment, national traditions, and features of national thinking. National thinking (including economic) has always been characterized by a comprehensive social, spiritual and economic perception of social phenomena, an emphasis not only on «existing», but also on «due», special attention to social issues, to the national economic level, solidarity, etc. In this case, special attention should be paid to the solidarity traditionally shown in our university environment - between students, teachers, universities, within the educational society.

**Uzbekistan seeks to take advantage of its young and growing population and make better use of human capital.**

At the same time, this is not just about professional competitiveness, but also about the introduction of competition in the very internal life of universities. This approach is poorly consistent with our educational and sociocultural traditions, for which solidarity, mutual assistance and support are more characteristic. A radical change in the atmosphere of the educational environment itself is fraught with an increase in internal conflicts and a decrease in the effectiveness of university activities.

These, in our opinion, are some aspects of taking into account national specifics in the context of reforming the educational system in Uzbekistan.

## Literature

1. Ajwad, Mohamed Ihsan, Stefan Hut, Ihom Abdulloev, Robin Audy, Joost de Laat, Sachiko Kataoka, Jennica Larrison, Zlatko Nikoloski, and Federico Torracchi. The Skills Road: Skills for Employability in Uzbekistan. World Bank, Washington, DC. Retrieved from https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/20389

2. Arias, Omar S., Carolina Sanchez-Paramo, Maria E. Davalos, Indhira Santos, Erwin R. Tiongson, Carola Gruen, Natasha de Andrade Falcao, Gady Saoivici and Cesar A. Cancho. Back to Work: Growing with Jobs in Europe and Central Asia. World Bank, Washington, DC. Retrieved from https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16570

3. Ajwad, Mohamed Ihsan, Pamela Dale, Susanna Hayrapetyan, Stefan Hut, Igor Kheyfets, Rebecca Lacroix, Manjula M. Luthria, Marvin Ploetz, and Mark C. Woodward. Uzbekistan Vision 2030 - Background Note: Achieving Social Sustainability in Uzbekistan. World Bank, Washington, DC. Retrieved from http://documents.worldbank.org/curated/en/744581468230693258/pdf/910100WP0P14350d000Uzbekistan0Final.pdf

4. https://www.britannica.com/topic/Die-Zeit

5. Gaibnazarova Z.T. Development of HR for expansion of employment possibilities in Uzbekistan // Scientific and analytical journal Science and Practice of the Plekhanov Russian University of Economics, 2016. 4(24). - P. 7-63.

6. Gaibnazarova Z.T. Improving the System of Higher Education is the Main Factor in the Formation of Human Capital // Scientific and analytical journal Science and Practice of the Plekhanov Russian University of Economics, 2017. 3(27). - P. 72-78.

7. Gaibnazarova Z.T. Personnel and innovation management in Uzbekistan: problems of technology transfer // Scientific and Practical Journal Social Labor Studies. 2018. №4 (33). - P. 113-119.

8. Gaibnazarova Z.T. Improving the Quality of Education in Universities of Uzbekistan: the Experience of the Tashkent State University // Scientific and analytical journal Science and Practice of the Plekhanov Russian University of Economics, 2018. 3(31). - P. 90-98.

9. Babak Sohrabi, Iman Raeesi Vanani, Allameh Tabataba'I, Ehsan Abedin. Human Resources Management and Information Systems Trend Analysis Using Text Clustering // International Journal of Human Capital and Information Technology Professionals. Volume 9, Issue 3, July-September 2018. - P. 1-24.

Youngkeun Choi. Human Resource Management and Security Policy Compliance // International Journal of Human Capital and Information Technology Professionals. Volume 8, Issue 3, July-September 2017. - P. 68-81.

**Н.Я. Муминова**

# Системный анализ международных отношений в современном научном дискурсе*

В современных международных исследованиях и практико-аналитических разработках системный подход представляется одним из «дискуссионных» методов исследования и прогнозирования международных отношений, при применении которого достигается бьльшая результативность, всестороннее и наиболее полное понимание «феномена» исследования.

В стремлении «обрести» социальными науками независимое положение от методологических традиций естественных наук системный подход приобрел особое значение в 50-60-е годы XX в. На фоне становления общенаучных теорий системный подход повлиял на формирование частнонаучных теорий социальных наук в результате междисциплинарной интеграции. Теоретико-методологическое развитие социальных наук осуществлялось в рамках научных парадигм, зарождавшихся и сменявших друг друга в результате научных революций.

**В политической науке в результате «бихевиористской революции» в 50-е гг. XX в. оформились два подхода к интерпретации социально-политических явлений: редукционистский (атомистический) и системный (холистский).**

В политической науке (в т.ч. международных отношениях) в результате «бихе-

*Муминова Н.Я., ст. преподаватель каф. «МО» УМЭД, к.п.н.*

* Данная статья представляет собой сокращенную версию раздела коллективной монографии «Системный подход к изучению международных отношений» (из серии «Учебники и учебные пособия нового поколения»), которая готовится к публикации в издательстве УМЭД под редакцией проф. Абдуллаева Ш.М.

виористской революции» [1] в 50-е годы XX в. оформились два подхода к интерпретации и объяснению социально-политических явлений: (1) *редукционистский* (reductionist) (атомистический в естественных науках) и (2) *системный* (холистский) [2]. В международных отношениях дискуссии о «правильности» применения редукционистского или системного подходов и методологии были выражены в рамках т.н. *«онтологических споров»* из серии *«больших споров»/ «великих дебатов»* (Great debates) [3].

**Учеными отмечается применение системного подхода в исследовании международно-политических процессов на нескольких аналитических уровнях: (i) уровень системных моделей; (ii) уровень процессов принятия решений; (iii) уровень взаимодействия между национальной политической системой и ее внутренними подсистемами; (iv) уровень внешних «взаимосвязанных групп»; (v) уровень взаимодействия между внешними «взаимосвязанными группами» и внутренними группами.**

Специфика *системного подхода* заключается в рассмотрении объекта (феномена) исследования в контексте его целостности (единства), выявлении механизмов, обеспечивающих целостное функционирование объекта, обусловленных многообразными типами связей объекта, и «восстановление/сведение» полученных результатов в единую картину (сбор пазлов).

*Принципами* системного исследования выступают: (1) целостность изучаемой системы; (2) наличие в системе двух или более типов (системообразующих) связей; (3) наличие структуры и организации; (4) наличие «горизонтальной» и «вертикальной» уровней системы и иерархии этих уровней; (5) способы регулирования многоуровневой иерархии, выраженные в управлении системой; (6) постановка цели и целесообразного характера поведения систем; (7) фактор самоорганизации (преобразование системы и её функций), наличие у системы множества характеристик; (8) проблема соотношения функционирования и развития системы [4] при соответствующих механизмах [5].

В контексте развития методологии социальных дисциплин теория систем получила широкое применение в *теории игр, теории принятия решений, факторном анализе* и др.

Учеными отмечается применение системного подхода в исследовании международно-политических процессов на нескольких аналитических уровнях: «(i) уровень системных моделей, на котором изучаются принципы международных взаимодействий; (ii) уровень процессов принятия решений, в рамках которого исследуются особенности формирования внешней политики того или иного государства с учетом его взаимодействия с другими государствами и реакции на воздействия внутренней и международной среды; (iii) уровень взаимодействия между

национальной политической системой и ее внутренними подсистемами типа общественного мнения, групп интересов и культуры; (iv) уровень внешних «взаимосвязанных групп», т.е. других политических систем, акторов или структур международной системы, с которой рассматриваемая национальная система имеет прямые отношения; (v) уровень взаимодействия между внешними «взаимосвязанными группами» и внутренними группами, наиболее чувствительными к внешним событиям, типа внешнеполитического или военного руководства, бизнесменов международного масштаба» [6].

Значительное влияние на эволюцию/развитие системного подхода в политической науке оказали исследования американского социолога ***Т. Парсонса*** (Talcott Parsons) [7] по теории социальных систем, немецкого социолога ***Н. Лумана*** (Niklas Luhmann) [8] по структурному функционализму или социологической системной теории, американского политолога ***Д.Истона*** (David Easton) [9] по аналитическим подходам к изучению политических систем.

**М. Каплан определяет международную систему как состоящую из системы действий, дифференцируя шесть эвристических моделей международных систем, представленных в качестве состояний равновесия.**

Традиционно применение системного подхода в международных отношениях (system analysis approach) связано с теоретическими разработками американских исследователей ***М. Каплана*** (Morton A.Kaplan) «идеальных» типов международных систем, ***Р. Розекранса*** (Richard Rosecrance) исторических моделей международных систем, ***К. Уолца*** (Kenneth Waltz) концепции трёх уровней структуры системы, ***Р. Гилпина*** (Robert Gilpin) системных изменений на уровне международной системы и государств, ***С. Хоффмана*** (Stanley Hoffmann) системных внутренних и внешних ограничений внешней политики, ***К. Дойча*** (Karl W. Deutsch) сообществ безопасности и информационных систем, ***И. Валлерстайна*** (Immanuel Wallerstein) концепции «мир-системы», ***Дж. Модельски*** (George Modelski) длительных/длинных циклов в мировой политике, европейских исследователей ***Р.Арона*** (Raymond Aron) гомогенных и гетерогенных международных систем, представителей английской школы международных отношений ***Х. Була*** (Hedley Bull), ***Б.Бузана*** (Barry Buzan) концепции международного общества, «новых» элементов международных систем и др.

***Системный подход в международной политике (Morton A.Kaplan).*** Исследование американского политолога, представителя Чикагской школы политической науки, М.Каплана (Morton A.Kaplan) «Система и процесс в международной политике» («System and process

in International politics») в 1957 г. было опубликовано на фоне преобладающих в 50-е годы XX в. интеллектуальных принципов бихевиористского направления в политической науке [10]. М. Каплан представляет международную систему как состоящую из системы *действий*, в которой набор переменных взаимосвязан друг с другом («в отличие от своего окружения»). Каплан разработал шесть моделей международных систем, разделил акторов на четыре категории: директивные или недирективные (directive or nondirective) и доминирующие в системе или доминирующие в подсистеме (system dominant or subsystem dominant). Типология международных систем М.Каплана представлена в качестве состояний равновесия: 1) *«система равновесия (баланса) сил»* (balance of power system), в которой главными акторами выступают великие державы (обладающие значительным военным и экономическим потенциалом); 2) *«мягкая (гибкая) биполярная система»* (loose bipolar system), включающая помимо государств и международные межправительственные организации; 3) *«жесткая биполярная система»* (tight bipolar system) предполагает, что каждый актор, не принадлежащий ни к одному из двух блоков, утрачивает всякое заметное влияние или исчезает; 4) *«универсальная система»* (universal system), или *«универсальная интегрированная система»*, характеризуется тем, что в ней важные властные политические функции переданы от государств универсальной (глобальной) организации, обладающей правом определять статус тех или иных стран, выделять им ресурсы и следить за соблюдением согласованных правил международного поведения; 5) *«иерархическая система»* (hierarchical system) вытекает из универсальной, принимая форму мирового государства, в котором роль конкретных стран минимизирована; 6) *«система единичного вето»* (unit veto system) предполагает, что каждый актор (государство или союз государств) способен оказывать эффективное влияние на совокупную международную политику, поскольку имеет возможность (связанную, например, с обладанием ядерным оружием) защитить себя от любого другого государства или коалиции государств [11].

**Р. Розекранс разработал формальные модели для анализа поведения государства и стабильности различных исторических систем. Существенные изменения в этих системах происходят под воздействием конфликтов и сопровождаются развитием новой системы.**

***О международных системах (Richard Rosecrance).*** В свою очередь, Р. Розекранс [12] выделяет девять исторических моделей международной системы, существовавших между 1740 и 1960 гг. Розекранс разработал формальные модели для анализа поведения государства и стабильности различных исторических систем. Начало войны считается

**Формулировка К.Уолтцем уровней анализа в международных отношениях сводится к 1) индивиду, 2) элементу (единице) или государству, 3) системе с её анархической структурой.**

пределом/границей конца одной системы и началом другой. Розекранс, рассматривая специфику отношений в системе, называет их «дипломатическими созвездиями» ('diplomatic constellations') или моделями власти и дипломатических отношений, которые характерны для определенного исторического периода. Существенные изменения в этих системах происходят под воздействием конфликтов и сопровождаются развитием новой системы. Продолжительность системы в среднем составляет двадцать лет. По мнению Розекранса, стабильность любой системы определяется соотношением между четырьмя основными переменными или «детерминантами»: (1) определяемый элитами внешнеполитический курс (совместимость направлений и целей между государствами-участниками системы); (2) степень контроля элит над внешней политикой; (3) ресурсы (навыки убеждения, количество мобилизуемых ресурсов, скорость мобилизации; (4) способность окружающей среды поглощать или «умиротворять» цели государств. По мнению автора, при оценке стабильности системы невозможно отделить внутреннюю политику от внешней, поскольку «общесистемные» действия вводятся в действие только в ответ на политические инициативы государств-участников системы [13].

***Системный подход и уровни анализа (Kenneth Waltz).*** К. Уолц разработал подходы к уровням анализа в международных отношениях [14]. Уровни анализа в международных отношениях были тесно связаны с идеей системы, которая определяется как «совокупность элементов (units), взаимодействующих в пределах структуры». Формулировка Уолцем уровней сводится к 1) индивиду, 2) элементу (единице) или государству, 3) системе с её анархической структурой [15]. По мнению Уолца, сверхдержавы являются гарантами порядка и стабильности в мировой политике. «Уровень» системы с присущей ей структурой влияет на поведение (предпочтения, стратегию) государства, и как следствие, на частоту войн. Ученый определяет международную политическую структуру по двум критериям/принципам: 1) принцип устройства/организации (соотношение между государствами) и 2) распределение возможностей (варьируется между государствами). Межгосударственная система рассматривается Уолцем как система т.н. «самопомощи», или анархическая система. Задачи (вызовы), возникающие перед государствами, одинаковы, но «способности» их разрешать отличаются. Поэтому в международной системе доминирует незначительное число государств (по мнению автора, не более восьми государств, кото-

рые когда-либо имели значение). С точки зрения стратегического поведения участников системы ученый характеризует биполярную структуру как более устойчивую (при доминировании двух великих держав и отсутствии вероятности общесистемных войн), нежели многополярную (при доминировании трёх или более великих держав и ограниченности маневрирования государств в отношении союзников и противников в рамках потенциальных альянсов) [16].

***Системные перемены: уровень международной системы и уровень государств (Robert Gilpin).*** В рамках системного подхода Р. Гилпин [17] постулирует возникновение и изменение систем государств с точки зрения рационального выбора (rational choice). Гилпин дифференцирует три вида изменений в международных отношениях: 1) изменение в результате взаимодействия (изменение межгосударственных отношений в рамках существующего баланса сил); 2) системные изменения (общее управление системой, количество великих держав внутри системы, смена идентичности доминирующих держав в результате системной войны, вызовы существующему распределению власти и попытки сохранить конфигурацию сил); 3) смена систем (фундаментальные трансформации акторов и *per se* природы системы). Модель системных изменений (model of systemic change) Р. Гилпина основана на положениях микроэкономической теории и теории рационального выбора. Т.н. «циклическая теория изменений» в международной системе состоит из пяти ключевых положений: (1) международная система является стабильной (в состоянии равновесия), если ни одно государство не считает выгодным ее изменить; (2) государство попытается изменить международную систему, если ожидаемые выгоды превысят ожидаемые затраты; (3) государство будет стремиться изменить международную систему посредством территориальной, политической и экономической экспансии до тех пор, пока предельные издержки дальнейших изменений не станут равными или превышающими ожидаемые выгоды; (4) однажды достигнув равновесия между затратами и выгодами от дальнейших изменений и расширения, тенденции/показатели экономических затрат на поддержание статус-кво будут расти быстрее, чем экономическая способность поддерживать статус-кво; (5) если неравновесие в международной системе не будет устранено, тогда система будет изме-

**В рамках системного подхода Гилпин Р. постулирует о возникновении и изменении систем государств с точки зрения рационального выбора, определяя три вида изменений в международных отношениях: 1) изменение в результате взаимодействия государств; 2) системные изменения; 3) трансформация/смена систем.**

нена, и будет установлено новое равновесие, отражающее перераспределение власти [18].

***Международная система и внутренние и внешние ограничения внешней политики (Stanley Hoffmann).*** На примере исследования американской внешней политики в контексте изменяющейся международной обстановки, с которой столкнулись политики США в конце 1960-х годов, С.Хоффманн *(Stanley Hoffmann)* объединяет внутренние и внешние ограничения внешней политики [19]. Изучая международную систему в 1960-е годы, автор делает вывод, что действующей системе характерен революционный динамизм, условная или «приглушенная» биполярность и идеологические столкновения. С.Хоффманн дифференцирует три уровня системы, каждый из которых обладает различными атрибутами: 1) система является биполярной (в контексте потенциального ядерного разрушения); 2) ядерный «тупик» (nuclear stalemate) накладывает ограничения, вместе с тем стимулирует развитие национальных государств, (на системном уровне) закрепив политический полицентризм; 3) тенденция к распространению ядерного оружия (в исследуемый автором период) придает многополярность третьему «системному» уровню. В условиях подобной сложности отношений на внутри- и межсистемных уровнях автор отмечает специфические «национальные» институциональные недостатки (например, дисбаланс власти между правительственными структурами и бюрократией и внутри правительственных структур; «стиль» внешней политики США в ракурсе легализма, формализма, краткосрочного планирования, конфликта между «квиетизмом/спокойствием» и активизмом (quietism and activism) [20].

**С.Хоффманн дифференцирует три уровня международной системы с присущими им атрибутами: система является биполярной (60-е гг.); ядерный «тупик» накладывает ограничения, вместе с тем стимулируя развитие национальных государств; тенденция к распространению ядерного оружия придает многополярность третьему «системному» уровню.**

***Анализ сообществ безопасности (Karl W. Deutsch).*** Отказавшись от идеалов реализма, К. Дойч *(Karl W. Deutsch)* применил теоретические разработки коммуникации и кибернетики для анализа «сообществ безопасности» [21]. Как и М.Каплан, К.Дойч полагал, что равновесие и стабильность (по аналогии с гомеостатическим развитием) возникают в результате динамических регуляторных процессов, действующих в функциональных единицах системы [22]. В рамках концепции сообществ безопасности К. Дойч представил различие между объединением/слиянием (amalgamation) и интеграцией (integration)

государств (соответственно, например, гражданской войной или международным миром). К. Дойч рассматривал возможность сосуществования (взаимосвязанности ввиду интегрированности) ряда суверенных государств в рамках «плюралистического сообщества безопасности». Детерминирующим фактором «плюралистических сообществ безопасности» является «баланс между транзакциями и интеграцией». В книге, опубликованной в 1966 г., «The Nerves of Government» К.Дойч изучил условия, при которых системы принятия решений способны «управлять» потоками информации, разработав теоретическую основу для измерения соотношения между внутренней и внешней коммуникацией как индикатора степени склонности государств к самозамкнутости (self-closure) и самозабвению (self-preoccupation) [23].

***Системно–исторический подход (Immanuel Wallerstein).*** И. Валлерстайн выдвинул гипотезу [24] о существовании трёх известных форм/разновидностей «исторических систем», которые он назвал «мир-системы» («world-system»), «мир-империи» («world-empire») и «мир-экономики» («world-economy»). По Валлерстайну, единственным видом социальной системы является мир-система, которая определяется как «общность с единой системой разделения труда и множественностью культурных систем» [25]. Двумя разновидностями исторических систем выступают мир-системы с общей политической системой и без неё, соответственно «мир-империя» и «мир-экономика». «Мир-экономика»», по сути, представляет собой систему, именуемую *капитализмом.* «Мир-экономики» трансформировались в «мир-империи» ввиду исторически присущим им нестабильным структурам, которые приходили к дезинтеграции и/или завоеванию одной группой. «Мир-экономика» поделена на три структурные позиции: *сердцевина (центр), периферия и полупериферия* (регионы мира, «статус» которых оформился около 1640 г.). Если *«сердцевинные» регионы* характеризовались наличием сильных «государственных машин», то т.н. *«периферийным» зонам* был характерен упадок «государственных машин». По Валлерстайну, полупериферия необходима, чтобы сделать функционирование капиталистической мир-экономики плавным. Мир-империи характерна перераспределительная экономика, мир-экономике – капиталистическая рыночная экономика. Автор задаётся вопросом о политической устойчивости существования мир-систем. Существовали три основных механизма, которые позволя-

**К. Дойч рассматривал возможность сосуществования ряда суверенных государств в рамках «плюралистического сообщества безопасности». Детерминирующим фактором «плюралистических сообществ безопасности» является «баланс между транзакциями и интеграцией».**

**И. Валлерстайн выдвинул гипотезу о существовании трёх известных форм/разновидностей «исторических систем», которые он назвал «мир-системы» («world-system»), «мир-империи» («world-empire») и «мир-экономики» («world-economy»).**

ли мир-системам выживать: (1) концентрация военной мощи в руках господствующих сил; (2) проникающая сила идеологической приверженности системе в целом; (3) разделение большинства на более обширный низший слой и более узкий средний слой (с преобладанием вертикальной концентрации экономических ролей во всей системе, нежели горизонтальной).

***Теория длинных/длительных циклов и глобальная система (George Modelski).*** Дж. Модельски разработал теорию т.н. «длинных циклов» [26] глобальной политики, наделив её четырьмя ключевыми характеристиками: (1) теория глобальных структур власти; (2) ориентирована на процесс и соответственно на время (process-, time-oriented); (3) длинные циклы рассматриваются как механизм глобальной политической эволюции; (4) выявляет систематические связи с другими процессами современной мировой системы. Прежде всего, теория длинного цикла касается глобальных структур власти в современной мировой системе и того, как они создают все более сложную глобальную политическую систему. Термин «цикл» относится к модели регулярности (regularity), которая характеризует это развитие, или к некоему ритму. Теория позволяет выявить закономерности, связанные с возникновением, функционированием и возможным исчезновением институтов. Период длинного цикла составляет около четырех поколений. Теория предлагает положение о том, что длинные циклы являются механизмом глобальной эволюции; отвергается подход о создании глобальной политии (global polity), где империи принимают решения в пользу создания (подобной глобальной) институциональной системы или завершают формирование системы национальных государств. Построение политической системы рассматривается как (самоорганизующийся) процесс «обучения», который переходит (в фазах длиной в поколение) от формирования повестки дня через создание коалиции (сотрудничество) и решений на макроуровне к исполнению. Каждый цикл мирового лидерства состоит из четырех фаз: 1) фаза мировой войны (Phase of global war), 2) фаза мировой власти (Phase of world power), 3) фаза делегитимации (Phase of delegitimation), 4) фаза деконцентрации (Phase of deconcentration).

**Модельски Дж. разработал теорию т.н. «длинных циклов» мирового лидерства, каждый из которых состоит из четырех фаз: 1) фаза мировой войны, 2) фаза мировой власти, 3) фаза делегитимации, 4) фаза деконцентрации.**

***Международная система, гомогенные и гетерогенные системы (Raymond Aron).*** Р. Арон рассматривал международную систему в качестве объединения политических «единиц», которые поддерживают между собой регулярные отношения и в результате «плюрализма суверенитетов» могут быть «втянуты» в общую войну. Анархия является ключевой составляющей/свойством международной системы. Существуют степень и перспективы преодоления анархичности, а также последствий ее влияния на международную систему. Р. Арон различает *гомогенные системы* (государства имеют схожие режимы и разделяют одну и ту же концепцию внешней политики) и *гетерогеннные системы* (государства организованы на основе противоречащих принципов и ценностей). Арон считал, что международная система является настолько же функцией элементов, насколько и детерминантом их поведения [27].

**В рамках международных обществ, несмотря на отсутствие центральной власти, государства демонстрируют модели поведения, которые подчиняются правовым и моральным ограничениям и формируются ими.**

***Концепции международного общества (Hedley Bull, Barry Buzan).*** В рамках международных обществ, несмотря на отсутствие центральной власти, государства демонстрируют модели поведения, которые подчиняются правовым и моральным ограничениям и формируются ими. Хедли Булл утверждает, что «институты» общества государств (война, великие державы, международное право, дипломатия и баланс сил) имеют решающее значение для поддержания порядка. Ученый рассматривает дифференцирующие характеристики международной системы и сообщества [28]. На исторических периодах внутри международной системы (international system) существовало протоядро международного общества (international society). Концепция «международных обществ» (христианского, европейского и др.) была дополнена идеей «мирового международного общества» (world international society). В международном сообществе страны могут быть объединены общими интересами, в мировом обществе – стандартами этики и морали.

*Б. Бузан* (Barry Buzan), дополнив теорию Х.Булла, ввел в оборот понятия «общество между частями, образующими государство» (interstate society); «международное общество» (international society). Международное общество отождествляется с событиями как отражением принятых политиками/государственными деятелями решений и поведения государств. Различают три подхода к объяснению международных сообществ: авангардный, синкретический и многоуровневый (многослойный) [29]. В контексте интерпретации «общества между

частями, образующими государство» (interstate society) подразумевались отношения метрополии с развитыми доминионами или другими некогда странами-колониями. Б. Бузан корректировал, что «мировое общество» (world society) отражает «общность» видения, перцепции глубины, комплекса, единства в «осознании» общества, включая уровни действий ТНК и индивидов. Б.Бузан также рассмотрел понятие «подглобальные международные общества» (sub-global international societies), сравнив с существовавшим некогда «миром социализма», Европейским сообществом, Восточной Азией, «исламским миром» и т.д. [30].

***Традиции системного анализа международных отношений в России.*** Традиционно системный подход в исследованиях представителей российской школы международных отношений разрабатывался М.А. Хрусталевым (школа системно-структурного анализа, МГИМО) [31], А.Д. Богатуровым [32], Т.А. Шаклеиной [33], Е.Г. Никитенко, И.А. Поздняковым (школа системно-исторического анализа международных отношений, ИМЭМО) [34], В.И. Гантманом [35], Н.А. Косолаповым, А.А. Кокошиным [36], О.В. Гаман-Голутвиной [37], П.А. Цыганковым [38], в рамках разработки различных подходов к изучению мирового порядка А.В. Торкуновым, Н.А. Симония [39], М.М. Лебедевой [40], И.Н. Тимофеевым [41] и др.

Рассмотрим некоторые из представленных научных направлений. Принимая классические принципы и ключевые категории системного подхода в международных отношениях, российские исследователи М.А. Хрусталёв, А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов в совместном труде «Очерки теории и политического анализа международных отношений» особо выделяют такие детерминанты (международной) системы, как *«стабильность»* и *«устойчивость»*. [42]. По мнению Хрусталева, уровень состава и внутренняя структура характеризуют «качественную определенность любой системы», разнородность состава системы определяется делением на главные («системообразующие») и второстепенные элементы. Смена главного элемента, инварианта системы (государства), может преобразовать систему в другую. «Доминирующей тенденцией эволюции состава СМО *(системы международных отношений)* стала все большая диверсификация второстепенных элементов в сочетании с

**По мнению М.А. Хрусталева, уровень состава и внутренняя структура характеризуют «качественную определенность любой системы», разнородность состава системы определяется делением на главные («системообразующие») и второстепенные элементы. Смена главного элемента, инварианта системы (государства), может преобразовать систему в другую.**

быстрым ростом их численности» [43]. Так, в своих исследованиях А.Д. Богатуров развивает идеи *анклавно-конгломератной модели* развития в рамках «транссистемной» теории. Под конгломератными обществами А.Д. Богатуров понимает «общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделеобразующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавы, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества – конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции» [44].

**Китайский ученый Цинь Яцин предлагает ввести в теорию международных отношений в качестве независимых переменных такие понятия как «отношения» и «процесс» и выдвигает сложную теоретическую конструкцию под названием «конструктивизм процесса».**

В рамках *теории эволюционных циклов международной системы* российские исследователи разработали альтернативный подход к описанию глобальной динамики эволюционных циклов международной политической и экономической системы (разновидность критического переосмысления положений «мир-системной» теории, подход, «развивающий и детализирующий социально-политические положения концепции Кондратьевских циклов»), представленный авторской концепцией В.В. Лапкина и В.И. Пантина [45]. В ее основу положена модель четырехфазных эволюционных циклов в качестве «универсального механизма социальной эволюции». Полный эволюционный цикл международной системы включает (i) фазу технологического переворота, (ii) фазу великих потрясений, (iii) фазу революции мирового рынка и (iv) фазу структурного кризиса [46].

***Системный подход в международных исследованиях китайских ученых.*** Интеллектуальные традиции китайских исследователей международных отношений [47] представлены концептуальными разработками в виде «системы Тянься» Чжао Тиняна, «теории морального реализма» Янь Сюэтуна («подход Цинхуа»), «теория практики вовлеченности» Чжу Лицюна, «теории отношений („реляционной теории“)» Цинь Яцина, теории «международного симбиоза» Ху Шоуцзюня и шанхайской школы, «социальной эволюции мировой политики» Тан Шипина [48].

Среди представленных подходов Цинь Яцин [49] предпринял попытку сформулировать «своеобразную» теорию. Цинь Яцин, полагаясь на теоретические положения конструктивизма (в частности, воззрения А. Вендта), предлагает ввести в теорию международных отношений в

качестве независимых переменных такие понятия, как *гуаньси* (отношения) и *гочэн* (процесс), и выдвигает сложную теоретическую конструкцию под названием «конструктивизм процесса» *(гочэн цзяньгоучжуи)*. По утверждению исследователей, Цинь Яцин считает, что такие западные школы международных отношений, как «структурный реализм, неолиберализм и конструктивизм, имеют один общий недостаток: они игнорируют состояние «процесса» в международной системе и сложные «отношения» в рамках мирового сообщества, которые должны стать центральным и обязательным понятием теории [50].

**Сделаем заключение.**

Современное состояние международных отношений в условиях *неопределенности, хаоса и стихийности* (в мировой системе) объясняет *теория «самоорганизующихся целостных систем» (синергетика*[1]), рассматривающая сложные системы и присущие ей такие аналитические детерминанты, как *«самоорганизация»* (результат нерациональных, природных воздействий), *«автоколебания» и «коэволюция»* систем. В теории сложных систем и самоорганизации *хаос* (неустойчивость в системе), выступающий в виде как деструктивного импульса, так и конструктивного (условие порядка), рассматривается как движущая сила «качественного» изменения системы. Аналитической переменной теории самоорганизации выступают факторы «случайности», наряду с естественными колебаниями (флуктуацией) присущие мировой системе в условиях неустойчивости (хаоса). С точки зрения общих принципов синергетической теории сложные системы обладают различными векторами развития, которые формируются в т.н. точках *бифуркации* (точках выбора траектории/стратегии дальнейшего развития). В международной системе своеобразными «пиками» бифуркации могут быть такие непредсказуемые, «непредвиденные», «внезапные» ситуации, как террористические акты (например, события 11 сентября 2001 г. в США), природные катаклизмы (наводнения, цунами, землетрясения, извержения вулканов), пандемии (например, Covid-19) и другие факторы, представляющие угрозу нацио-

**Современное состояние международных отношений в условиях неопределенности, хаоса и стихийности (в мировой системе) объясняет теория «самоорганизующихся целостных систем» (синергетика).**

[1] Синергетика (греч. synergeia – сотрудничество, содружество) – научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах благодаря интенсивному обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. В таких системах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень их упорядоченности, то есть уменьшается энтропия (иначе говоря, происходит самоорганизация системы). Основа синергетического подхода – термодинамика неравновесных процессов, теория случайных процессов, теория нелинейных колебаний и волн. (Источник: Гаранина О.Д. Указ.соч.- С 40.)

нальной и международной безопасности [51]. Траектория развития сложной системы определяется как ее прошлым и настоящим состоянием, так и будущим. Однако спрогнозировать будущую (вероятностную) направленность системы или определить аттрактора достаточно сложно. В современных условиях это объясняется фактором стихийной, «управляемой» информации как исходного источника (аналитических) знаний для определения перспектив развития системы.

**На развитие «традиционного» системного подхода, его перспективы, влияют объективные (неотъемлемые) характеристики мирового развития, инновационные методы исследования международных отношений, альтернативные теоретические разработки.**

Представленные научные традиции системного подхода в международных отношениях демонстрируют, с одной стороны следование определенной теоретической конструкции (стройности), взаимодополняемость и взаимосвязь научных концепций, с другой стороны – многовариантность, методологическую разрозненность и некоторую фрагментарность. На развитие «традиционного» системного подхода, его перспективы влияют объективные (неотъемлемые) характеристики мирового развития (как, например, процессы глобализации), инновационные методы исследования международных отношений (например, новые измерения «гегемонии», «замкнутости», «разнообразия» в международных отношениях) [52], альтернативные теоретические разработки [53]. Для достижения «эффективного» результата в исследовании и понимании международных отношений системный подход необходимо дополнять различными методами исследования[1].

## Литература

1. See, for example: *Inanna Hamati-Ataya.* Behavioralism // Oxford Research Encyclopedia, International Studies (oxfordre.com/internationalstudies). Online Publication Date:Jan 2018. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.376

2. Применение *редукционистского* подхода предусматривает объяснение сложных явлений законами, применимыми в отношении явлений более простых или разделение

[1] Методы анализа ситуаций (case-study), наблюдение (observation), обзор литературы (literature review), сравнительный анализ (comparative study), контент-анализ (content-analysis), ивент-анализ (event-analysis), когнитивное картирование (cognitive mapping), методы разработок сценариев (scenario-based method), Дельфийский метод (Delphi method), моделирование (modeling/simulation), анализ принятия решений (analysis of decision-making process), анализ внешней политики (Foreign Policy Analysis), дискурс-анализ (discourse-analysis), стратегический анализ (strategic study), SWOT/SCORE-анализ (SWOT/SCORE-analysis), анализ пропаганды (SCAME-analysis), бенчмаркинг (benchmarking), разновидности количественного и качественного анализа (qualitative and quantitative research) и др.

системы на составные части и исследование элементов данной системы. *Холистский* подход доказывает, что «целое больше, чем сумма его частей, и что поведение и ... содержание частей целого создаётся и формируется структурами, которые встроены в саму систему» (Бузан Б. Уровни анализа в международных отношениях / Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. – М.,2002. – С.209-210.)

3. See: International Relations: the Great Debates. / Edited by Baumann R., Mayer P., Zangl B. Volume I, II, III. – Edward Elgar Publishing, 2012.

4. Например, эволюция, равновесие, адаптация, регенерация, медленные процессы, переходные процессы.

5. *Блауберг И.В., Юдин И.Г.* Становление и сущность системного подхода. – М.: Наука, 1973. – С.61-63.

6. Цит. по: Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002. – С. 238. (Оригинальный источник: Dougherty I.E., Pfaltzgraff R.L. Contending Theories of International Relations. A Comprehensive Survey. Third edition. N.Y., 1990. P. 148.)

7. См.: *Парсонс Т.* О социальных системах/ Под ред. В. Ф. Чесноковой и С. А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002.

8. См.: *Луман Н.* Введение в системную теорию / Под ред. Дирка Беккера. Перевод с нем. К.Тимофеевой. – М.: Логос, 2007.

9. See: *Easton D.* The Political System: An Inquiry into the State of Political Science. New York: Alfred A. Knopf, 1953.; *Дэвид Истон.* Подход к анализу политических систем// Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2015. № 5. (*перевод работы Д. Истона "An Approach to the Analysis of Political System" (World Politics. 1957. No. 9. Apr. P. 383–400));*

10. See: *Inanna Hamati-Ataya.* Behavioralism // https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-376?rskey=Bmzkzn&result=52#acrefore-9780190846626-e-376-bibItem-0107

11. See: *Morton Kaplan.* System and Process in International Politics. – New York: Wiley 1957; *Цыганков П.А.* Мортон Каплан и системное исследование международной политики// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1.; *Цыганков П.А.* Системный подход в теории международных отношений// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. – С.9-10.

12. See: *Rosecrance R.* Action and reaction in world politics: International systems in perspective. Boston, MA: Little, Brown.6 1963.; *Inanna Hamati-Ataya.* Behavioralism // Oxford Research Encyclopedia, International Studies (oxfordre.com/internationalstudies). Online Publication Date:Jan 2018. DOI: 10.1093/acrefore/9780190846626.013.376 – P.13.

13. See: *Rosecrance Richard.* Action and Reaction in World Politics: International Systems in Perspective. – Boston, Little, Brown, 1963.; *Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.* Fifty key thinkers in international relations. Second edition. – Routledge, 2009. – P. 114-122.

14. See: *Kenneth N.* Waltz. Theory of International Politics. – Addison-Wesley Publishing Company, 1979.

15. См.: *Бузан Б.* Уровни анализа в международных отношениях // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Буса и С. Смита. – М.,2002.

16. See: *Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.* Fifty key thinkers in international relations. Second edition. – Routledge, 2009. – P.58-64.

17. See: *Robert Gilpin.* War and Change in World Politics, – Cambridge, Cambridge University Press, 1981.

18. See: *Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.* Cit. op, – P.16-23.

19. See: *Stanley Hoffmann. Gulliver's Troubles,* Or, the Setting of American Foreign Policy, New York, McGraw-Hill, 1968; *Stanley Hoffmann.* Dead Ends: American Foreign Policy in the New Cold War, – Cambridge, Massachusetts, Ballinger, 1983.

20. See: *Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.* Cit. op, – P.98-105.

21. See: *Karl Deutsch et al.* Political Community and the North Atlantic Area: International Organisation in the Light of Historical Experience. – Princeton, New Jersey, Princeton University Press, 1957; Political Community at the International Level, Garden City. – New York, Doubleday, 1954.

22. See: *Inanna Hamati-Ataya.* Behavioralism // https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-376?rskey=Bmzkzn&result=52#acrefore-9780190846626-e-376-bibItem-0107

23. See: *Martin Griffiths, Steven C. Roach, M. Scott Solomon.* Cit. op, – P. 67-73.

24. See: *Wallerstein I.* World-Systems Analysis // Social Theory Today/ Ed.by A.Giddens & J.H.Turner.- Cambridge: Polity Press,1987 - P.309 - 324.; *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П. М. Кудюкина. Под общей редакцией канд.полит. наук Б. Ю. Кагарлицкого. – С-Пб.: Издательство «Университетская книга», 2001.

25. См.: *Валлерстайн И.* Указ. раб. – С. 24.

26. See: *Modelski George.* Long Cycles and International Regimes // https://www.e-ir.info/2012/10/15/long-cycles-and-international-regimes/(Oct.15 /2012)

27. См.: *Цыганков П.А.* Системный подход в теории международных отношений // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5. – С.5,11-12.

28. See: *Hedley Bull,* The Anarchical Society, – London, Macmillan, 1977.; *Martin Griffiths, Steven C. Roach and M. Scott Solomon.* Cit. op, – P.213-220.

29. See: *Barry Buzan.* 'Culture and International Society'// *International Relations,* Vol. 86, No. 1 (2010), P. 1–25.

30. See: *Buzan B.G.* The United States and the Great Powers: Words Politics in the Twenty-First Century. – Malden: PolityPress, 2004. – P. 62-64.

31. См.: *Хрусталев М.А.* Системное моделирование международных отношений: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГИМО, 1989.

32. См.: *Богатуров А. Д.* Международно-политический анализ: Научное издание. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017.; *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002; *Богатуров А., Виноградов А.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / Восток–Запад. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. – М.: Прогресс-Традиция, 2002.

33. См. например: *Шаклеина Т.А.* Роль великих держав в структурировании мирополитического пространства в XXI веке / / Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С.313-324.

34. См. например: *Поздняков Э.А.* Системный подход и международные отношения / Отв. ред. Томашевский Д.Г. – М.: Наука, 1976.; *Allen Lynch.* The Soviet Study of International Relations. Chapter 4. The Systems approach and international relations. pp.71-88.– Cambridge University press, 1987.

35. См.: Система, структура и процесс развития современных международных отношений / Отв. ред. В.И. Гантман. – М., 1984.

36. См.: *Кокошин А.А.* О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк. – М.: КомКнига, 2006.

37. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016.

38. См. например: *Цыганков П.А.* Системный подход в теории международных отношений// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2013. № 5.; Теория международных отношений: Хрестоматия / Сост., науч. ред. и коммент. П.А. Цыганкова. – М.: Гардарики, 2002.

39. См. например: *Симония Н.А., Торкунов А.В.* Новый мировой порядок: от биполярности к многополюсности/ Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – С.243-254.

40. См. например: *Лебедева М.М.* Акторы современной мировой политики: локальные действия — глобальные последствия // Материалы 4-го Конвента РАМИ Пространство и время в мировой политике и международных отношениях / Под ред. А. Ю. Мельвиля: В 10 т. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / Под ред. М. М. Лебедевой. – М.: МГИМО-РАМИ, 2007.

41. См.: *Тимофеев И.Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений: Рабочая тетрадь №18/2014./ Гл.ред. И.С-.Иванов. Российский Совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2014.

42. *Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А.* Указ. раб. – С. 17-18., 179-180, 184, 230.; *Богатуров А. Д.* Международно-политический анализ: Научное издание – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. – С. 111.

43. *Хрусталев М.А.* Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: Учеб. пособие для вузов – 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018 – С.158.

44. *Богатуров А., Виноградов А.* Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории / Восток–Запад. К 70-летию академика Нодари Александровича Симония. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – URL: http://www.obraforum.ru/pdf/MIROC-sim.pdf - С.2 (pdf-версии).

45. См.: *Лапкин В.В., Пантин В.И.* Геоэкономическая политика: предмет и понятия (К постановке проблемы) // Полис. Политические исследования. 1999. № 4.; *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI века. – Дубна: Феникс+, 2006.

46. См.: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной). – С.138-145.

47. Ценным источником концептуализации идей (в т.ч. метатеорий) китайских исследователей, их вклада в общую теорию международных отношений являются публикации *The Chinese Journal of International Politics (URL: https://academic.oup.com/cjip)* и серия статей, посвященных исследованиям теории международных отношений в Китае *«IR Theory Studies in China: A CJIP Reader. Edited by Sun Xuefeng, M. Taylor Fravel and Liu Feng» (URL: https://academic.oup.com//cjip/pages/ir-theory-studies-in-china-a-cjip-reader).*

48. См.: *Грачиков Е.Н.* Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований//Вестник РУДН. Серия: Между-

народные отношения. 2019 Том. 19, № 2, С. 187-200.; *Грачиков Е.Н.* Китайская школа международных отношений: право на методологическое самосознание// Мировая политика, 2017, №1. - С. 47-65. – URL: https://e-notabene.ru/wi/article_21534.html

49. See, for example: Yaqing Qin. International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // The Chinese Journal of International Politics, Volume 3, Issue 2, Summer 2010, Pages 129–153. – URL: https://academic.oup.com/cjip/article/3/2/129/344492?searchresult=1; Yaqing Qin. A Multiverse of Knowledge: Cultures and IR Theories// The Chinese Journal of International Politics, Volume 11, Issue 4, Winter 2018, Pages 415–434 - URL: https://academic.oup.com/cjip/article/11/4/415/5162675

50. *Чжан Жуйчжуан, А. Королев.* Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития // Проблемы Дальнего Востока, № 3, 2010 г. – С.106-107.

51. См.: Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития: Научное издание / Под ред. О. В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2016. – (Серия «Российская политическая наука: Истоки и перспективы». Под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной). - С.155-157.

52. See, for example: *Maliniak D., Peterson S., Powers R., Tierney M.J.* Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field//Security Studies, 2018, Vol.27, No.3, pp. 448-484.

53. См. например, в рамках теории эволюционных циклов международной системы: *Joachim K. Rennstich.* Evolutionary Systems Theory: Concepts and Schools in International Relations // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. URL: https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-391?rskey=VB0sOC&result=2

**Н. Рахматуллаева**

# COVID-19: мир после кризиса

В апреле 2020 года журнал *Politique étrangère*, издаваемый авторитетным *Французским институтом международных отношений (IFRI)*, предварительно опубликовал статью Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля. В статье[1], которую планируется включить во второй номер журнала за этот год, европейский политик делится своим видением постковидного мира и Европы.

Ж.Боррель отмечает что, непредсказуемый кризис, связанный с COVID-19, поставил фундаментальные вопросы на нескольких уровнях. Он выделяет следующие три вопроса, на динамику развития которых кризис может повлиять существенным образом: 1. Будущее глобализации и неолиберализма 2. Эволюция глобального управления и 3. Устойчивость (*résilience*) ЕС и европейских демократических политических систем перед лицом серьезных и непредвиденных кризисов. Дальнейшее развитие в этих вопросах определит контуры постковидного мира, который, в некотором смысле, уже наступил.

***Будущее глобализации и неолиберализма.*** Пандемия не обозначит конец глобализации, но она поставит под вопрос ряд механизмов и идеологических предположений глобализации, в частности знаменитую неолиберальную триаду: открытость рынков, ограничение роли государства и приватизация. Следует отметить, что эти тенденции уже ранее наметились до начала кризиса, но кризис акцентировал их еще больше.

*Рахматуллаева Н., докторант УМЭД, специалист Центра международных экономических и политических исследований.*

[1] Borrell J. COVID-19: le monde d'après est déjà là. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/covid-19_le_monde_dapres_est_deja_la.pdf (дата обращения: 23.05.2020)

Автор полагает, что во-первых, нужно диверсифицировать источники снабжения в сфере санитарии. ЕС импортирует 50% от общего объема масок и средств индивидуальной защиты из Китая. 40% антибиотиков, импортируемые Германией, Францией или Италией, поступают из Китая, который производит 90% пенициллина в мире. На сегодняшний день в Европе не производится ни грамма парацетамола. Создание инвентаря или стратегического резерва продуктов первой необходимости позволило бы обеспечить их доступность в случае острого дефицита на всей европейской территории. Таким образом, следует сократить зависимость от стран-экспортеров товаров первой необходимости, с тем, чтобы ни одна страна не могла оказаться единственным поставщиком необходимой продукции. Нужно защищаться, но защищаться – это не значит поддаваться протекционизму. Защищаться, значит избежать ситуации крайней уязвимости перед иностранными поставщиками. Глобализация состоит не из простых текучих сетей, к которым все могут иметь доступ, но из стратегических узлов, управляемых определенными акторами, которые могут их контролировать или блокировать исходя из своих интересов в случае кризиса.

Во-вторых следует рассмотреть вопрос релокализации некоторых производств ближе к их месту потребления. Это возможно приведет к подорожанию стоимости продукции. Но, в будущем нужно будет выбирать между императивом безопасности и поиском минимальной цены для потребителя. Мы должны осознавать тот факт, что интересы гражданина должны преобладать над интересами потребителя. Например, Япония – очень открытая страна в коммерческом плане и ее невозможно подозревать в протекционизме. Тем не менее, она стала первой страной, которая провозгласила план, открыто предназначенный для финансирования возврата японских предприятий из Китая в целях их релокализации в Японии или других азиатских странах. Автор предлагает начать в Европе обсуждение по этому вопросу, преодолевая логику кокона, который до сих пор препятствовал единому стратегическому видению по тем или иным вопросам. Речь не идет о воссоздании в полном объеме производств, но о тех стратегических сегментах, которые когда-то были делокализованы по финансовым или климатическим причинам и которые теперь как никогда должны находиться в самой Европе.

В-третьих, для сдерживания рисков делокализации следует использовать альтернативные технологические разработки, например, роботы или распространение производства на 3D, эффективность которого была продемонстрирована в Италии в свете последних событий.

Если абсолютно необходимо, чтобы каждый искал для себя наибольшую санитарную безопасность, не менее необходимо также следить за тем, чтобы этот процесс не привел к протекционизму, где однажды начав с предметов санитарии, мы не дошли до совокупности производств, которые каждая нация считала бы сферой первой необходимости. Следовательно, нужно постараться найти новую точку равновесия для предотвращения распространения протекционистского движения, результатом которого может стать глобальная депрессия. Иными словами, нужно создать механизмы новой глобализации, которые позволяли бы найти новое равновесие между бесспорными преимуществами открытых рынков и взаимозависимости и императивами суверенитета и безопасности государств. В истории мало моментов, когда общества имели время на обдумывание, так как они слишком часто оказывались охвачены вихрями повседневных неотложных забот. Этот же кризис дает нам возможность воспользоваться моментом полной остановки, что может помочь нам переосмыслить многое.

Ж.Боррель утверждает, что кризис также изменил облик государства, идея об ограничении роли которого была в центре неолиберальной идеологии. Кризис наглядно показал, что страны с сильной социальной защитой лучше справляются с вызовами, чем те страны, которые оставляют своих граждан одних лицом к лицу с рынком. Реабилитация стратегической роли государства будет приоритетом в посткризисный период. Но это не должно означать, что государство станет «тяжеловесом», который будет заниматься всем, вплоть до производства масок. Следует реабилитировать стратегическую способность государства предвидеть и подготовить общество к принятию вызовов такого типа. Государства, которые лучше всего справлялись с санитарным кризисом за последние три месяца, это – государства, где государственная мощь лучше организована. Важно качество государства, а не только его размер.

***Реабилитация глобального управления.*** В последние годы считалось хорошим тоном критиковать ВТО. Отныне, под прицелом находится ВОЗ, и это в то время, когда мы больше всего нуждаемся в ней. Совет Безопасности не смог принять резолюцию о COVID-19 из-за отсутствия согласия между США и Китаем. Эта реальность необычная, так как даже во время холодной войны США и СССР смогли достичь взаимопонимания для разработки вакцины против полиомиелита. G7 также не смогла согласовать текст, так как одна из стран хотела квалифицировать COVID-19 как «китайский вирус». Мы становимся свидетелями настоящей *blame game* между США и Китаем, что на самом деле выявляет проблему дефицита глобального лидерства.

Тот факт, что впервые в истории ООН пандемия не привела к консенсусу является очень плохим предзнаменованием. Эта ситуация особенно контрастирует с принятием в 2000-х годах Всемирного плана против СПИД или с мобилизацией против вируса Эбола или с поведением мировых игроков во время финансового кризиса 2008 года. Результатом такой ситуации одновременно являются разногласия между государствами и отсутствие интереса у некоторых из них к глобальному лидерству. Все это вызывает большую обеспокоенность, так как мы все знаем, что сильное международное сотрудничество могло бы иметь большое значение в данной ситуации. Конечно же нужно оценить позже все что было сделано хорошо или плохо в начале пандемии. Но сейчас время мобилизации, а не полемики.

***Устойчивость демократий.*** Этот кризис также станет политическим испытанием для европейских демократических систем. Как и прежде, этот кризис выявит для обществ их сильные и слабые стороны. Три политических дискурса конкурируют между собой для подготовки к будущему: популистский, авторитарный и демократический.

Кризис, который обозначил важность рациональности, экспертизы и знаний должен был априори наиболее затронуть популистский дискурс. В самом деле, сложно продолжать говорить о пост-правде, когда мы знаем, как мы заражаемся, каковы группы риска и какие меры нужно превентивно применять для борьбы с эпидемией. Но, популисты могут возложить ответственность за распространение вируса на другие страны. Они также могут винить глобализацию, традиционного «козла отпущения» во всех проблемах. Они могут, в этой логике суждений, выступать за более усиленный контроль границ и воспользоваться этим случаем для акцентирования своей враждебности по отношению к иммиграции. Популизм доказал свою крайнюю пластичность. Он адаптируется ко всем контекстам и может с легкостью поменять курс, так как его не волнует различение правды от лжи. Впрочем, популисты всегда легко чувствовали себя в контексте беспокойства и страха. Искушение воспользоваться этой исключительной ситуацией для ограничения прав и свобод является очень большим, считает автор.

Также возможно движение в сторону цифрового авторитаризма, что уже можно явно увидеть в действиях некоторых государств. Это̀ очень похоже на ситуацию после 11 сентября 2011 года, когда борьба против терроризма привела к сворачиванию индивидуальных свобод. Авторитарный дискурс близок популистскому дискурсу в том, что он также старается упрощать проблемы и вогнать их в рамки центрального объяснения. Авторитарный дискурс утверждает, что только авторитарные и централизованные режимы в состоянии победить эпидемию, мобилизуя

все ресурсы страны. По мнению автора, это – неправда. Уже известно, что наиболее успешные в противодействии пандемии страны – хорошо организованные демократические государства, утверждает автор.

Ж.Боррель утверждает, что наиболее сложно построить демократический дискурс, так как демократические общества сомневаются, задаются вопросом, размышляют и пересматривают. Существует множество факторов, которые препятствуют быстрому и эффективному действию на основе ясной и бесспорной интерпретации событий. Однако, это не должно дать повода удариться в популизм или авторитаризм. В конце концов это – европейцы, которые по завершении кризиса вынесут свой вердикт поведению каждого государства и Европы в целом. С учетом этого, весьма важно, чтобы ЕС стал актором, способным что-то изменить. Не в смысле, чтобы ЕС заменял государства, а в том, что ЕС мог бы подкрепить действия государств перед лицом фундаментального вызова – защиты европейской модели. Эта модель не будет иметь ценности в глазах мирового сообщества, если она не будет продвигать солидарную модель между государствами-членами.

**▪ Научная жизнь УМЭД ▪ Scientific life of the University of world economy and diplomacy ▪**

# ЖАҲОН ИҚТИСОДИЁТИ ВА ДИПЛОМАТИЯ УНИВЕРСИТЕТИНИНГ ИЛМИЙ ҲАЁТИ

## бўйича маълумот (2020 йил, январь-июнь ойлари)

Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети ҳамда АҚШ Халқаро тараққиёт агентлиги ўртасида ўрнатилган ҳамкорлик доирасида "Медиация марказини очиш ва фаолиятини йўлга қўйиш" лойиҳаси бўйича ЖИДУнинг икки нафар ўқитувчиси Н.Рахмонкулова ва Ф.Хасановалар 2020 йилнинг 11-19 январь кунлари Сингапурда ўқув сафарида бўлдилар. Ташриф давомида ЖИДУ вакиллари Сингапур халқаро медиация институти, Сингапур халқаро медиация маркази, Сингапур медиация маркази ва Низоларни ҳал қилиш бўйича Сингапур халқаро академияси вакиллари билан учрашиб, ушбу ташкилотларнинг фаолияти билан яқиндан танишиш ва уларнинг тажрибасини ўрганиш имкониятига эга бўлдилар. Мазкур ишчи ташриф ЖИДУ қошида фаолият олиб бориши режалаштирилган Медиация марказини ташкил этиш ва фаолиятини самарали йўлга қўйиш борасида етарлича тажриба орттиришга замин яратди.

2020 йил 15 январь куни ЖИДУда ООО «E-LINE PRESS» компанияси билан ҳамкорликда ташкиллаштирилган "Олий таълим тизимидаги илмий тадқиқотларга ахборот кўмаги" мавзусида семинар бўлиб ўтди. Семинарда Университет профессор-ўқитувчилари, тадқиқотчилар, докторантлар ҳамда "E-LINE PRESS" компанияси вакиллари қатнашди. Семинарда профессор-ўқитувчилар, докторантлар, магистрлар ва кутубхона ходимлари замонавий маълумотлар базаси, кириш усуллари, ProQuest диссертациялар базаси ва бошқа электрон илмий ресурслар билан ишлашнинг замонавий усуллари, шунингдек, уларнинг олий таълим муассасаларидаги илмий тадқиқотлар ва таълим жараёни самарадорлигини оширишдаги аҳамияти билан таништирилди. Шунингдек, семинар давомида ўқитувчилар, докторантлар замонавий маълумотлар базаси ва турли электрон илмий ресурслар билан ишлашнинг

замонавий усуллари ҳақида ҳамда илмий мақолаларини чоп эттиришда эътибор қаратадиган жиҳатлар тўғрисида, диссертацияларини юксак савияда ёзиш бўйича муҳим маълумотларга эга бўлишди. Семинар сўнгтида "E-LINE PRESS" компанияси вакиллари ProQuest, Springer Nature, Emerald Publishing каби электрон маълумотлар базаларидан фойдаланиш тўғрисидаги иштирокчиларни қизиқтирган саволларга жавоб беришди.

2020 йил 17 январь куни Илмий ишлар ва инновациялар бўйича проректор Г.Исмаилова раҳбарлигида Университет кафедра мудирлари ва марказ раҳбарлари билан "2020 йилги Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг Илмий-тадқиқот ишлари ва инновацион фаолияти режаси" муҳокама қилинди. Мазкур йиғилишда Университетнинг 2020 йилдаги илмий-тадқиқот ишлари ва инновацион фаолияти бўйича устувор вазифалар, жумладан, илмий-педагогик кадрларни тайёрлаш, ёш олимлар фаолияти самарадорлигини ҳамда Университет илмий салоҳиятини ошириш, докторантларнинг ўз вақтида ҳимояга чиқиши, кафедралар ва марказлар фаолияти, халқаро ва республика миқёсидаги конференциялар режаси лойиҳаси, илмий грантлар самарадорлигини янада ошириш, иқтидорли ёшларни илмий фаолиятга жалб қилиш каби масалаларга алоҳида аҳамият қаратилди. Мажлис иштирокчилари томонидан берилган таклифлар асосида "2020 йилда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг Илмий-тадқиқот ишлари ва инновацион фаолияти режаси"га қўшимча ҳамда ўзгартиришлар киритилди ва Университет Илмий кенгашига тақдим этилди.

2020 йил 6 февраль куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетида "Ўзбекистон Республикаси Президентининг Олий Мажлисга йўллаган мурожаатномаси контекстида Ўзбекистон ташқи сиёсатининг устувор йўналишлари" мавзусида давра суҳбати бўлиб ўтди. Давра суҳбатида Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги, Ўзбекистон Республикаси Президенти ҳузуридаги Стратегик ва минтақалараро тадқиқотлар институти, Тараққиёт стратегияси маркази, Иқтисодий тадқиқотлар ва ислоҳотлар маркази ҳамда Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети вакиллари иштирок этдилар. Маърузачилар ушбу мурожаатнома мамлакатни модернизация қилишнинг стратегик вазифаларини ҳал этишга қаратилган кенг кўламли демократик ўзгаришлар ва таркибий ислоҳотларни амалга оширишнинг энг муҳим масалаларига бағишланганлигини таъкидладилар. Шунингдек, Ўзбекистоннинг 2020 йилдаги тараққиётига аниқ ва лўнда баҳо берилди. Экспертлар ташқи сиёсат ва ташқи иқтисодий сиёсатнинг асосий вазифалари кенг кўламли ислоҳотлар ва модернизация жараёнларини амалга ошириш учун қулай шароитлар яратиш, Ўзбекистон фуқарола-

рининг манфаатларини ва ҳуқуқларини ҳар томонлама таъминлаш, халқаро иқтисодий муносабатлар тизимида мамлакатнинг ўрни ва ролини мустаҳкамлаш, дунё ҳамжамиятида давлатнинг обрўси ва ижобий нуфузини мустаҳкамлашдан иборатлигини алоҳида таъкидладилар. Тадбир иштирокчилари Россия, Хитой, АҚШ, Япония, Корея Республикаси, Туркия, Бирлашган Араб Амирликлари, Европа Иттифоқи ва Осиё давлатлари билан сиёсий, савдо-иқтисодий, сармоявий, транспорт-коммуникация, маданий-гуманитар алоқаларни янада ривожлантириш ва чуқурлаштириш масалаларини муҳокама қилдилар. Шунингдек, БМТ, ЕХҲТ, МДҲ, ШҲТ, Ислом ҳамкорлик ташкилоти ва Туркийзабон давлатлар ҳамкорлик кенгаши сингари нуфузли халқаро ва минтақавий ташкилотлар доирасидаги кўп томонлама дипломатия ва ўзаро ҳамкорликнинг ўсиб бораётган имкониятларига алоҳида эътибор қаратилди.

2020 йил 3 март куни ЖИДУда Гребенников электрон кутубхонаси вакиллари билан учрашув бўлиб ўтди. Учрашувда Бош директор А.Халюков, университет ўқитувчилари, ходимлари ва докторантлари иштирок этдилар. Бош директор А.Халюков Гребенников кутубхонаси фаолияти ва асосий тематик йўналишлари, шунингдек, тўртинчи авлод университетларининг электрон манбалари тўғрисида маълумот берди. Учрашув давомида А.Халюков Гребенников нашриётининг ихтисослашган журналларида чоп этиладиган мақолалар, шунингдек, китоблар тўплами, алманахлар ва ўқув видеофилмлари тўғрисида сўзлаб берди. Учрашувнинг якуний қисмида электрон кутубхона вакили тадқиқотчилар ва докторантларнинг Гребенников электрон маълумотлар базасидан фойдаланиш бўйича саволларига жавоб берди.

2020 йил 14 март куни Университетда “Инновацион салоҳият мамлакатнинг халқаро инвестицион фаоллигини ривожлантириш омили сифатида” мавзусидаги халқаро илмий-амалий анжуман бўлиб ўтди. Унда вазирлик ва идораларнинг мутахассислари, шунингдек, халқаро ташкилотларнинг вакиллари, илмий марказлар мутахассислари, тадқиқотчилар ва олий ўқув юртларининг профессор-ўқитувчилари иштирок этди. Анжуманда мамлакатдаги инвестиция муҳитини янада яхшилаш, иқтисодиётга инвестицияларни жалб қилиш ва иқтисодий ўсишнинг юқори суръатларига эришиш учун лойиҳаларни амалга оширишда ташкилий-ҳуқуқий масалаларни ҳал этишга қаратилган илмий ва услубий ёндашувлар муҳокама қилинди.

2020 йил “Илм-маърифат ва рақамли иқтисодиётни ривожлантириш йили”га бағишлаб “Иқтисодиёт назарияси” кафедраси ўқитувчилари Л.М. Ташпўлатова, Г.С. Тонянц ва Р.А. Джураева томонидан тайёрланган «Банк тизимидаги инновациялар: глобал тенденциялар ва

Ўзбекистонда ривожланиш истиқболлари» номли монография 2020 йилнинг март ойида нашр этилди. Президент Ш.М. Мирзиёев парламентга мурожаатида: «Биз учун инновацион ривожланиш ҳаво каби зарур ... Биз янги билим ва инновацион технологияларни чуқур ўзлаштиришимиз керак. Бу тараққиётнинг энг қисқа йўлидан боришга имкон беради" деб таъкидлаган эди. Мазкур монография айнан ушбу муаммоларга бағишланган. Монографияда банк инновацияларининг ривожланишидаги глобал тенденциялар, инновацион хизматларни яратиш ва жорий этиш жараёнлари, шунингдек блокчейн, электрон тўлов тизимлари, финтех ва савдо молиялаштиришнинг механизми, ривожланиши ва истиқболлари очиб берилган ва таҳлил қилинган. Бундан ташқари, Ўзбекистон Республикаси банк тизими фаолиятининг асосий натижалари акс эттирилган ва амалиётда банк инновацияларидан фойдаланиш мисоллари келтирилган ҳамда банк соҳасига инновацияларни жорий этиш билан боғлиқ бўлган асосий муаммолар аниқланиб, уларни ҳал этиш йўллари кўрсатилган. Монография банкларнинг инновацион фаолиятидаги муаммолар билан шуғулланувчи мутахассислар, ўқитувчилар ва талабалар учун мўлжалланган.

2020 йил 22 апрель куни ЖИДУ онлайн платформасида университет профессор-ўқитувчилари, бакалавриат ва магистратура талабалари, докторант ҳамда тадқиқотчиларнинг Ўзбекистон Республикасининг Белгия қироллигидаги элчихонаси ва НАТОдаги миссияси вакиллари: сиёсий масалалар бўйича маслаҳатчи вакил Р.Маматов ва Европа Иттифоқи билан ҳамкорлик масалалари бўйича маслаҳатчи М.Исмаилов билан онлайн учрашуви бўлиб ўтди. Анъанавий-протокол рухда эмас, балки очиқ ва дўстона мулоқот тарзида бўлиб ўтган учрашув мобайнида элчихона вакиллари томонидан иштирокчиларга дипломатик ваколатхона тузилмаси, фаолиятининг асосий йўналишлари ҳамда кун тартибидаги долзарб масалалари ҳақида маълумот берилди. Хусусан, Ўзбекистоннинг ЕИ билан ҳамкорлиги тарихи, ҳуқуқий асослари, замонавий ҳолати ва икки томонлама ҳамда кўп томонлама шерикчилик муносабатларини янада ривожлантириш масалалари муҳокама қилинди. Шунингдек, меҳмонлар иштирокчиларнинг ЕИда жамоат палаталарининг ўрни, ЕИнинг Ўзбекистоннинг халқаро савдо ташкилотига кириши масаласи бўйича позицияси, Ўзбекистон ва ЕИ ўртасида ҳамкорликни янада кенгайтириш тўғрисидаги шартномани имзолаш истиқболлари, ЕИ ва Ўзбекистон ҳамкорлигининг турли платформалари (қўмиталар, сиёсий консультациялар), ЕИ ва Ўзбекистондаги коронавирус пандемиясининг иқтисодиётга салбий таъсирини камайтириш бўйича чора-тадбирлари, Ўзбекистоннинг ЕИ билан қишлоқ хўжалиги соҳасидаги ҳамкорлиги ҳолатига оид саволларига жавоб бердилар. Коронави-

рус пандемияси шароитида Европа мамлакатлари кун тартибидаги долзарб масалалар трансформацияси, ЕИ ҳуқуқий мақомининг концептуал асослари каби учрашув қатнашчиларини қизиқтирган мавзулар бўйича фикр алмашилди.

2020 йил 11 май куни БМТ Халқаро ҳуқуқ комиссияси томонидан ўрганилаётган долзарб мавзуларга бағишланган видеоконференция режимидаги "давра суҳбати" ўтказилди. Видеоконференция Ташқи ишлар вазирлиги томонидан Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети билан биргаликда ташкил этилди. Унда Ташқи ишлар вазирлиги, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети, Тошкент давлат юридик университети, Юристлар малакасини ошириш маркази ва бошқа илмий-академик доиралар вакиллари иштирок этдилар. «Давра суҳбати»да иштирокчилар томонидан "Умумий халқаро ҳуқуқнинг императив нормалари (jus cogens)" ва "Халқаро шартномаларни вақтинча қўллаш" мавзулари ҳамда ушбу мавзулар доирасида Халқаро ҳуқуқ комиссияси томонидан ишлаб чиқилаётган хулоса ва етакчи қоидалар лойиҳалари муҳокама қилинди. Бундан кўзланган мақсад эса халқаро ҳуқуқ нормаларининг яратилишида иштирок этувчи халқаро тузилмаларда Ўзбекистон Республикасининг фаоллигини ошириш ва халқаро ҳуқуқ норма ижодкорлиги жараёнида давлатимиз манфаатларини максимал даражада инобатга олинишини таъминлашдир. Таъкидлаш жоизки, ушбу "давра суҳбати" халқаро норма ижодкорлиги фаолиятига тааллуқли масалалар муҳокамасига кенг илмий-академик доиралар вакиллари жалб этилаётган биринчи тадбир ҳисобланади. Видеоконференция якунида иштирокчилар томонидан билдирилган фикр ва мулоҳазалар асосида юқоридаги мавзулар доирасида Халқаро ҳуқуқ комиссиясининг лойиҳалари юзасидан давлатимизнинг расмий позициясини шакллантириш учун бир қанча таклифлар тақдим этилди.

2020 йил 15 май куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университетининг онлайн конференция платформасида профессор-ўқитувчилар, бакалавриат ва магистратура талабалари ҳамда докторантлар билан мамлакатимизнинг Туркия Республикасидаги Фавқулодда ва Мухтор элчиси А.Агзамходжаев ҳамда элчихона дипломатлари ўртасидаги илмий учрашув бўлиб ўтди. Онлайн суҳбат давомида А.Агзамходжаев томонидан Ўзбекистон ва Туркия давлати ўртасидаги ўзаро муносабатлар тарихи, Стратегик муносабатларнинг ўрнатилиши ва унинг моҳияти батафсил сўзлаб берилди. Шунингдек, учрашувда инвестиция, экспорт ва бошқа соҳаларда стратегик ҳамкорликни ривожлантириш, туризм ва қурилиш соҳаларида Туркия давлатининг намунали тажрибасини ўрганиш ҳамда коронавирус пандемиясининг Ўзбекистон иқти-

содиётига салбий таъсирини камайтириш бўйича чора-тадбирлар масалаларига алоҳида тўхталиб ўтилди.

2020 йил 28 май куни БМТ Халқаро ҳуқуқ комиссияси томонидан ўрганилаётган долзарб мавзуларга бағишланган видеоконференция режимидаги навбатдаги "давра суҳбати" ўтказилди. Видеоконференция Ташқи ишлар вазирлиги томонидан Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети билан биргаликда ташкил этилди. Унда давлат органларининг ва илмий-академик доираларнинг 40 дан ортиқ вакиллари, хусусан, Ташқи ишлар вазирлиги, Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети, Тошкент давлат юридик университети, Юристлар малакасини ошириш маркази, Ўзбек халқаро ҳуқуқ ассоциацияси ва бошқалар иштирок этдилар. Давра суҳбатида иштирокчилар томонидан "Давлат мансабдор шахсларининг чет эл жиноий юрисдикциясидан иммунитети" ва "Ҳуқуқнинг умумий принциплари" мавзулари ҳамда ушбу мавзулар доирасида Халқаро ҳуқуқ комиссияси томонидан ишлаб чиқилаётган моддалар ва хулосалар лойиҳалари муҳокама қилинди. Тадбир давомида экспертлар кўрсатилган мавзулар бўйича фаол мулоқот шаклида батафсил фикр ва мулоҳазалар алмашдилар, шунингдек, Комиссиянинг ишлаб чиқаётган ҳужжатлари юзасидан Ўзбекистоннинг позициясига таклифлар тақдим этдилар. Иштирокчилар ушбу турдаги "давра суҳбатлари" Ўзбекистон Республикасининг халқаро норма ижодкорлиги фаолиятидаги, шу билан бирга, БМТ Бош Ассамблеяси Олтинчи (ҳуқуқий масалалар бўйича) қўмитаси доирасидаги иштирокини фаоллаштиришга хизмат қилишини таъкидлаб ўтдилар.

2020 йил 25 июнь куни Жаҳон иқтисодиёти ва дипломатия университети Ўзбекистон Республикаси Ташқи Ишлар вазирлигининг Иқтисодий дипломатия бошқармаси билан биргаликда "Назария ва амалиётда иқтисодий ривожланишнинг долзарб масалалари ҳамда замонавий жиҳатлари" мавзусида вебинар ўтказилди. Ўзбекистон Республикаси Президентининг 2018 йил 5 апрелдаги 3654-сонли Фармонига мувофиқ Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлиги тизимидаги ислоҳотлар "Иқтисодий дипломатия" йўналишини илгари сурган ҳолда Ташқи ишлар вазирлигининг иқтисодий дипломатия департаментида ушбу йўналиш ҳамда савдо, инвестициялар ва жаҳон иқтисодиёти ривожланишининг долзарб масалалари бўйича ходимларнинг малакасини оширишга қаратилган бир қатор чора-тадбирларни амалга ошириш режалаштирилган. Юқоридагилардан келиб чиққан ҳолда илм-фан вакиллари ҳамда иқтисодий дипломатия, иқтисодий интеграция, транспорт коридорлари, инвестицияларни жалб этиш ва экспорт соҳасидаги мутахассислар билан ўзаро фикр-мулоҳазалар, хулосалар ва таклифлар алмашиш, шунингдек, мамлакатнинг етук олимлари билан бирга-

ликда профессионал ҳамкорликни кучайтириш ушбу вебинарнинг асосий мақсадлари сифатида белгилаб олинди. Вебинарда ЖИДУ профессор-ўқитувчилари ва Ўзбекистон Республикаси Ташқи ишлар вазирлигининг таркибий бўлинмалари раҳбарлари қатнашдилар. Вебинар давомида иқтисодий ривожланишнинг долзарб масалари ва замонавий йўналишлари муҳокама қилинди. Хусусан, бугунги кунда белгиланган вазифаларни бажариш учун замонавий шароитда иқтисодий дипломатиянинг фаоллашуви алоҳида аҳамиятга эга бўлиши ҳамда Ўзбекистоннинг ташқи иқтисодий манфаатларини илгари суришда янги, ностандарт ёндашувларни ишлаб чиқиш зарурлиги таъкидлаб ўтилди.

2020 йил 2 июнь санасида Университетнинг онлайн-конференциялар платформасида ЖИДУ профессор-ўқитувчилари, тадқиқотчилари, магистрлар ва талабалари билан Ўзбекистон Республикаси Бош прокурорининг ўринбосари Светлана Ортиқова ўртасида "Янги Ўзбекистонда инсон ҳуқуқларининг ҳимоя қилиниши" мавзусида учрашув ўтказилди. Учрашув давомида С.Ортиқова инсон ҳуқуқларининг ҳимоя қилинишига, ҳамда Ўзбекистоннинг Инсон ҳуқуқлари бўйича қўмитаси олдидаги мажбуриятларининг бажарилишига оид масалаларни кенг ёритиб берди. Шунингдек, пандемия даврида инсон ҳуқуқларини ҳимоя қилиш ва ҳуқуқбузарликларнинг олдини олиш аҳамиятига тўхталиб ўтди. Учрашув очиқ мулоқот тарзида ўтказилиб, гендер тенглиги масалалари ҳамда Ўзбекистонда аёллар ва болалар ҳуқуқларини ҳимоя қилиш масалалари кенг ёритилди.

2020 йил 10 июнь куни Олий Мажлис Сенати Раисининг биринчи ўринбосари Содиқ Сафоевнинг ЖИДУ профессор-ўқитувчилари, докторант, тадқиқотчилар ҳамда талабалари билан видеоконференция тарзида онлайн учрашуви бўлиб ўтди. Унда пандемиянинг оқибатлари ва халқаро муносабатларнинг долзарб масалалари борасида сўз юритилди. Хусусан, Олий Мажлис Сенати Раисининг биринчи ўринбосари С.Сафоев коронавирус пандемиясининг ижтимоий-иқтисодий ва сиёсий ҳодиса сифатида умумий хусусиятлари, унинг геосиёсий, молиявий, иқтисодий, гуманитар ва ижтимоий соҳаларга таъсири ҳақидаги ўз фикр-мулоҳазалари билан ўртоқлашди. Учрашувда коронавируснинг жамиятга ва иқтисодий ривожга таъсири масалалари бўйича ҳам тушунтириш берилди. Пандемия Ўзбекистонда фуқаролик жамияти ва давлат органлари ўртасида коронавирус эпидемиясининг салбий оқибатларини бартараф этиш бўйича ҳамкорликни кучайтиргани намойиш этгани қайд этилди. Бундан ташқари, учрашувда Университет профессорлари томонидан ҳам коронавирус пандемиясининг оқибатларини қайта кўриб чиқишда комплекс ёндашув ҳамда назарий ва амалий синергиянинг муҳимлиги тўғрисида сўз юритилди. Шунингдек, ҳозирги шароитда

Ўзбекистон аҳолисининг турмуш фаровонлигини оширишнинг кейинги босқичлари, пандемия билан боғлиқ муаммоларни ҳал қилишдаги чора-тадбирлар, эпидемиянинг келиб чиқиши ва Марказий Осиёда минтақавий ҳамкорлик истиқболларига оид саволларга батафсил жавоб қайтарилди.

2020 йилнинг 12 июнь санасида университетнинг онлайн-конференциялар платформасида Анқарадаги Яқин Шарқ Техника Университетининг профессори Ҳусайн Бағчининг "Ташқи сиёсат ва хавфсизлик сиёсати: умумжаҳон пост-пандемик даврда глобал ва минтақавий таҳдидлар, тахминлар ва ечимлар" мавзусидаги онлайн-маърузаси ташкил этилди. Унда ЖИДУ докторантлари, ходимлар ва профессор-ўқитувчилар иштирок этди. Маъруза давомида профессор Ҳ.Бағчи Туркиянинг ҳозирги даврдаги ташқи сиёсати ва республиканинг халқаро муносабатларда тутган стратегик ўрни ҳақида тўлиқ маълумот берди. Хусусан, маърузачи Туркиянинг Европа Иттифоқи, АҚШ, Россия ва Хитой каби давлатлар билан ўзаро муносабатларининг ўзига хос жиҳатларини очиб берди. Тадбирнинг якунловчи қисми "савол-жавоб" форматида ўтди. Иштирокчилар тадбир мавзусига ката қизиқиш билдириб, фикр алмашдилар.

# МЕТОДИК КАБИНЕТ

**■ Методический кабинет ■ Methodical cabinet ■**

*ЖИДУ раҳбарияти ва "Халқаро муносабатлар/Международные отношения" журнали таҳририяти мазмунан ва концептуал янгиланган журнални чоп этишга киришмоқда. Тажриба шуни кўрсатмоқдаки, аксарият муаллифлар, айниқса, ёш тадқиқотчилар (докторантлар)нинг илмий изланиш жараёнларини ташкил қилиш, олиб бориш қонун-қоидалари, тартиблари билан таништириш лозим экан. Бундан ташқари, улар журналимиз савиясига бўлган янги концептуал ёндашув ва турли рукнларимизнинг мазмун-моҳиятини ҳам яхши англамаган кўринадилар. Шуларни эътиборга олган ҳолда, таҳририятимиз* ***«Методик кабинет»*** *деб ном олган янги рукнни жорий этишга қарор қилди. Бу рукнда журналимиз мавзусига доир бўлган, ҳамда илмий тадқиқот ишларини ташкил этиш ва амалга ошириш тартиботлари, монография, илмий мақола, тезис, маъруза, эссе ёзиш тартибларига оид турли маълумотлар беришни режалаштирганмиз.*

## *«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журналида нашр этиладиган мақолаларнинг савиясига нисбатан қўйиладиган талаблар*

*«Халқаро муносабатлар/Международные отношения» журнали фанлараро ва илмий-назарий характерга эга. Журналда халқаро муносабатлар тарихи ва назарияси, халқаро ҳуқуқ ва жаҳон иқтисодиёти фундаментал муаммолари, Ўзбекистоннинг ҳозирги жаҳон сиёсатида тутган ўрни ва роли, халқаро ва минтақавий хавфсизлик масалалари, халқаро тадқиқотлар назарияси, услубиёти ва амалиёти, халқаро мунособатлар бўйича мутахассислар ва дипломатик кадрлар таёрлашда илғор миллий ҳамда жаҳон тажрибаси ва журналимиз мавзусига доир бўлган бошқа материаллар нашр этилади. Мақолалар таҳлилий ва муаммовий характерга эга бўлиши шарт. Уларнинг илмий аппаратига алоҳида эътибор қаратилиши керак. Ушбу ўринда мақоланинг* ***«илмий аппарати»*** *тушунчасининг мазмун-моҳиятига қисқача таъриф бермоқчимиз:*

*Илмий аппарат деганда, илмий тадқиқотни амалга оширишга имкон берадиган мантиқий фикрлаш изчиллиги, шу асосда бажариладиган операциялар кетма-кетлиги тушунилади. Тўғри ташкиллаштирилган илмий аппарат тадқиқотчига танлаб олинган мавзу бўйича илмий изланишлар-*

*ни амалга оширишга имконият яратиб беради. Илмий аппарат мавзу танлаб олиниб тасдиқланганидан кейин шакллантирилади.*

***Одатда, илмий аппарат шундай кўринишга эга бўлади:***

*- тадқиқотнинг **стратегик йўналишлари** (мавзу доирасида мавжуд зиддият(лар)ни аниқлаш ва улар негизида пайдо бўладиган муаммони белгилаб олиш, шундан кейин тадқиқот мақсадларини ифодалаш);*

*- **технологик операциялар** - тадқиқот объектини, предметини, ишчи гипотезани, тадқиқот негизидаги вазифаларни, манбаларни ифодалаш;*

*- **аналитик операциялар** - тадқиқот мавзусининг илмий жиҳатдан янгилиги, тадқиқот учун асос қилиб олинаётган фикр-мулоҳаза (гипотеза)ларнинг назарий ва амалий жиҳатдан аҳамияти, ҳимояга олиб чиқилаётган асосий ғоялар, тадқиқот натижаларининг ҳаққонийлиги, апробацияси ҳақида мухтасар маълумотлар берилиши жоиз.*

*Мақолада юқоридаги талаблар мухтасар ҳолатда ифодаланиши керак.*

*Таҳририятга тақдим этиладиган материаллар қуйидаги асосий шартларга жавоб бериши лозим:*

*1. Мақоланинг матни Word 2003 вариантида тайёрланиши.*

*2. Шрифт - Times New Roman, шрифт кегели (ҳажми) - 14 бўлиши.*

*3. Сатрлар орасидаги масофа 1,5 бўлиши.*

*4. Диаграмма, расм ва жадваллар фақат оқ/қора ёхуд кулрангда берилиши.*

*5. Мақоланинг тузилиши қуйидагича бўлиши керак: аннотация (2-3 абзацдан ошмасин), кириш, асосий қисм, хулоса, фойдаланилган адабиётлар.*

*6. Иқтибосларни мақоланинг охирида эмас, балки матн ичида келтирилган тартиб бўйича бериш керак.*

*Адабиётларга берилган ҳаволалар [1], [2], [3], тартибида берилади, адабиётлар мақоланинг охирида худди шундай тартибда кўрсатилади.*

*7. Мақоланинг умумий ҳажми 15 бетгача, тезислар учун - 7 бетгача.*

*8. Муаллиф(лар)нинг исм-шарифи, иш жойи, илмий унвони, илмий даражаси, мулоқот учун маълумотлар аниқ кўрсатилиши керак.*

*9. Мақолалар фақат электрон вариантда онлайн режимида **http://uwed.uz/ru/applicant-article** электрон манзил бўйича қабул қилинади ва рўйхатга олинади. Таҳририят ходимлари мақоласини нашр этмоқчи бўлган муаллифлар билан бевосита мулоқотга киришмайди.*

*Материалларни тайёрлашда журналимизнинг тахминий мавзулари билан танишиб чиқиш тавсия этилади. Таҳририятимизга келиб тушган мақолаларнинг чоп этилиши ёки чоп этилмаслиги ҳақидаги қарорни **Таҳрир ҳайъати** қабул қилади.*

# МЕТОДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

**▪ Методик кабинет ▪ Methodical cabinet ▪**

*Руководство УМЭД и редакционная коллегия журнала «Халқаро муносабатлар» приступают к изданию концептуально обновленной версии журнала. Опыт работы показывает, что многие авторы, прежде всего молодые (исследователи, докторанты), недостаточно хорошо понимают стратегию и тактику, принципы ведения исследовательской работы, более того, неточно представляют себе новые концептуальные подходы к уровню нашего журнала, не имеют представления о сущности и назначении отдельных рубрик. Учитывая эти обстоятельства, редакционная коллегия приняла решение открыть рубрику* ***«Методический кабинет»****, где будет размещаться информация, имеющая отношение как к тематике нашего журнала, так и к подготовке научных исследований и написанию научных материалов (статьи, монографии, тезисы, доклады, эссе).*

## *Основные критерии к уровню научных статей, принимаемых к публикации в журнале «Халқаро муносабатлар»*

*Журнал носит междисциплинарный, научно-теоретический характер. К публикации принимаются материалы, касающиеся фундаментальных проблем истории и теории международных отношений, международного права и мировой экономики, затрагивающие актуальные вопросы роли Узбекистана в современном мире, региональной и международной безопасности, теории, методологии и практики международных исследований, передового отечественного и зарубежного опыта в сфере подготовки высококвалифицированных специалистов-международников и дипломатических кадров, а также другие темы, отвечающие профилю нашего издания. Статьи должны иметь проблемный, аналитический характер. Особое внимание следует уделять научному аппарату. К сведению претендентов напоминаем, что такое научный аппарат.*

***Научный аппарат*** *– перечень последовательно совершаемых логико-познавательных действий (операций), обеспечивающих выполнение самого исследования. Научный аппарат организует поисковую деятельность и упорядочивает ее. Он формируется сразу после выбора темы и ее обоснования на основе анализа литературы и зондажного изучения практики. Обычно научный аппарат исследования представляется в следующем виде:* ***стратегические операции****: поиск противоречия, выявление проблемы, определение цели;* ***технологические операции****: объект исследования, предмет исследования, гипотеза исследования, задачи исследования, источники исследования, база исследования, методы исследования, этапы*

*исследования;* ***аналитические операции:*** *научная новизна исследования, теоретическая значимость исследования, практическая значимость исследования, положения, выносимые на обсуждение, достоверность результатов исследования, апробация результатов исследования.*

*К статье приложите, пожалуйста, следующие сведения о себе:*

1. *Фамилия, имя, отчество автора (полностью).*
2. *Организация (название полностью).*
3. *Должность.*
4. *Ученое звание.*
5. *Ученая степень.*
6. *Адрес (с индексом).*
7. *E-mail, факс, телефон.*

***Главные критерии содержания статьи:***

- *актуальность с научной и практической точек зрения,*
- *новизна постановки вопроса или раскрытия темы,*
- *фундаментальность проработки темы,*
- *аргументированность выводов,*
- *доступность и четкость изложения.*

* * *

*Рукопись, представляемая в редакцию, должна отвечать следующим стандартным условиям:*

*– текст готовить по версии Word 2003 года;*

*– использовать шрифт Times New Roman, размер шрифта - 14 кегль; междустрочный интервал - 1,5;*

*– структура рукописи: аннотация (не более 2-3 предложений), введение, основная часть, заключение, использованная литература;*

*– диаграммы, рисунки и таблицы должны даваться в статье только в черно-белом или сером цветовом варианте;*

*– диаграммы, рисунки, таблицы давать только в черно-белом цвете либо с использованием серых оттенков;*

*– сноски в тексте нумеровать по порядку надстрочным индексом; ссылки на литературу нумеровать по порядку [1], [2], [3]; литературу привести в конце статьи точно так же;*

*– в статье должны быть указаны имя-отчетство, место работы, научная степень автора и его контактные данные (телефон, e-mail);*

*– объем статьи не должен превышать 15 стандартных страниц.*

*Статьи принимаются в электронном формате и регистрируются в режиме онлайн по адресу* ***http://uwed.uz/ru/applicant-article****. Личные контакты не приветствуются.*

* * *

*Решение о публикации статей, поступивших в редакцию, принимает* ***редакционная коллегия.***



www.uwed.uz

UWED